

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ТЕПТЮК Павел Сергеевич

**МАКАМЫ АЛ-‘АББАСА КАК ПАМЯТНИК
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ**

Специальность 10.01.03 – Литература народов
стран зарубежья (литературы стран Азии и Африки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Долинина Анна Аркадьевна

Санкт-Петербург – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Рукописи макам ал-‘Аббāса	14
1.1 История рукописи В 66 и её отражение в справочных изданиях.....	14
1.2 История рукописи N.F.66 и её отражение в справочных изданиях	19
1.3 Автор, датировка сочинения и рукописей	26
1.4 Характеристики куррас рукописей.....	29
1.5 Состояние рукописей и дефекты	30
1.6 Размеры рукописей	30
1.7 Тип бумаги	32
1.8 Чернила.....	34
1.9 Шрифт и оформление рукописей	35
1.10 Особенности деления текста в рукописях	37
1.11 Этапы написания рукописи В 66	42
1.12 Предисловие к сборнику как исторический источник	46
Глава 2. Жанр макамы в историко-литературном аспекте	48
2.1 Макама как образец канонического жанра. История и классификация.....	48
2.1.1 Андалусская макама.....	55
2.2 Сложение и эволюция макамного канона	57
2.2.1 Дидактика – развлечение.....	57
2.2.2 Изысканность языка – смысловая нагрузка	60
2.2.3 Плутводство (порок) – красноречие (образованность)	63
2.2.4 Проза – поэзия	65
2.3 Макама за пределами арабской литературы	71
Глава 3. Литературоведческий анализ макам ал-‘Аббāса.....	74
3.1 Преемственность канона в макамах ал-‘Аббāса	74
3.2 Организация цикла макам ал-‘Аббāса	93

3.2.1 Количество макам в сборниках классических авторов и их последователей.....	93
3.2.2 Путешествия в классических сборниках макам.....	97
3.3 Композиционная структура макам ал-‘Аббāса	102
3.4 Персонажи макам	114
3.4.1 Главный герой, рассказчик и автор	114
3.4.2 Дополнительные персонажи	124
3.4.3 Роль нравоучительности и назидания	126
3.5. Соотношение прозы, саж‘а и стихов, и их функции в тексте	128
3.6 Сюжеты в макамах ал-‘Аббāса	134
3.6.1 Следование канону. Заимствование сюжетов	134
3.6.2 Отклонение от традиционного канона.....	141
3.6.3 Правовые реалии в сюжетах макам ал-‘Аббāса.....	147
Заключение	150
Список использованных источников и литературы	154
Приложения	170
1. Образцы текста рукописи В 66 и их перевод с комментариями	170
а. Введение к рукописи.....	170
б. Введение к «Румийской» макаме, № 2	175
в. «Законоведная» макама, № 1	178
г. «Египетская» макама, № 6.....	191
д. «Басрийская» макама, № 11	211
2. Таблица № 1: Важнейшие даты, связанные с историей рукописей В 66 и N.F.66	226
3. Таблица № 2: Оглавление рукописей В 66 и N.F.66.....	227
4. Таблица № 3: Сравнение композиционной структуры «Законоведной» макамы ал-Ҳарйрī и ал-‘Аббāса.....	229

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена всестороннему анализу сборника макал ал-‘Аббāса, относящихся к арабской художественной прозе позднего средневековья.

Актуальность темы. Макама – один из самых распространённых жанров изысканной художественной прозы в литературе Ближнего и Среднего Востока. Зародившийся в X веке, этот жанр оставался продуктивным вплоть до XXI века¹ и, как отмечают арабские критики нового времени, оказал влияние на формирование прозаических и драматических жанров, характерных для реалистического метода, сложившегося на Арабском Востоке в XIX-XX веках. Значительное количество средневековых сборников макал в различных коллекциях рукописей, в частности – в коллекции ИВР РАН, свидетельствует о популярности жанра и в позднесредневековый период.

Эволюция жанра макамы, исследованная только в общих чертах, важна для разработки многих проблем, в том числе и для понимания принципа каноничности в арабской литературной традиции. До сих пор отсутствует достаточно полная картина развития макамы во взаимодействии её противоречивых составляющих – назидательной, развлекательной, риторической, изобразительной и философской – в разные периоды её бытования в арабской литературе, особенно это касается позднего средневековья. Только системное изучение макамных текстов в сравнении с макамами предшественников и современников даст возможность сделать ряд обобщающих выводов об особенностях развития этого жанра. Прочтение и всесторонний анализ рукописных сборников макал являются необходимым началом для этого процесса.

Введение в научный оборот ранее неопубликованного текста рукописей В 66 в фонде ИВР РАН и N.F.66 в Австрийской национальной библиотеке, содер-

¹ На сегодняшний день известно более 250 сборников макал на различных языках (арабский, персидский, иврит и т.д.) [Hämeen-Anttila 2002, с. 368-410].

жащих не изученные до сих пор макамы ал-‘Аббāса (предположительно конец XVI века), позволило получить более объективное представление о функциональных задачах произведений этого жанра как в позднем средневековье, так и в арабской литературе в целом. Кроме того, следует учитывать, что позднесредневековая арабская художественная литература исследована гораздо меньше, чем литература классического средневековья.

Краткий обзор научной литературы по проблематике диссертации. Комплексное изучение жанра макамы началось только в XIX – начале XX века с анализа самых знаменитых сборников – ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī. В сущности большинство исследований и до настоящего времени рассматривают такие жанровые свойства как композиционное построение, стилистические и сюжетные особенности на примере одних только классических макам. Значительный интерес, как у арабских, так и у европейских литературоведов вызывает проблема истоков макамы (A.F.L. Beeston), что отражается в большом количестве публикаций, посвящённых анализу исторических обстоятельств возникновения жанра и возможному влиянию на него литератур сопредельных арабскому халифату государств. В ряде исследований (А.А. Долинина, З.М. Ауэзова) проводится сравнение сочинений ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī.

Из вышедшей в последнее время научно-исследовательской литературы посвящённой жанру макамы, хотелось бы особо отметить монографию Яакко Хямен-Аттилы «Макама: история жанра» (2002 г.), содержащую в качестве приложения перечень из более двухсот пятидесяти авторов макам разных периодов. Из содержания этого перечня виден весь массивный объём малоизученных или вовсе неизученных средневековых и позднесредневековых макамных сборников, что, в свою очередь, отрицательным образом характеризует степень объективности представлений современной науки о возникновении жанрового канона макамы и её последующей эволюции.

Из недавно защищённых диссертаций на русском языке, посвящённых исследованию макамы в том или ином аспекте, можно назвать:

Парижский С.Г. Соотношение поэзии и прозы в макамах на иврите XII - XIII вв. – Санкт-Петербург, 2011.

Ауэзова З.М. Особенности развития жанра макамы в арабской литературе (XI-XIII вв.) – Санкт-Петербург, 1993.

Хади-заде Ф. Поэтика макам (новелл) Хамадиддина Балхи (опыт художественно-эстетического исследования) – Душанбе, 1991.

Объектом работы является всестороннее литературоведческое исследование сборника макам ал-‘Аббāса – особенности рукописей, структура, композиция, сюжеты, стиль, персонажи и т.д.

Предметом исследования служит сборник макам ал-‘Аббāса по известным рукописям.

Исследование имеет целью:

- а) ввести в научный оборот до сих пор неизученный текст сборника макам ал-‘Аббāса;
- б) дать полноценную характеристику сборника макам ал-‘Аббāса как памятника позднесредневековой художественной прозы;
- в) определить место макам ал-‘Аббāса в истории развития этого литературного жанра.

Для достижения указанных целей диссертантом были поставлены и решены следующие задачи:

1. Сличены тексты рукописей В 66 из ИВР РАН (Санкт-Петербург) и N.F.66 из Австрийской национальной библиотеки (Вена), содержащих макамы ал-‘Аббāса; зафиксированы разночтения между ними.
2. Переведены на русский язык образцы макам ал-‘Аббāса, подготовлен к изданию их арабский текст и выполнены необходимые комментарии.
3. Рассмотрена взаимосвязь жанра макамы и литературы адаба в позднем средневековье.
4. Выявлена связь произведений ал-‘Аббāса с традицией и определён вклад этого автора в развитие жанра макамы.

5. Установлено, как отразились черты литературы позднего средневековья в макамах ал-‘Аббāса.

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

1. Долгое время допускалось, что рукопись В 66 могла являться единственным списком макам ал-‘Аббāса [Арабские рукописи 1986, с. 71]. Однако в ходе данного исследования выяснилось, что в фонде Австрийской национальной библиотеки хранится рукопись N.F.66, содержащая тот же самый поздне-средневековый сборник макам, но приписываемый другому автору в результате ошибки. Таким образом, в научный оборот вводится текст обеих ранее неизученных рукописей.
2. В диссертации впервые исследовано не изученное ранее художественное прозаическое произведение на арабском языке. Известным материалам дано новое освещение на основе сравнительного и историко-литературного анализа с учётом современных научных разработок отечественных и зарубежных учёных.
3. Впервые в подробном освещении представлена роль традиции классиков жанра макамы (X-XII веков) в литературе позднего средневековья, а также определяется связь этого жанра с задачами традиционной арабской назидательной литературы.
4. Изучены социально-культурные реалии, нашедшие отражение в поздне-средневековой арабской литературе, что дало более глубокое представление о мусульманской культуре и морально-этических представлениях этого периода.

Источниковую базу диссертации составляют текст рукописи В 66 (ИВР РАН), рукопись N.F.66 (Австрийская национальная библиотека); оригинальные тексты и переводы макам других арабских авторов (ал-Хамазāнй, ал-Ҳарйрй, ал-Ҷаввās, аз-Замаҳшарй, Ибн Мārй, ал-‘Аббāсй, ас-Суйўтй, ал-Мауҗилй и т.д.).

Методологическую основу диссертации составили труды известных теоретиков литературы – А.Н. Веселовского, Д.С. Лихачева, С.С. Аверинцева,

Б.Л. Рифтина, В.И. Брагинского, а также арабистов, исследовавших классическую арабскую литературу, в том числе в теоретическом аспекте – И.Ю. Крачковского, А.А. Долининой, А.Б. Куделина, Б.Я. Шидфар, Д.В. Фролова.

В исследовании были использованы следующие методы:

1. Сравнительно-исторический (историко-генетическое сопоставление макам ал-‘Аббāса со сборниками его предшественников и последователей; выявление изменений, произошедших в жанре макамы в эпоху позднего средневековья, определение тенденции его развития).
2. Типологический (рассмотрение эволюции макамного жанра как типологического явления, его родство с литературой адаба).
3. Герменевтический (анализ содержания макам с точки зрения толкования смысла текста, присущего эпохе ал-‘Аббāса).
4. Статистический (исследование соотношения плутовских и риторических сюжетов в макамах, отличие сборника ал-‘Аббāса от классических сборников по количеству макам; соотношение поэзии, прозы и саж‘а в тексте).
5. Кодикологический (всестороннее изучение рукописей В 66 и N.F.66 как памятников культуры с использованием прикладных филигранологического и палеографического методов исследования).

По своей структуре работа состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Списка использованной литературы и Приложения. Объём работы составляет 169 страниц. **Общий объём** диссертации с приложениями – 230 страниц. **Список использованной литературы** включает в себя 181 наименование, из них – 32 источника.

Во Введении представлены цели и задачи работы, её практическая и теоретическая значимость, обосновывается её актуальность и новизна; перечисляются методы и методология, применённые при проведении данного исследования; дан краткий обзор научной литературы по проблематике диссертации.

Глава 1 посвящена кодикологическому и текстологическому исследованию рукописей В 66 и N.F.66, содержащих сборник макам ал-‘Аббāса. Излагается их судьба в рукописных собраниях и отражение в справочных изданиях.

При изучении рукописей были учтены особенности написания рукописного текста в связи с его функцией и возможной принадлежностью переписчика к рукописной школе определённого региона. Были описаны следующие свойства рукописей: владельческие и библиотечарские пометы, степень сохранности, тип и оригинальность переплёта, состав тетрадей, количество листов, нумерация тетрадей и листов, формат, тип бумаги, водяные знаки, расположение и деление текста на листе, тип чернил, почерки переписчиков, пометы переписчиков. Благодаря исследованию всех этих особенностей были более точно и аргументированно датированы обе рукописи, раскрыт процесс написания В 66, определена целостность текстов и выявлены все разночтения между ними.

В главе 2 в историко-литературном аспекте рассматриваются некоторые особенности классической макамы, которые были прежде неверно охарактеризованы в литературоведческих исследованиях, либо не получили в них должного освещения. К этим особенностям относятся: классификация макам в контексте исторического развития жанра; принципиальные отличия классических макам от постклассических и современных; определение и функции традиционной вводной формулы в макамах; превалирование дидактики над плутовством при утрате развлекательности сюжетов в постклассический период; изящность слога в противовес ущербности смысла произведения; сочетание образованности и порочного поведения в одном герое, а также включение подобного героя в контекст образовательной литературы; чередование поэзии с художественной прозой при свободе вымысла. Рассмотрение всех этих особенностей позволило более явственно очертить границы макамного канона, в пределах которого был создан сборник ал-‘Аббāса.

Глава 3 представляет собой литературоведческий анализ макам ал-‘Аббāса по самым интересным и значимым для их характеристики аспектам. Рассматри-

ваются художественные особенности макам предшественников и современников ал-‘Аббāса, наиболее значимых для определения места его сборника в арабском литературном процессе; изучена организация цикла макам ал-‘Аббāса в количественном аспекте при сравнении с классическими и постклассическими сборниками; даётся оценка роли путешествий и пейзажа в создании цикла на примере классических макам; проводится литературно-теоретический анализ текста макам ал-‘Аббāса с точки зрения особенностей композиции, содержания, языка, образов центральных и второстепенных персонажей, канонических и «заимствованных» сюжетов; определяется значение правовой тематики как наиболее частой в сборнике ал-‘Аббāса. Проведённое исследование позволяет дать полноценную характеристику его творчества.

В Заключение подведены итоги проведённого исследования, сформулированы основные выводы, изложены перспективы дальнейшего изучения жанра макамы.

В Приложении содержится подготовленная к изданию часть текста рукописи и её перевод с комплексными комментариями. Для перевода были отобраны макамы, на примере которых наиболее явно видны сходства сборников ал-‘Аббāса и ал-Харйрй и различия между ними: содержание одиннадцатой макамы из сборника ал-‘Аббāса демонстрирует устойчивость литературного канона; в первой наблюдается каноничность композиции при индивидуальном подходе к сюжетному наполнению, обусловленному личными интересами автора; сюжет шестой макамы не встречается в классических сборниках.

Диссертант поставил перед собой задачу выполнить филологический перевод, по возможности подбирая лексические и грамматические соответствия подлиннику. В приложение также вошли указатель важнейших дат, связанных с историей рукописей В 66 и N.F.66, и оглавление сборника ал-‘Аббāса с выверенными названиями макам на арабском и русском языках и указанием их местоположения в обеих рукописях.

Оформление диссертации. При передаче арабских и арабографичных имён, названий произведений, терминов и выражений, за исключением общераспространённых понятий (Коран, макама, хадис и т.п.), использована русская транскрипция с диакритическими знаками. Названия неарабских сборников макама и имена их авторов даются в том виде, в котором они встречаются в печатной литературе.

Поскольку содержание рукописи N.F.66 повторяет содержание рукописи В 66, текст венской рукописи был использован лишь как вспомогательный материал при прочтении петербургской. В виду некоторых особенностей рукописей В 66 и N.F.66 (см. главу 1), автор приводит свой вариант чтения и деления текста в приложении: текст воспроизводится по петербургской рукописи с отсылкой к номеру её листа; разночтения с венской рукописью даны в сносках; арабский текст поделён на абзацы; введены знаки препинания; все слова полностью огласованы²; разделительные знаки (звёздочки) поставлены в конце рифмующихся отрезков *садж‘а*³, конечная огласовка которых опущена. Сокращения, используемые в данной работе: **Р** – петербургская рукопись В 66, **В** – австрийская рукопись N.F.66.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рукопись В 66 (ИВР РАН), содержащая макамы ал-‘Аббāса, не является уникальной. Такое же сочинение, ошибочно приписываемое Ибн Мārй (XII в.), содержится в рукописи N.F.66 (Австрийская национальная библиотека).
2. Рукопись В 66 была написана не ранее XVI века и не позднее 1678 года. Даты жизни ал-‘Аббāса также находятся в пределах этого временного промежутка. Сочинение может быть приблизительно датировано XVI–XVII вв. Петербургская рукопись В 66 старше венской рукописи N.F.66 более чем на 85 лет.

² С учётом уже имеющейся в рукописях огласовки.

³ За исключением, когда после слова уже стоит какой-либо знак препинания.

3. Макамы ал-‘Аббаса основаны на использовании классической жанровой модели. Это подтверждает устойчивость литературного канона в период позднего средневековья.
4. Постклассические макамы, даже при наличии в них полного набора жанровых элементов (см. гл. 2, п. 2.1), служат задачам назидательной литературы. Плутовские сюжеты, заимствуемые из классических макамов, «облагораживаются» и сводятся к минимуму, а безнравственный главный герой лишается роли неизменного триумфатора.

Теоретическая значимость диссертации заключается, прежде всего, в том, что на основе обобщения и критического анализа материалов изучаемых источников была исследована проблема истории возникновения, эволюции и функционирования жанра макамы на различных этапах, в том числе и в позднем средневековье. Содержащиеся в диссертации выводы и предположения отчасти проясняют влияние авторов X-XII веков, формировавших жанр макамы, на арабскую литературу позднего средневековья.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что в результате исследования были получены более точные данные о времени создания произведения, а также о времени и месте переписки рукописей В 66 и N.F.66; исправлены ошибки и недочёты, имеющиеся в описании данных рукописей в справочных изданиях; выявленные кодикологические особенности рукописей В 66 и N.F.66 имеют определённую ценность при публикации других ещё не изданных рукописей из арабского фонда ИВР РАН; порядок и оформление описания этих особенностей могут быть использованы в качестве иллюстративного материала при составлении учебников и пособий по изучению арабской рукописной книги.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были представлены в докладах на 33-ей, 34-ой и 35-ой ежегодных сессиях петербургских арабистов в ИВР РАН (апрель 2011, 2012, 2013 гг.), на «XXVI Международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки» в СПбГУ (апрель 2011 г.), на ежегодных научных сессиях

ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения» (декабрь 2011 и 2013 гг.). Наиболее важные аспекты диссертационной работы отражены в шести публикациях, три из которых были помещены в рецензируемом журнале, рекомендованном ВАК РФ.

ГЛАВА 1. РУКОПИСИ МАКАМ АЛ-‘АББĀСА

1.1 История рукописи В 66 и её отражение в справочных изданиях

В рукописном фонде ИВР РАН хранится описанная, но до сих пор неизученная арабская рукопись В 66, содержащая собрание из 26 макам некоего ал-‘Аббāса, жившего предположительно в XVI веке. В фонде ИВР РАН рукопись В 66 появилась с приобретением первой коллекции Ж.Л. Руссо (1780-1831), купленной Азиатским музеем в 1819 году [Халидов 1986, ч.1 с. 18-19, ч. 2, с. 201-202].

В «Каталоге коллекции из пятисот восточных рукописей» Ж.Л. Руссо 1817 года рукопись В 66 называется «Makamat-il-Abbas» (n.° 93) [Rousseau 1817, с. 14]; описаны формат рукописи и тип почерка.

В «Предварительном донесении» Х.М. Френа за 1819 год наряду с другими сборниками макам упоминается и наш список ал-‘Аббāса – «Мекамать Каувасовъ, изъ Алеппа; таковой же Аббасовъ»⁴ [Френ 1819, с. 7; Fraehn, 1819, с. 7]⁵. Упоминание рукописи макам ал-‘Аббāса также содержится в книге «Азиатский музей» Б.А. Дорна [Dorn 1846, с. 206, 275].

В составленном А.Б. Халидовым «Каталоге арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. Художественная проза» рукопись озаглавлена просто

⁴ В составе коллекции Ж.Л. Руссо также оказалась рукопись макам Ибн Муḥаммада ал-Қаввāса (С 26) (более подробно об этом авторе будет сказано ниже; полное имя и даты жизни см. прим. № 29), в качестве места её происхождения Х.Д. Френом указывается г. Алеппо. Очевидно, такое заявление было сделано на основе нисбы ал-Қаввāса – «ал-Ḥалабī» («Аллепский»), а также того, что Ж.Л. Руссо собрал бóльшую часть своей рукописной коллекции именно в Алеппо [Крачковский 1920, с. 11]. К сожалению этих сведений недостаточно для установления личности ал-‘Аббāса, к тому же они нуждаются в добавочной верификации.

⁵ Упоминание о рукописи В 66, возможно, имеется в неизданном инвентарном каталоге мусульманских рукописей Азиатского Музея, подготовленном Х.Д. Френом, рукопись которого находится в ЛО Архива РАН [Бациева 1972, с. 272; Бертельс 1972, с. 16].

как «Мақāmāt», № 134 [Халидов 1960, с. 112-113]. В нём приводится её краткое описание без примеров арабского текста (в соответствии с принципом составления данного каталога), указаны автор, формат и приблизительная датировка⁶. Также А.Б. Халидов сообщает, что «другие списки сочинения нам неизвестны», а рукопись некоего ал-‘Аббāса под названием «ал-Мақāmāt ал-‘аббāсиййа» («Аббасовы» или, может быть вернее, «Аббасидские макамы»), описанная в каталоге В. Альвардта «Рукописи Королевской библиотеки в Берлине» под № 8451 [Ahlwardt 1895, с. 424-425, 551], содержит сочинение другого автора⁷.

Рукопись В 66 не упоминается в каталоге арабских рукописей Азиатского музея, составленном академиком В.Р. Розеном [Rosen 1881]⁸. Очевидно, поэтому о ней нет упоминаний и в «Истории арабской литературы» К. Брокельмана [Brockelmann 1898-1902]. Поскольку у К. Брокельмана нет сведений не только о рукописи В 66, но и о самом сочинении ал-‘Аббāса с таким названием, получалось, что наша рукопись действительно уникальна.

В дополнительных томах «Истории арабской литературы» К. Брокельмана встречаются, помимо указаний на каталог В.Р. Розена, отсылки к книге об Азиатском музее Б.А. Дорна. Подобная отсылка есть в статье об уже упоминавшемся Ибн Муḥаммаде ал-Қаввāсе [Brockelmann 1937, с. 383]. Примечательно то, что у Б.А. Дорна на той же странице, на той же строке после ал-Қаввāса через запятую упомянут наш ал-‘Аббāс с его макамами [Dorn 1846, с. 206]. Несмотря на такую

⁶ Это на сегодняшний день наиболее полное описание рукописи В 66 может быть существенно дополнено и уточнено.

⁷ Судя по описанию в каталоге, эти макамы входят в сборник сочинений, представляющих анекдоты на исторические темы. Сличение текста с нашей рукописью показало, что в берлинском каталоге действительно описаны какие-то другие макамы.

⁸ Причины этого ясно изложены в статье В.И. Беляева: «Если отдел поэзии был хорошо освещён, благодаря описанию В.Р. Розена, как в каталогах старого фонда Азиатского музея, так и в собраниях Учебного отделения, то отдел художественной прозы старого фонда остался совсем неописанным, так как «Notices sommaires» дальше первого выпуска Розеном продолжены не были» [Беляев 1953, с. 89].

близость упоминаний, ссылка на макамы ал-‘Аббāса в дополнительном томе К. Брокельмана также отсутствует.

В «Кратком каталоге арабских рукописей» ИВАН 1986 года под редакцией А.Б. Халидова рукопись В 66 обозначена в алфавитном указателе как «Мақāmāt ал-‘Аббās» («Макамы ал-‘Аббāса»), № 9189 [Халидов 1986, с. 71].

К известным нам владельцам рукописи В 66 относятся Ж.Л. Руссо, Мухаммад ‘Али ат-Табйб⁹ и Ахмад ал-Хюнкārй¹⁰. Кроме того, на л. 01а в верхнем левом углу одна владельческая надпись затёрта¹¹. На л. 1а стоит печать Азиатского музея.

Вероятным местом написания рукописи В 66 является Османская империя (территория современной Турции). На это указывают следующие особенности:

а) Ахмад ал-Хюнкārй, оставивший владельческую надпись на л. 01а, судя по нисбе, мог быть одним из османских султанов¹² (а может быть одним из дворцовых слуг), или по крайней мере имел отношение к султанской фамилии.

⁹ Владельческая надпись на л. 1а: «من محض فضله على عبده محمد علي الطبيب عفي عنه أمين ١٠٨٩ سنة قيمة» («Из неподдельной милости его к Его рабу Мухаммаду ‘Али ат-Табйбу, да простится ему, аминь. 1089 год, цена 4 асадй»).

¹⁰ Владельческая надпись на л. 01а: «مملكة من فضل ربه البارئ أحمد الهنكاري» («владение, по милости Господа его – Создателя, Ахмада ал-Хюнкārй»).

¹¹ Прочтение этой надписи невооружённым глазом в её нынешнем состоянии затруднительно. Экспертиза с применением технических средств, скорее всего, окажется безрезультатной, так как в нашем случае мы имеем дело с прессованной бумагой, которая удерживает чернила главным образом в верхнем слое. В области владельческой записи этот слой был тщательно соскоблён (Крякина Л.И., художник-реставратор I степени при ИВР РАН). Аналогичное мнение о затёртых владельческих надписях высказывает F. Deroche [Déroche 2005, p. 22].

Надпись состоит из четырёх строк, написанных шрифтом наста‘лйк; первое слово на первой строке «في ملكة» (?) («во владении»), на четвёртой строке единственное слово «غفر له» («да простится ему»). Схожая по стилю написания владельческая надпись, также выполненная шрифтом наста‘лйк, имеется на л. 1а стамбульской рукописи конца XV века, содержащей сочинение персидского поэта Хāтифй (1460-1521) «Хосров и Ширин» [The Metropolitan Museum of Art].

¹² Ахмад I (1590-1617), Ахмад II (1643-1695) или Ахмад III (1673-1736).

Титул ал-Хюнкār¹³ («Владыка Мира»), по значимости эквивалентный персидскому «падишах», стали носить султаны Османской империи после победы султана Селима I (1512–1520) в Чалдыранской битве над персидским войском персидского шаха Исмаила (1502-1524) в 1515 году¹⁴. С началом упадка Османской империи этот титул стали давать крупным военачальникам и феодалам, чтобы понизить статус и авторитет султана.

б) на л. 1а во владельческой надписи есть приписка «قيمة أسدي ٤» («цена – четыре асадй»). Асадй – турецкое название серебряной нидерландской монеты XVI века, так называемый «львиный талер», на реверсе которого изображался лев, стоящий на задних лапах¹⁵.

в) в тексте встречается перенос слов с одной строки на другую (см. пункт 1.10). Такая особенность, помимо древних куфических рукописей Корана¹⁶ [Polosin 2006, с. 309-317], характерна только для поздних арабских рукопи-

¹³ «هنكار، هنگار» – спех, спешность, скорость, быстрота; сила [Ягелло 1910, с. 1792].

¹⁴ Местечко Хюнкār (Hünkâr), находящееся в Турции близ Стамбула, было так названо именно в честь султанского визита. В этом месте 26 июня 1833 года был подписан Ункяр-Искелесийский договор – договор о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией. Во дворце Топкапы (Стамбул) имеются специальные покои султана – «Хюнкār софасы» («Комната повелителя») [Сокровища османских султанов 2010, с. 25, с ил.].

¹⁵ Асадй (ар.-тур. «львиный») (нидерл. leeuwendaalder) – талер, выпущенный впервые в 1575 году независимыми Нидерландами во время освободительной войны против Испании. На аверсе изображалась фигура одетого в броню человека с гербом провинции, а на реверсе – лев. Вес монеты 27,648 г (20,736 г серебра). Арабы называли эту монету «Абӯ калб» («обладатель собаки»), так как они принимали льва за собаку [Фенглер 1982, с. 152, 251, с ил.].

¹⁶ «В большинстве ранних фрагментов (Корана) в том случае, если при завершении строки не оставалось достаточно места для того, чтобы дописать слово до конца, писец с лёгкостью переносил оставшуюся часть слова в начало новой строки» [Резван 2011, с. 195]. В петербургском списке Корана (ИВР РАН, Е-20) также зафиксирован перенос отдельных букв на новую строку [Там же, с. 205-206].

сей, переписанных лицами, для которых арабский язык не был родным¹⁷. Обычно часть слова, выходящая за границы текстовой полосы, выносилась на поля на уровне той же строки.

г) Также в тексте рукописи встречаются стабильно повторяющиеся ошибки написания, вызванные записью на основе звучания слов, а не правил арабского правописания. Такая особенность характерна для христианских переписчиков¹⁸ [Крачковский 1909, с. 250].

Подводя итог вышеперечисленным особенностям, можно предположить, что рукопись В 66 побывала в библиотеке одного из членов османской династии султанов (Ахмада ал-Хюнкārй)¹⁹. Далее В 66 была куплена Мухаммадом ‘Али ат-Табйбом²⁰ за четыре серебряных монеты (асади – левендаальдера), т.е. за иностранную для Османской империи валюту. К нему она могла попасть при распродаже султанской библиотеки, например, в связи с финансовыми затруднениями

¹⁷ В качестве примера можно привести рукопись Корана из коллекции ИИАЭ ДНЦ РАН, переписанную в конце XVIII века в одном из селений Дагестана [Шихалиев 2008, с. 104-113, с ил.]. На фотографии этого Корана, представленной в каталоге к выставке Коранов в Эрмитаже 2009 года, на странице с первой сурой часть слова «العالمين» перенесена на следующую строку (строки 3-4) [Там же, с. 106]. Фото этой страницы также представлено на обложке журнала «Россия и арабский мир» (фото Н.М. ад-Дейрави) [Россия и арабский мир 2011].

¹⁸ Например, в заглавии макамы №1 (л. 1б) есть грамматическая ошибка, – отсутствует согласование по роду между именем существительным и определением в словосочетании «المقام الفقهية». Эта ошибка заметна только на письме, поскольку в устной речи неправильный вариант заглавия звучит также (ал-мақām-ал-фақихиййа) как и его грамматически правильная форма «المقامة الفقهية» – «ал-мақāма-л-фақихиййа».

¹⁹ Сравнение В 66 с другими рукописями из владений Ахмада ал-Хюнкārй (на предмет владельческих надписей) могло бы установить правомерность данного предположения. Запись о владении может иметься в реестровых книгах – hesap defterleri, которые в позднем средневековье обыкновенно велись для учёта имущества султана и его семьи. В рамках данного исследования обратиться к этим книгам не было возможности.

²⁰ Владельческая надпись Мухаммада ат-Табйба (л. 1а) следует в рукописи после записи Ахмада ал-Хюнкārй (л. 01а).

(Ж.Л. Руссо продал свою рукописную коллекцию России именно по этой причине [Бертельс 1981, с. 119]). Также рукопись могла быть украдена (в связи с этим интересен факт затёртой владельческой надписи на л. 01а²¹).

1.2 История рукописи N.F.66 и её отражение в справочных изданиях

В ходе изучения научной литературы по теме автор данной работы обратил внимание на рецензию доктора Р. Аллена, опубликованную в “*Journal of Semitic Studies*”²² [Allen 2002, с. 384-386]. Рецензия посвящена книге финского профессора из Хельсинкского университета доктора Я. Хямен-Аттилы, в которой излагается история развития жанра макамы [Hämeen-Anttila 2002]. В своём обзоре среди выдающихся достоинств этой книги Р. Аллен упоминает содержащийся в ней список из 238 авторов макам и пятнадцати анонимных сочинений этого жанра. В этом перечне сборников макам, пожалуй самом исчерпывающем на сегодняшний день, нет никаких упоминаний о петербургской рукописи В 66, хотя её с лёгкостью можно найти в каталогах рукописей ИВАН под редакцией А.Б. Халидова [Халидов 1986; Халидов 1960].

С некоторыми главами этой книги удалось познакомиться. В главе, посвящённой поздней средневековой и современной литературе, автором данной работы было обнаружено краткое описание сборника из 26 макам, написанных неким ал-‘Аббāсом, жившим, по мнению Я. Хямен-Аттилы, несколько позднее ас-Суйūtī, то есть, начиная со второй четверти XVI в.²³ [Hämeen-Anttila 2002, с. 345-346].

В ответ на письмо с просьбой предоставить имеющуюся у него информацию об упомянутых в его книге макамах ал-‘Аббāса Я. Хямен-Аттила любезно

²¹ См. прим. № 11.

²² Текст рецензии был любезно предоставлен моим научным руководителем д.ф.н., проф. А.А. Долининой.

²³ О причинах такой датировки см. прим. № 31.

сообщил, что использовал рукопись N.F.66, насколько ему известно, до сих пор не опубликованную и не переведённую, из фондов Австрийской национальной библиотеки (Вена), которые описал известный лейпцигский востоковед Густав Флюгель (1802-1870).

В каталоге Г. Флюгеля автором данной работы было найдено описание рукописи N.F.66, содержащей собрание макам примерно такого же объёма что и рукопись В 66, но приписанных Г. Флюгелем христианскому врачу Абӯ-л-‘Аббāсу (!) Ибн Мārī²⁴, жившему в XII веке [Flügel 1865, с. 353-355, 358-359]. При сличении приводимых в его каталоге отрывков текста с текстом нашей рукописи выяснилось, что N.F.66 содержит те же самые макамы ал-‘Аббāса XVI века, что и В 66. Последующее полное сравнение текстов обеих рукописей показало, что они совпадают, а различия с нашей рукописью сводятся к незначительным разночтениям, не влияющим на смысл текста²⁵.

Предисловие к сборнику не оставляет сомнений в том, что автором макам был мусульманин. На лл. 1б и 5б представлена традиционная для мусульманских сочинений басмала. На л. 2б ал-‘Аббāс сообщает, что он «завершил каждую макаму стихом Корана в качестве указания на [её] окончание, чтобы видели читающие её пользу», то есть каждую макаму завершают коранические цитаты. Учитывая всё вышесказанное, авторство макам в рукописи N.F. 66 никак нельзя приписать христианину Ибн Мārī²⁶.

²⁴ Абӯ-л-‘Аббāс Йаḥйā ибн Йаḥйā ибн Са‘йд ибн Мārī ан-Наṣṣrānī ал-Баṣrī (ум. в 589/1193 году) [Brockelmann 1898-1902, с. 278; Brockelmann 1937, с. 489].

²⁵ См. таблицу в конце пункта 1.11.

²⁶ В «Истории арабской литературы» К. Брокельмана при имени Ибн Мārī также упоминается его сочинение под названием «ал-Мақāmāt ал-масйḥиййа». Первый основной том К. Брокельмана даёт отсылку к венскому каталогу Г. Флюгеля, а дополнительный ссылается ещё на три работы. Первые две представляют собой биографические труды, в которых содержатся упоминания об Ибн Мārī [Ibn al-Qiftī 1903, с. 360; Yāqūt 1931, с. 295]. Последняя – каталог мосульских рукописей д-ра Дауда ал-Чалаби. В алфавитном указателе этого каталога действительно есть рукопись под заголовком «Мақāmāt Абй-л-‘Аббāс» («Макамы Абӯ-л-‘Аббāса»)

Можно предположить, что причиной ошибочной атрибуции стал неправильный порядок листов в рукописи N.F.66. Сличение очерёдности макам в оглавлении с их порядком в тексте показало, что первая тетрадь рукописи N.F.66 (за исключением л. 1²⁷, т.е. всего 9 лл.) оказалась сразу после первого листа шестой тетради²⁸. Так случилось, что информация, позволяющая более точно датировать и атрибутировать сочинение, отражена на л. 2а, оказавшемся в этой рукописи не на месте. Именно на нём ал-‘Аббās, говоря о своих предшественниках в жанре макамы, упоминает Ибн Муḥаммада ал-Ḥаввās²⁹, жившего на четыре столетия позднее Ибн Мārī. Кроме того, далее, на л. 4б той же тетради, он упоминает ‘Абдаллаха ал-Байдāvī³⁰ и его комментатора ‘Исмаддина ал-Исфарāйīnī³¹.

[al-Chalabī 1927, с. 295]. Они также приписываются Ибн Мārī, однако приводимые отрывки из рукописи указывают на то, что этот сборник макам не имеет никакого отношения ни к петербургской, ни к венской рукописям. Таким образом, К. Брокельман в первом дополнительном томе объединяет под одним номером два разных сочинения, приписывая их одному и тому же автору [Brockelmann 1937, с. 489].

Автору данной работы удалось познакомиться с макамами Ибн Мārī по изданиям Луиса Шейхо (Эти издания не были учтены в дополнительном томе «Истории арабской литературы» К. Брокельмана) [Cheikho 1910-1911, с. 375-379; Karmālī 1900, с. 591-598]. Выяснилось, что в макамах Ибн Мārī и ал-‘Аббās разные имена главных героев, поэтому перепутать произведения этих двух авторов совершенно невозможно. Размеры циклов также не совпадают: 26 и 60 макам у ал-‘Аббās и Ибн Мārī соответственно. В монографии Я. Хямен-Аттилы макамам Ибн Мārī даётся краткий обзор и приводятся имена главных персонажей сборника [Hämeen-Anttila 2002, с. 190].

²⁷ На это указывает кустода в левом нижнем углу на л. 1б.

²⁸ Листы могли быть перепутаны при замене переплёта. Об этом см. ниже.

²⁹ Шамсуддйн ал-Ḥāsīm ибн Муḥаммад ад-Димашқī ал-Ḥалабī ал-Ḥаввās (ум. припл. в 1591 году) [Халидов 1986, с. 108; Brockelmann 1937, с. 383].

³⁰ ‘Абдаллах ибн ‘Умар ал-Байдāvī (1203-1286), известный комментатор Корана [Brockelmann 1898, с. 530].

³¹ ‘Исмаддин Ибрāхīm ибн Муḥаммад ‘Арабшāх ал-Исфарāйīnī (ум. 1536) [Brockelmann 1898, с. 417]. Я. Хямен-Аттила отметил ошибку Г. Флюгеля, однако, при датировании рукописи

Исходя из этого, можно полагать, что сочинение в рукописи N.F.66 принадлежит автору XVI, а не XII века.

В конце XIX века исследуя творчество арабо-христианских авторов, Луис Шейхо узнал³², что в библиотеке Венского университета хранится сборник из двадцати семи макам (!)³³, приписываемых Ибн Мārī. Некоторое время спустя, ознакомившись в 1895 г. с сохранившимся в Багдаде списком макам Ибн Мārī (библиотека при мечети ал-Ḥайдārḫānэ)³⁴, он сравнил содержание венской и багдадской рукописей и обнаружил полное расхождение между текстами³⁵: сборники отличались не только количеством макам, но и стилем авторского изложения, именами главных персонажей, также в венской рукописи внимание привлекали традиционные мусульманские формулы славословия Пророку и его семье, что совсем не свойственно христианским писателям. Примечателен тот факт, что в своей работе «Христианские поэты после ислама» Л. Шейхо привёл отрывок текста венской рукописи не только с л. 1б, но и его продолжение на л. 2а, который, как уже упоминалось выше, находится не на своём месте и содержит важные сведе-

N.F.66, он основывался только на датах жизни ал-Байдāvī и ал-Исфарāйīnī и таким образом оставил без внимания авторское предисловие к рукописи, содержащее упоминание об ал-Ḥаввāсе (см. прим. № 29) [Hämeen-Anttila 2002, с. 398].

³² Л. Шейхо не ссылается на своего информатора.

³³ Этот сборник без сомнения является исследуемой в данной работе рукописью N.F.66. Такое количество макам, очевидно, также возникло из-за ошибки в описании рукописи N.F.66, перекочевавшей из каталога одного из авторитетнейших востоковедов Европы своего времени, – Й. Хаммер-Пургшталя, в каталог Г. Флюгеля (См. прим. № 39).

³⁴ Предисловие и первая макама сборника опубликованы Анастāsом Кармалī в журнале ал-Машрик [Karmalī, 1900, с. 591–598]. Пятьдесят первая макама Ибн Мārī опубликована в «Хрестоматии» Л. Шехо [Cheikho 1910-1911, с. 375–379].

³⁵ Я. Хамену также удалось обнаружить ошибочность атрибуции рукописи N.F. 66 у Г. Флюгеля [Hämeen-Anttila 2002, с. 398], однако он выяснил это не путём сравнения рукописей, а косвенным образом (см. прим. № 31).

ния для установления *terminus ante quem* рукописи (№ 34) [Cheikho 1924, с. 347-348].

В настоящее время рукопись N.F.66 находится в фонде Австрийской национальной библиотеки (Вена). В Австрии она появилась в 1808 году в составе коллекции рукописей, привезённых с Ближнего Востока австрийским востоковедом Йозефом фон Хаммер-Пургшталем³⁶ (1774-1856), который с 1799 по 1807 находился на дипломатической службе в Константинополе. На л. 001б стоит его именная печать, датированная 1223/1808 годом^{37,38}. На лл. 1а, 85б стоит печать Австрийской Национальной библиотеки.

Описание рукописи N.F.66 имеется в каталогах Й. Хаммер-Пургштала³⁹, № 66 [Hammer-Purgschall 1840, с. 54] и Г. Флюгеля, № 384 [Flügel 1865, с. 358-

³⁶ Иностраннный почётный член Петербургской АН (1823). Написал первую «Историю арабской литературы» (1850-1856). О нём см. [Schlottmann 1857]. Первоначально рукописная коллекция Й. Хаммер-Пургштала размещалась в библиотеке при Венском университете, затем она была перевезена в Австрийскую национальную библиотеку.

³⁷ Печать содержит заключённые в круг слова, составляющие рифмованную фразу: «السياح سامر» (1223) («Путешественник, любящий проводить вечера за беседой – Йусуф Хаммер 1223»). Их обрамляет надпись, состоящая из четырёх строк стилизованных под 113 суру Корана («Рассвет») и начинающихся сверху справа налево [Hammer-Purgstall 1849, с. 56-57, 59].

Я прибегаю к Господу непроходимого моря и обработанной земли,	أعوذ بربّ الغامر و العامر
Господу верблюда поджарого и пальмы плодоносящей,	ربّ الضّامر و الثّامر
От зла авантюриста и большого болтуна	من شرّ الطّامر و الهامر
И от зла чёрных и красных.	و من شرّ الأسود و الأحامر

³⁸ На сайте Австрийской национальной библиотеки в описании рукописи в качестве даты приобретения по неясной причине указан 1842 год [<http://data.onb.ac.at/rec/AL00220707>, на 09.01.2013].

³⁹ Этот каталог издавался три раза: по частям в журнале [Hammer-Purgstall 1811; Hammer-Purgstall 1818], отдельным оттиском [Hammer-Purgstall 1820], и отдельной книгой [Hammer-Purgstall 1840]. Только издание 1840 года содержит краткое описание рукописи N.F.66, в котором Й. Хаммер отметил подражательность макал ал-‘Аббаса макамам ал-Харйрй. В каталоге нет указателя. Встречаются опечатки, в том числе и при описании рукописи N.F.66, не отме-

359]. Упоминания о ней встречаются, как уже было сказано, в «Истории арабской литературы» К. Брокельмана [Brockelmann 1898, с. 489; Brockelmann, 1937, с. 278]; в «Энциклопедии ислама» [Brockelmann 1993, с. 163], в «Шу‘арā’ ан-насрāнийя ба‘д ал-ислām» Л. Шейхо, № 34 [Cheikho 1924, с. 347-348] а также в отмеченной ранее монографии Я. Хямен-Антилы [Hämeen-Anttila 2002, с. 345-346, 398]. Примечательно, что К. Брокельман, упоминая венский список макама, ссылается на каталог Г. Флюгеля, тем самым повторяя ошибочную атрибуцию рукописи по Флюгелю.

Изначально рукопись N.F.66 была подшита к сборникам макама двух других авторов⁴⁰. Первой частью конволюта были макамы аз-Замахшарй⁴¹ (ныне рукопись N.F.65 из той же венской коллекции)⁴², а третьей – макамы ас-Суйūtй⁴³

ченные в еgrата каталога (так Ибн Мārй назван Ибн Кārй, «Хамаданская» макама названа «Мухамеданской»). Возможно, что при датировании рукописи N.F.66 Й. Хаммер-Пургшталь также учитывал тот факт, что рукопись N.F.66 была изначально подшита к сборнику макама, составленному в XI веке (см. прим. № 40).

В последующем рукописная коллекция Й. Хаммер-Пургшталь, находившаяся на тот момент в библиотеке Венского университета, была заново каталогизирована Г. Флюгелем по личной просьбе её владельца (правда, не совсем ясно, зачем понадобилось заново каталогизировать уже описанную коллекцию) [Flügel 1865]. Каталог Г. Флюгеля получился подробным, особенно за счёт отрывков текстов в приводимых описаниях, однако его основу по большей части составил каталог Й. Хаммер-Пургшталь, оставивший ему в наследство некоторые вышеуказанные недочёты и ошибки.

⁴⁰ В единственном издании каталога Й. Хаммер-Пургшталь, которое упоминает интересующий нас сборник N.F.66, описания всех трёх рукописей идут подряд (№№ 65-67) [Hammer-Purgschall 1840, с. 53-54], в то время как у Г. Флюгеля они представлены в разных частях каталога (№№ 379, 384, 401) [Flügel 1865, с. 358-359, 353-355, 381-382], что значительно усложняет воссоздание истории конволюта, при том, что каталог Й. Хаммер-Пургшталь является библиографической редкостью.

⁴¹ Абӯ-л-Қасим Махмӯд ибн ‘Умар ибн Муҳаммад ал-Хавāризмй аз-Замаҳшарй (1074-1143).

⁴² Её описание см. [Flügel 1865, с. 353-355].

⁴³ ‘Абдурраҳмāн ибн ал-Камāl Абӯ Бакр ибн Муҳаммад Джалāl-у-д-дйн ас-Суйūtй (1445-1505).

(ныне рукопись N.F. 67)⁴⁴. На это указывает заголовок N.F.65, который гласит: «هذا المجموع فيه مقامات الزمخشري و مقامات العباس رحمهما الله» («Этот сборник, в нём макамы аз-Замахшарӣ и макамы ал-‘Аббāса, да смилуется Аллах над ними обоими»). Там же поздняя приписка: «...و حصة من مقامات السيوطي» («...и часть из макам ас-Суйūtӣ»).

Описание в каталоге Г. Флюгеля указывает на то, что рукописи N.F.65 и N.F.66 были написаны на бумаге одного формата и цвета (бело-серая) [Flügel 1865, с. 359, 355]. При этом оглавление рукописи N.F.65 написано той же рукой, что и оглавление для N.F.66 и датируется 1177/1763 годом: «تم فهرس مقامات الزمخشري» («Оглавление к макамам аз-Замахшарӣ было завершено в 1177 году») (л. 3б-4а) [Ibid., с. 354-355]. Позже к ним были подшиты тетради рукописи N.F.67 того же формата, но из бумаги светло- и тёмно-оранжевого цвета; её почерк схож с почерком двух первых сборников [Ibid., с. 382].

На полях рукописи N.F.66 л. 34а (макама № 8, «Румийская») глосса, небольшой комментарий к тексту руки некоего Муṣṭафы из Триполи (скорее всего Ливанского), датированная 1188/1774 годом. Полное имя этого Муṣṭафы можно найти в рукописи N.F.67 в приписке на л. 1а: «استكتبه العبد الفقير إلى رحمة الرب القدير – السيد مصطفى طرابلسي زاده البيلوني» («Попросил её записать бедный раб по милости Господа Всемогущего – ас-Саййид Муṣṭафā Ṭarābulusī Зāде ал-Байлūнӣ»). Таким образом, все три сборника макам, некогда бывших одной рукописью, были выполнены по заказу этого Муṣṭафы и пробыли в его владении не менее одиннадцати лет⁴⁵.

⁴⁴ Её описание см. [Flügel 1865, с. 381-382].

⁴⁵ Количество лет между датой, указанной в оглавлении N.F.65 (1763) и датой в комментарии Муṣṭафы Ṭarābulusī (1774).

Позволить себе заказать рукопись подобного качества мог только состоятельный человек. Её превосходная сохранность свидетельствует о том, что она находилась в хороших условиях и попала к Й. Хаммер-Пургшталью практически без посредников. Поскольку неизвестно, в каком состоянии рукопись N.F.66 поступила к нему в коллекцию, остаётся неясным, на каком

Несмотря на то, что петербургская и венская рукописи озаглавлены совершенно одинаково – «Мақāmāt ал-‘Аббāс» («Макамы ал-‘Аббāса») (л. 1а), в каталогах Й. Хаммер-Пургшталя и Г. Флюгеля рукописи N.F.66 дано заглавие «ал-Мақāmāt ал-масйхййа» («Христианские макамы») [Hammer-Purgstall 1840, с. 54; Flügel 1865, с. 358]. Вероятно, это заглавие было придумано Й. Хаммер-Пургшталем (по-видимому на основании конфессиональной принадлежности Ибн Мārй) и впоследствии использовано Г. Флюгелем⁴⁶. Как было показано выше, оно является неверным по существу, ибо не соответствует явно мусульманскому содержанию макам в этой рукописи. Именно благодаря этой ошибке, допущенной Й. Хаммер-Пургшталем и Г. Флюгелем при описании рукописи N.F.66, венский список макам ал-‘Аббāса до сих пор оставался нам неизвестен, а петербургский список мог рассматриваться как единственный в своём роде.

1.3 Автор, датировка сочинения и рукописей

На титульном листе обеих рукописей (л. 1а) в заглавии сочинения, данном переписчиком, единственный раз упоминается имя автора, – «ал-‘Аббāс»⁴⁷. Такая предельно краткая форма имени нехарактерна для арабской рукописной традиции, поскольку ничего не говорит об авторе сочинения, если только он не является знаменитостью (например, как в случае с ал-Ḥарйрй и его «Макамами»), но всё-таки даже и у малоизвестного или начинающего автора должны быть какие-то особые причины для такого сокращения собственного имени в титуле ру-

этапе существования рукопись утратила свой оригинальный переплёт и распалась на три независимых сочинения.

⁴⁶ Скорее всего, Й. Хаммер-Пургшталь обнаружил Ибн Мārй в каком-то арабском биографическом словаре, например, в словаре Ибн ал-Қифтй существовавшем на тот момент только в виде рукописи. Данный вопрос остаётся невыясненным.

⁴⁷ В рукописи В 66: «فهرست مقامات العباس» («указатель к макамам ал-‘Аббāса»), в N.F.66: «هذا كتاب المقامات للعباس» («это книга макам ал-‘Аббāса»).

кописи⁴⁸, разве что полное имя автора было утрачено в результате повреждения списка, с которого делались петербургская и австрийская копии⁴⁹.

Среди известных авторов макам XVI-XVII веков до сих пор не удалось найти ни одного с именем ал-‘Аббās, хотя при поиске в расчёт принимались все имена близкие к нему по форме. Так в ходе данного исследования выяснилось, что в Турции хранятся две неизученные и неопубликованные рукописи, содержащие сборник макам факиха-хадисоведа ‘Абдуррахмāна ал-‘Аббāsī⁵⁰. Одна находится в библиотеке Сулеймания (Reisulkuttab, № 916), а вторая в библиотеке при центре Стамбульского университета (Arapça, № 4046)⁵¹. Ни в одном из перечней известных работ ал-‘Аббāsī макамы не упоминаются, однако возникло предположение, что авторство сочинения в рукописях В 66 и N.F.66 может принадлежать именно ему, поскольку годы его жизни и факты его биографии очень хорошо соотносятся с содержанием макам. Кроме того, известно, что ал-‘Аббāsī написал комментарий на макамы ал-Харйрī «Шарх ‘алā мақāmāt ал-Харйрī», то есть он определённо был ценителем макам этого автора. К сожалению, это предположе-

⁴⁸ Установить личность автора по одному вышеуказанному элементу, можно лишь предположительно, основываясь на следующих критериях: 1) Полное имя автора макам должно содержать элемент ал-‘Аббās, либо же его произвольный аналог близкий по форме. 2) Желательно, чтобы даты его жизни вписывались в рамки шестнадцатого века. 3) Он должен иметь филологическое образование с юридическим уклоном, на что указывает тематика макам.

⁴⁹ Особенности, свидетельствующие об их принадлежности к одному списку, представлены далее в пункте 1.11.

⁵⁰ Бадруддйн Абӯ-л-Фатх ‘Абдуррахмāн ибн ‘Абдуррахīm Ахмад ал-‘Ибādй ал-‘Аббāsй ад-Димашқй аш-Шāфи‘й ал-Қāхирй ал-Ислāmбӯлй (1463-1556) [Brockelmann 1937, с. 394], автор многочисленных работ по фикху; родился в Каире, обучался праву в Египте, а также в крупнейших научных центрах Сирии (ан-Нāсириййа, аз-Зāхириййа, ал-‘Азрāвиййа), занимался изучением хадисов в Константинополе, в котором и провёл остаток своей жизни.

⁵¹ Макамы ал-‘Аббāsй не упоминаются ни в книге Я. Хямен-Аттилы, ни в «Истории арабской литературы» К. Брокельмана [Brockelmann 1937, с. 394].

ние не оправдалось. Образцы, полученные из библиотеки Сулеймания, показали, что макамы ал-‘Аббас̣ являются совсем иным сочинением.

Годы жизни нашего ал-‘Аббаса неизвестны, но, основываясь на единственной дате, приводимой в петербургской рукописи (владельческая надпись на л. 1а)⁵², можно полагать, что он писал и жил не позднее 1089/1678 года. Основанием для такого предположения служит традиционная мусульманская формула в заглавии сочинения при имени автора: «رحمه الله تعالى» («да смилуется над ним Господь Всевышний»)⁵³, которая свидетельствует о том, что на момент написания обоих списков макам автора уже не было в живых.

В предисловии к сочинению⁵⁴ своими предшественниками в жанре макам ал-‘Аббас называет Абӯ Муḥаммада ал-Ḥарйрй⁵⁵, ал-Маусылй⁵⁶ и Ибн Муḥаммада ал-Ḳавваса⁵⁷. Поскольку известно, что ал-Ḳаввас умер приблизительно в 1000/1591 году, макамы ал-‘Аббаса могли быть написаны не ранее второй четверти XVI века. На основании этого сочинение может быть приблизительно датировано XVI веком.

Что касается датировки самих рукописей, то В 66 была написана не позже 1089/1678 года – даты, указанной во владельческой надписи на л. 1а⁵⁸. Рукопись же N.F.66 была написана не позже 1177/1763 года – даты в оглавлении рукописи

⁵² См. прим. № 9.

⁵³ В рукописи N.F.66 это «رحم الله المؤلف» («да смилуется Господь над автором»), а встречающиеся в ней даты более поздние, чем в В 66.

⁵⁴ P: л. 2b; V: л. 2a.

⁵⁵ Абӯ Муḥаммад ал-Ḳасим ибн ‘Алй ибн Муḥаммад ибн ‘Усмāн ал-Баṣрй ал-Ḥарйрй (1054–1122) [Brockelmann 1898, с. 276; Brockelmann 1937, с. 477].

⁵⁶ Какого ал-Маусылй упоминает в своей работе ал-‘Аббас точно установить не удалось. Автор макам с подобной нисбой в «Истории арабской литературы» К. Брокельмана не указан, однако есть предположение, что им может являться египетский драматург Ибн Дāнийāl ал-Маусылй, живший в XIII веке. См. гл. 3, п. 3.1.

⁵⁷ См. примечание № 29.

⁵⁸ См. примечание № 9.

N.F. 65 (л. 3б). Таким образом, наша рукопись как минимум на восемьдесят пять лет старше.

1.4 Характеристики куррас рукописей

В рукописи В 66 всего 97 листов, 13 тетрадей; из них 7 тетрадей неполных, т.к. некоторые листы рукописи были удалены и заменены (подклеены); в полных тетрадах 10 листов; нумерация куррас отсутствует, в нижнем левом углу листов встречаются кустоды (не на всех листах), выписанные почерком насх чёрными чернилами (есть исключения, см. пункт 1.11). Переплёт картонный, обклеенный жёлтой бумагой, с красным кожаным корешком без клапана, не оригинальный; видны отверстия от ниток прежнего переплёта, а на листах 0a-1б, 21a-23б видны следы от его клапана, который, вероятно, пропечатался при попадании влаги на рукопись, форзацные листы отсутствуют. Листы 01, 6b-7a, 95б, 001 пустые; всего 7 пустых страниц. Порядок листов перепутан при замене переплёта. После л. 44 должны следовать лл. 79-82, затем л. 45; между лл. 78 и 83 лакуны нет. Пагинация выполнена карандашом и возможно принадлежит руке И.Ю. Крачковского (Долнина А.А.).

В рукописи N.F.66 всего 90 листов, 9 полных тетрадей; в тетрадах 10 листов; нумерация куррас словами выполнена красными чернилами в верхнем левом углу листов, в нижнем левом углу листов имеются кустоды, выписанные почерком насх чёрными чернилами. Листы 01, 001 - 005 пустые; всего 10 пустых страниц. Переплёт картонный, без клапана, покрытый кожей и обклеенный поверх бумагой под мрамор, не оригинальный, простой приклеистой форзац. При замене переплёта перепутан порядок листов [Flügel 1865, с. 359]. После л. 51б следуют лл. 2a-9б. Таким образом, первая курраса рукописи оказалась сразу после первого листа шестой куррасы. При этом пагинация листов, выполненная в этой рукописи черными чернилами, правильна, а пагинация красными чернилами – более поздняя и отражает неправильный порядок листов. Со страницы 52a нумерация обоих

цветов совпадает. При описании рукописи N.F.66 в каталоге Г. Флюгеля приводится неверная нумерация красными чернилами [Ibid].

1.5 Состояние рукописей и дефекты

Петербургская рукопись находится в относительно удовлетворительном состоянии. Переплёт расшатан и нуждается в реставрации; порядок листов перепутан, так как тетради не прошиты и свободно отделяются; следы оттиска от печати Азиатского музея (лл. 1а-9а), поставленной на л. 1а, не совпадают начиная с л. 4а, что свидетельствует о том, что в коллекцию ИВР РАН рукопись попала не прошитой и уже без оригинального переплёта; лл. 01а-31б, 53а-57б в разводах, но это не сказывается на чёткости текста; на л. 2а клякса в верхнем левом углу; у л. 96 (пустого) сверху у разворота отсутствует фрагмент; в конце рукописи на внутренней стороне обложки случайная приписка, не относящаяся к тексту – столбец из арабских цифр.

Венская рукопись сохранилась гораздо лучше и не имеет каких-либо значимых дефектов. Перепутан порядок листов, на полях лл. 25а-27б есть сквозной развод.

1.6 Размеры рукописей

Выверенный мною размер рукописи В 66 составил 20,4 (+0,1-0,2)×15 (+0,1) см. с полями в 5,4×6,6 см. Отношение высоты листов к ширине составляет пропорцию 1.35, а ширины к высоте – 0.74. Подобная пропорция известна из отношения сторон треугольника Пифагора (в/ш 1.333 и ш/в 0.75). Небольшое отклонение возникло из-за полей рукописи, которые стали меньше приблизительно на 0,2 см.⁵⁹ как в результате порчи и износа⁶⁰, так и обрезания листов (об этом см. ниже).

⁵⁹ Если добавить 2 мм. к имеющейся ширине листов рукописи, то получится известная пропорция: $15.3 / 20.4 = 0.75$. Ф. Дерош допускает возможное отклонение в отношении сторон на 2% от известных в средневековые классических пропорций [Deroche 2005, с. 170-171].

⁶⁰ Особенно это заметно на л. 01.

Таким образом, формат петербургской рукописи, скорее всего, относится к одному из рукописных стандартов⁶¹.

В левом нижнем углу л. 95а (пустой) сохранился небольшой недорезанный кусок бумаги (0,6×0,3 см.), случайно сохранившийся при обрезании нижнего поля рукописи. Таким образом, изначально длина листов была как минимум на 0,3 см. больше, то есть для л. 95а это составит 20,9 см. По характеру надреза этого куска видно, что лист обрезали от корешка рукописи по направлению к внешнему краю.

Данные о формате рукописи, приводимые в каталоге Халидова – 15×8,5 см. [Халидов 1960, с. 113], отражают приблизительный размер текста на странице, а не размер самой рукописи. Это видно при сравнении данных, приводимых Халидовым, с параметрами мистары⁶², оттиск которой сохранился на л. 001⁶³. Вертикальное расстояние между крайними линиями мистары, т.е. её высота – 14,6 см.; ширина линий – 8 см.; интервал между линиями 0,9 см.; количество линий в мистаре – 17⁶⁴. Число строк на страницах неодинаково и колеблется между 11 (л. 16) и 18 (только на лл. 43а-43б); на последней неполной странице их всего 2 (л. 95а).

Размер рукописи N.F.66 – 14,6×8,9 см., здесь приводится по каталогу Флюгеля [Flügel 1865, с. 355]. Вероятно, что эти данные также отражают приблизительные параметры текста на странице, а не размер самой рукописи. В таком случае, площадь, занимаемая текстом на странице, у обеих рукописей практически

⁶¹ Некоторые из них приводятся у Ф. Дероша [Deroche 2005, с. 170].

⁶² О методе разлиновки листов при помощи этого инструмента см. [Deroche 2005, с. 165-166; Blair 2006, 47-49, ill.].

⁶³ До лета 2012 г. этот оттиск был отчётливо виден, однако уже осенью того же года при очередном визуальном осмотре рукописи, обнаружилось, что более половины следов разлиновки, по неизвестной мне причине, полностью исчезли. Это сделало невозможным проведение уточняющих замеров некоторых параметров (например, расстояния между девятой строкой (делит мистару пополам) и верхним и нижним краями листа).

⁶⁴ Нечётное количество строк на листах облегчает разметку листа за счёт центральной строки, служащей в качестве меридиана (в В 66 – 9-ая, в N.F.66 – 10-ая) [Deroche 2005, с. 177].

одинакова (В 66 – 15×8,5)⁶⁵. При этом разлиновка листов В 66 предусматривает 17 строк на странице, а N.F.66 – 19 строк.

1.7 Тип бумаги

С XIV века в Европе наладилось массовое производство относительно дешёвой бумаги⁶⁶, при котором восточная бумага стала неконкурентоспособной. В связи с этим торговля бумагой с Востока на Запад пришла в упадок, а европейская бумажная продукция полностью завоевала восточный рынок [Loveday, 2001, с. 26]. Европейская бумага доставлялась на Ближний Восток через Венецию и Западное Средиземноморье. Попав в столицу Османской империи – Стамбул, бумага обрабатывалась мелом или крахмалом и полировалась различными методами для придания ей глянцевой, гладкой поверхности, характерной для восточной бумаги. Такая поверхность была необходима для выполнения записей тростниковым пером, которое изначально было предназначено для письма на пергаменте. С XVII века стамбульская бумага⁶⁷ (качественная, прессованная, но без водяных знаков) уже появилась в Иране (Исфахан).

Бумага рукописи В 66 лощёная с глянцевой фактурой, желтовато-серого цвета и высокой плотности, что характерно для стамбульской бумаги, которая, как уже было сказано, внешне, благодаря специальной обработке, во многом напоминает восточную. Бумага рукописи В 66 предположительно была изготовлена в Северной Италии и впоследствии экспортирована в Османскую империю. В каталоге А.Б. Халидова бумага рукописи В 66 отнесена к европейскому типу

⁶⁵ Почерк в петербургской рукописи действительно более плотный и вытянутый по вертикали в сравнении с почерком в венской.

⁶⁶ Одним из крупнейших производителей бумаги того времени была Италия.

⁶⁷ Стамбульская бумага упоминается в повести «Падение Ширванского Царства» О.И. Сенковского [Сенковский 1858, с. 380].

[Халидов 1960, с. 113]. Она содержит водяной знак⁶⁸ – корона с девятью зубцами, над которой расположены шестиконечная звезда и полумесяц, а также маркировку производителя – трилистник, ниже которого по сторонам расположены латинские буквы «O» и «D». Маркировка с такими инициалами не встречается в крупнейших каталогах водяных знаков. Водяной же знак по форме наиболее близок к типу № 183а в каталоге В. Николаева, датированному 1641 годом. Там же говорится, что этот тип появляется в османских документах только с XVII в., а самый ранний известный образец датируется 1611 годом [Николаев 1954, с. 77]. В каталоге В. Мошина и М. Пажич-Гроздановича также имеется схожий по типу знак – малая корона с девятью зубцами (тип С), встречающийся в рукописях 1642-1670 гг. [Мошин, Пажич-Грозданович 1963, с. 18]. Как отметил В. Николаев, «на основе своего большого опыта С.М. Briquet <...>, утверждает, что промежуток времени между производством бумаги и её потреблением никогда не превышал периода 30 лет, как из-за сравнительно короткой жизни матриц, которые могли употребляться в производстве в течение не более одного-двух лет, так и вследствие быстрого потребления свободного количества бумаги» [Николаев 1954, с. 2]. На самом деле среднестатистический период в два-три раза меньше указанного (т.е. 10-15 лет), хотя, безусловно, существуют исключения.

Сетка бумаги состоит из 7 широких горизонтальных полос (на просвет виден рисунок верже⁶⁹). Ширина 5-ти центральных полос составляет 15,1 см. Формат рукописи – кварта (1/ 4), поскольку линии верже параллельны корешку. Мар-

⁶⁸ Применение филигрانی всецело является европейским изобретением. Применение филигрانی на восточной бумаге было затруднительно в связи с технологическими особенностями при её изготовлении.

⁶⁹ Бумага верже (фр. Vergé, vergeure – полосатая) – белая или цветная бумага с ярко выраженной, видимой на просвет, сеткой из частых полос, пересечённых под прямым углом более редкими полосами. Частые полосы называются верже(рами) (здесь параллельны развороту), более редкие полосы называются понтюзо (фр. pontuseaux). След от полос рельефно виден на поверхности бумаги лишь с лицевой стороны – при изготовлении бумажная масса ложится на проволоку, образуя сетчатую сторону с водяным знаком и маркировочным оттиском.

кировка изготовителя при взгляде на лицевую сторону приходится на правый нижний угол правого фолио.

В каталоге Г. Флюгеля описан только цвет бумаги, из которой была изготовлена рукопись N.F.66 – бело-серая, тип бумаги не указан⁷⁰ [Flügel 1865, с. 355]. Основываясь на визуальной оценке рукописи⁷¹, к этому можно добавить, что её бумага на вид менее плотная, чем у В 66, шероховато-матовая и содержит хорошо заметные вкрапления волокон.

1.8 Чернила

Текст рукописи В 66 написан чёрными чернилами (на основе сажи); заглавия, надчёркивания, разделительные знаки – красными (киноварь)⁷²; исправления – чёрными и красными чернилами; на полях чёрными чернилами исправления и дополнения к тексту.

На лл. 86б-95а полностью отсутствуют красные чернила в заголовках и разделителях (всего 18 страниц). Они изредка появляются только на листах: 89а – заголовков макамы № 25 («Саруджийская»); 92а – несколько разделителей в конце макамы № 25 и заголовков макамы № 26 («Луговая»); 94а – 3 стихотворных разделителя, хотя строк в стихе гораздо больше. По-видимому, у переписчика к концу написания рукописи осталось очень мало красных чернил, так что их едва хватило на заглавия макам.

На л. 64а также полностью отсутствуют красные разделители, тогда как на предыдущих и последующих страницах они поставлены. Создаётся впечатление, что этот лист был пропущен переписчиком при проверке. Отсюда можно предпо-

⁷⁰ Вероятней всего, европейская.

⁷¹ В моём распоряжении находится только электронная копия рукописи N.F.66 не самого лучшего качества.

⁷² А.Б. Халидов в описании рукописи В 66 не делает различия между терминами «чернила» и «тушь» [Халидов 1960, с. 113]. Результаты проводившихся химических анализов чернил, использовавшихся в ближневосточных рукописях, не были систематизированы [Gacek 2009, с. 134].

ложить, что разделители ставились после написания текста, превышающего по объёму один лист. Только в этом случае можно по невнимательности пропустить расстановку красных точек на целом листе.

Текст N.Ф. 66 написан чёрными чернилами; заглавия, надчёркивания – красными, разделительные знаки – красными и чёрными чернилами; исправления – чёрными чернилами; на полях чёрными чернилами примечания, исправления и дополнения к тексту.

1.9 Шрифт и оформление рукописей

Почерки переписчиков сравниваемых рукописей различаются по характеру и эстетическим качествам. У переписчика рукописи В 66 (явно непрофессионала) был неустоявшийся стихийный почерк – главным образом это довольно разборчивый насх среднего размера с заметными следами перехода в скоропись и заимствованием лигатур из почерков руқ'а, сулс, дйвāнй и шекасте. К примечательным особенностям относятся: крупная басмала перед предисловиями макам № 1 и № 2⁷³ (сулс) (л. 1а, 7б); лигатура «лām-алиф» (дйвāнй) (л. 1б: 10; 2а: 7, 8); конечная форма буквы «нўн» (сулс) (л. 2а: 9, 14); концевой изгиб буквы «қāф» с опущением точек (руқ'а) (л. 2а: 1); слияние буквы «рā'» с последующей «тā' марбўта» или «хā'» (шекасте) (л. 2а: 14, 16, 17); встречается лигатура «алиф-лām» в слове «кāла» (шекасте) (л. 6а: 1, 9; 12б: 10); персидское написание лигатуры «хā'-алиф» (л. 12б: 4, 10; 65а: 6, 11) («هآ دو چشمه»); персидская форма конечного написания буквы «кāф» с саркешем⁷⁴ («ك») (л. 12б: 9, 12, 14-17) используется наравне с арабской («ك») (л. 12б: 3)⁷⁵.

⁷³ У первой и второй макам сборника есть отдельные предисловия.

⁷⁴ Арабское написание буквы «кāф» с саркешем в её конечной позиции характерно только для текстов на дари и персидском языке [Иванов 1999, с. 48].

⁷⁵ В Османской империи при копировании арабских рукописей было принято использовать почерк насх, а для персидских текстов – наста'лйк [Yoltar-Yildirim, 2005, с. 97-98]. Это может послужить объяснением подобному смешению элементов из различных почерков; также следует учитывать, что переписчик мог быть малограмотен.

В тексте часто встречаются буквы, закрашенные изнутри красными чернилами, например:

- буква «ح» в обеих басмалах к макамам № 1 и № 2 (л. 1а, 7б), в слове «رحمة» (л. 4а: 6), в слове «حرظماً» (л. 56а: 10);
- буква «ك» в слове «كاشف» (л. 4а: 10), в слове «النكاح» (л. 4а: 17), в слове «إكماماً» (л. 37а: 9);
- буква «ض» в слове «افضل»
- буква «ص» в слове «بالصاد» (л. 36б: 1);
- буква «ط» в слове «الخطا» (л. 42а: 14);
- буква «ك» в слове «الترکمان» (л. 50б: 3);
- буква «ع» в слове «القانع» (л. 56а: 5);
- буква «ج» в слове «أخرج» (л. 65б: 5) и в словах «السكباچ و الزيرباچ» (л. 65б: 13);
- буква «ه» в слове «هي» (л. 62а: 17).

На лл. 62а-63а случаев закрашивания особенно много, но они также выглядят бессистемно. В тексте В 66 имеются многочисленные исправления и поправки. В рукописи нет колофона; последнее слово текста написано с новой строки посередине, за ним следует сокращение в виде буквы «мйм» («م»), очевидно обозначающее традиционную формулу окончания сочинения «تمت» («завершено») (л. 95а).

Шрифт рукописи N.F.66 однотипен на протяжении всего текста и не содержит каких-либо примечательных особенностей – это насх среднего размера, аккуратный, ровный, без элементов других почерков⁷⁶. В тексте есть небольшое количество исправлений (об этом см. ниже). Колофон отсутствует; на л. 85б после текста чёрной тонкой линией приписано слово «تمت» («завершено»). В рукописях отсутствуют иллюстрации.

⁷⁶ Подобная однотипность по сравнению с В 66 может объяснена тем, что рукопись N.F.66 была выполнена на заказ, а следовательно к её переписчику предъявлялись более высокие требования, чем в случае с копированием для собственного использования.

1.10 Особенности деления текста в рукописях

В петербургском и венском списках можно указать на множество интересных особенностей связанных с оформлением и делением текста, особенно это касается петербургского списка, о котором далее в основном пойдёт речь:

- **Оформление записи стихов.**

Переписчик В 66 в большинстве случаев не выделяет начало стихов написанием их с новой строки. Он помещает 1-ое полустишие 1-го бейта непосредственно после прозаического текста, так что следующая строка содержит 2-ое полустишие 1-го бейта и 1-ое полустишие 2-го бейта и т.д. (см., например, лл. 15а-15б)⁷⁷. Это поддерживает высказанное выше предположение, что рукопись писалась не профессиональным переписчиком. В N.F.66 текст стихов всегда начинается с новой строки, а в конце предыдущей строки, если остаётся пустое пространство, ставятся три жирных точки (красными или чёрными чернилами), показывающие, что на строке нет пропущенных слов.

- **Разделители.**

Деление текста в обеих рукописях на отрезки посредством звёздочек, написанных красными чернилами, представляется бессистемным и даже порой бессмысленным (хотя в некоторых случаях звёздочки стоят в конце рифмующихся отрезков саж'а). Текст обеих рукописей почти не огласован, редкая огласовка поставлена по не совсем ясному принципу.

⁷⁷ Т.е. так:

...прозаический текст * Бейт 1 (часть 1)	
Бейт 1 (часть 2)	Бейт 2 (часть 1)
Бейт 2 (часть 2)	Бейт 3 (часть 1) и т.д.

• Сокращения.

В рукописи В 66 найдено более десяти случаев написания сокращения в виде значка «٦» и расположенной под ним буквы «мйм»^{78,79}, написанных красными чернилами (например, л. 3б: 12; 81б: 9); иногда значок «٦» написан отдельно (л. 47а: 17; 52а: 16). Кроме того имеется сокращение красными чернилами, напоминающее по виду «تع», но без точек (л. 38а: 8).

По мнению старшего научного сотрудника рукописного отдела ИВР РАН В.В. Полосина, эти сокращения являются инструментом переписчиков (единый стандарт не известен), при помощи которого они контролировали процесс копирования рукописи-оригинала, то есть, попросту говоря, плотность текста, его распределение на листах копии по отношению к листам оригинала⁸⁰.

В оглавлении рукописи N.F.66 на л. 1а есть сокращение, которое может быть прочитано как сочетание букв «‘айн» и «ṣād» («عص») вероятно означает «على الصفحة...» – «на странице...»). Оно повторяется каждый раз перед номером страницы, отсылающим к началу макамы.

На том же листе в левом нижнем углу имеется сокращение из повторённого три раза сочетания букв «تم» («завершено») в порядке опущенного вниз концом треугольника. Оно заполняет оставшуюся пустой часть листа и, по-видимому, служит для индикации целостности и законченности текста.

• Переносы слов.

В петербургском списке встречается перенос слов со строки на строку. Всего обнаружено девять таких случаев, из них 4 встречаются в макамах №№ 4-6, 2 случая в №№ 1-2 и по одному в №№ 9, 17, 20 (здесь разрыв в слове обозначен нижним прочерком):

⁷⁸ Помимо этих случаев в конце рукописи имеется сокращение в виде буквы «мйм» (л. 95а), обозначающее окончание сочинения. См. в конце п. 1.9.

⁷⁹ В венском списке такие сокращения не обнаружены.

⁸⁰ Проблема плотности текста в арабских рукописях рассмотрена в статье В.В. Полосина [Полосин 1994, с. 202-220], на которую ссылается Ф. Дерош [Deroche 2005, с. 169].

- л. 6a: 9 («فكا_هته»);
- л. 116: 5 («با_لعزائم»);
- л. 21a: 15 («با_لاحسان»);
- л. 22a: 16 («يو_ليني»);
- л. 27a: 8 («الصا_لحات»);
- л. 28a: 2 («كا_لاعمی»);
- л. 386: 6 («اونا_سك»);
- л. 57a: 6 («فنا_جاني»);
- л. 636: 7 («كتقا_ذف»).

Слово делится на две части, первая часть вместе с буквой «алиф мамдӯда» (исключением является слово с буквой «вāv» на л. 22a, 16), остаётся на предыдущей строке, а вторая – переносится. Т.е. разделителем при переносе является долгий гласный. Примечательно, что, судя по другим местам текста, переписчик был знаком с методом записи слов, не поместившихся на строке, на полях (см., например, л. 66a). В венском списке таких переносов не обнаружено.

• Запись слов на основе звучания.

Есть случаи, когда между словом, заканчивающимся на «алиф», и последующим словом, начинающимся с артикля, то есть с того же «алиф», один «алиф» опускается (л. 42a: 16; 646: 6, 10; 65a: 12). Например, «سكنوا التراب», «هذا الحال», (опущенный «алиф» подчёркнут). Также может быть опущен *alif otiosum*⁸¹ «صاروا من» (л. 66a: 5). Здесь, как и в случае с опущенной «tā' марбӯта» в заглавиях макам⁸², слова пишутся с точки зрения произношения, а не правописания. О по-

⁸¹ Ал-алиф ал-фāриқа (=ал-алиф ал-виқāйа, ал-алиф ал-фāсила [Gacek 2008, с. 84]), позволяющий отличать букву «вāv», входящую в состав слова и обозначающую множественное число глаголов, от соединительного союза «и». Его возникновение обоснованно, в первую очередь, арабской рукописной традицией, когда употребление различных почерков, а также стилей переписчиков, усложняли правильное прочтение текста. См. описание аналогичного случая опущения алифа в работе И.Ю. Крачковского [Крачковский 1960, с. 47].

⁸² См. прим. № 18.

добном принципе записи также свидетельствуют нередко отсутствующие диакритические точки у эмфатических и межзубных букв «ṭā, ṣā, ṣāl», а также написание в ломаном множественном числе (مفاعل) слов «йā’ мақсӯра» вместо «хамзы» на подставке (л. 01б: 05).

• Пропущенные слова.

Полное сличение петербургского и венского списков показало, что в них имеются небольшие лакуны, влияющие на смысл текста и восполняемые лишь благодаря наличию у нас текста двух рукописей. Пропуски слов и букв в N.F.66 (подчёркнуты):

- л. 42а: 5 («و قد فاز فيه المخفون و هلك المتقلون»);
- л. 55а: 11 («و يقول أ يدك الله أيها الأمير»), 12 («و هو بين يدي الأمي»);
- л. 63а: 15 («على ما افرطت»);
- л. 63б: 10 («افتح لي خير الباب و اطلعني على العجب العجائب إنك أنت الوهاب فدهيت»);
- л. 65а: 9 («و عاملتني بالترجيب و الترحيب»);
- л. 65б: 13 («و التنصيص على الشيء لا يدل على نفى الحكم»);
- л. 66б: 5 («و لا مكالمة تنفس صعدا و شرع منشدا»);

В В 66 есть следующие пропуски в тексте, не считая описок (подчёркнуты):

- л. 66б: 16 («عنك لا ينبو»)
- л. 67а: 13 («رضي الله تعالى عنه»)
- л. 69б: 16 («وعى مقالاً و رعى كلاماً و حالاً»)

Хотя петербургская рукопись написана менее аккуратно и отражает специфические рукописные особенности, в ней меньше пропусков текста и они не так значительны как в венском списке⁸³, что также указывает на её старшинство⁸⁴.

⁸³ Примечательно, что в обеих рукописях пропуски приходятся на страницы практически одного и того же диапазона.

⁸⁴ См. конец п. 1.3.

- **Особенности оглавлений рукописей.**

В оглавлении петербургской рукописи перечислены только 24 макамы, хотя в тексте их 26. Пропущены макамы № 3 «Поэтическая» (л. 16б) и № 4 «Куфийская» (л. 24а). Учитывая всю кропотливость работы, маловероятно, что эта неточность была допущена по вине переписчика текста, поэтому оглавление, скорее всего, было добавлено позднее другим лицом. В пользу этого предположения также говорит более однородный тип почерка в оглавлении, чем в тексте, и отсутствие в нём грамматических ошибок, упомянутых выше⁸⁵.

В оглавлении венской рукописи перечислены 26 макам, однако в качестве макамы № 23 ошибочно вынесено название стихотворного отрывка, при этом пропущена макама № 9 «Вавилонская» – в тексте она есть, но без видимого заголовка. Исходя из этого, допустимо, что оглавление N.F.66 также было добавлено другим лицом, нежели писавшим сам текст.

- **Заглавия макам.**

В рукописи В 66 заглавие макамы № 1 («Законоведная»), написано красными чернилами перед предисловием к рукописи (л. 1б) и продублировано после него непосредственно перед текстом самой макамы (л. 2б). Во втором случае заглавие написано с красной строки (а не расположено по центру), на предыдущей строке стоят две буквы «»» указывающие на умышленный перенос слов на новую строку, при этом сразу же после заглавия через пробел следует сам текст макамы. Такую же особенность можно наблюдать в начале макамы № 3 («Поэтическая», л. 16б). Кроме того, только заглавия макам № 1 и № 3 содержат грамматическую ошибку⁸⁶, исправленную чёрными чернилами (только у макамы № 1). По всей видимости, эти заглавия были написаны другим лицом, нежели заглавия остальных макам (например, макама № 4 «Халебская», л. 20а).

⁸⁵ См. прим. № 18.

⁸⁶ См. прим. № 18.

В рукописи N.F.66 заглавие макамы № 1 следует только после предисловия к сочинению с новой строки по центру, при этом оно отделено от текста самой макамы (л. 2б).

В В 66 заглавие перед макамой № 2 («Румийская») отсутствует (л. 7б). Её название присутствует только в оглавлении к рукописи. В N.F.66 заглавие есть в обоих местах (л. 1а, 5б).

На мой взгляд, подобная организация деления текста в рукописи В 66 (написание текста на той же строке, что и заглавие, нехарактерная для арабской традиции запись стихотворных строк) связана скорее с индивидуальными особенностями переписчика (малограмотного в отношении арабского литературного языка), нежели с рукописной нормой позднего средневековья⁸⁷. Можно предположить, что петербургский список, в отличие от венского, изначально был составлен для личного пользования и не был предназначен на продажу.

В виду вышеуказанных особенностей рукописей автор данной работы приводит свой вариант чтения и деления текста (см. приложение): текст и нумерация листов воспроизводятся по петербургской рукописи; разночтения с венской рукописью даны в сносках; для удобочитаемости арабский текст поделён на абзацы; введены знаки препинания; все слова полностью огласованы⁸⁸; звёздочки поставлены в конце рифмующихся отрезков *садж‘а*⁸⁹, конечная огласовка которых опущена.

1.11 Этапы написания рукописи В 66

О количестве лиц, принимавших участие в написании и корректировке рукописи, можно предположить, что их было не менее двух, если не больше. На это уже указывает характер ошибок в заглавиях макам, о которых было сказано выше.

⁸⁷ Предположение о том, что переписчик таким образом сэкономил бумагу несостоятельно, поскольку пустые листы имеются не только в конце рукописи, но и после первой макамы. См. пункт 1.4.

⁸⁸ С учётом уже имеющейся в рукописях огласовки.

⁸⁹ За исключением тех случаев, когда после слова уже стоит какой-либо знак препинания.

Так на л. 50б кустода в левом нижнем углу (слово «قال») написана теми же красными чернилами, которыми проставлены красные разделители в нижней части данного листа.

Особенно это заметно при внимательном рассмотрении л. 50б: можно сделать вывод, что сначала чёрными чернилами был записан текст рукописи, после чего красными чернилами ставились разделители, закрашивались буквы в некоторых словах (об этом см. выше), и «подчёркивались» коранические цитаты и слова перед началом прямой речи.

На л. 37а некоторые знаки огласовки выглядят блеклыми по сравнению с другими на этой же странице, поскольку поставлены более тонким пером, и очевидно уже в процессе окончательной проверки рукописи.

Вероятно, рукопись писалась по частям с промежутками во времени. Эти части внутри себя однородны по типу почерка, но различны между собой.

При внимательном рассмотрении в рукописи В 66 можно различить 3 почерка: первым писан сам текст без всяких диакритических точек, вторым (а может быть и тем же лицом, но в более позднее время) прибавлены точки и некоторые знаки чтения, третьим, наконец, по-видимому, значительно позже, сделаны некоторые не важные приписки и дополнения в тексте и на полях.

Таким образом, создаётся впечатление, что рукопись создавалась, по крайней мере, в три этапа:

1. Широкой густой чёрной линией написан основной текст (тут же вносились исправления в случае описки и пропуска) и тем же пером поставлены редкие знаки чтения. В рукописи встречаются «заглавные» слова (л. 2а, 3а, 20а) и целые предложения писанные красными чернилами (л. 8б). Заглавия макам выполнены красными чернилами, за исключением макам № 8 «Румийская» (л. 33а) и № 9 «Вавилонская» (л. 36б).
2. Далее красными чернилами были проставлены разделители, маркеры и указатели: жирные точки, звёздочки, перевёрнутые сердечки, надчёркивания; за-

крашены внутренние части некоторых букв (довольно бессистемно как с эстетической, так и с функциональной точки зрения)⁹⁰.

3. В самом конце более тонкой и блеклой чёрной линией была выполнена корректорская работа: проставлены кустоды (не на всех листах, на лл. 28-30, 39, 50, 73-74, 76 красными чернилами) и добавлены огласовки и знаки чтения (л. 37а), в том числе и для некоторых коранических цитат (л. 39а: 8), исправлены ошибки (л. 1б: 1; 2б: 17; на лл. 22б: 11; 28б: 12 красными чернилами), сделаны приписки на полях (лл. 41б, 53а: 5; на л. 77б красными чернилами), прорисованы отдельные повреждённые слова (л. 8б: 12).

Рукописи содержат ряд особенностей, которые свидетельствуют, что они переписаны с одного и того же оригинала:

1. В обеих рукописях имя автора приводится в одинаковой нехарактерной для арабской рукописной традиции краткой форме.
2. В рукописи N.F.66 ошибки отмечены двумя, тремя или четырьмя точками между строк или на полях (чёрными чернилами). Сами исправления отсутствуют, т.е. сохранена орфография списка, с которого делалась копия. Об этом свидетельствует наличие точно таких же ошибок в рукописи В 66, хотя в ней они никак не отмечены.
3. В обеих рукописях в одних и тех же местах текста есть пропущенные слова, дописанные одинаковым способом между строк и на полях (В 66 – 19б, 77б, 79а; N.F.66 – 19а, 75б, 41б соответственно).
4. Также имеются одинаковые приписки пропущенного текста на полях (В 66 – л. 87а; N.F.66 – л. 78б). В В 66 приписка выполнена совершенно другим почерком, чем основной текст.

⁹⁰ Можно предположить, что подобное закрашивание пустот в лигатуре «каф-алиф» служит для её более ясного отличия от лигатуры «ла́м - хā' - алиф», которое в некоторых арабских почерках с ним очень схоже. Однако остаются неясными причины закрашивания изнутри других букв (см. пункт 1.9).

5. Часто в обеих рукописях совпадает деление текста по строкам (главным образом в начале и конце макама). Видно, что переписчики стремились повторить деление текста списка-оригинала. Однако из-за особенностей почерков переписчиков и разницы в разметке листов (ср. количество строк на листе: В 66 – 17, N.F.66 – 19) указанный принцип не выдерживается. Также примечательно то, что у обоих переписчиков в одних и тех же местах текста строки выходят на поля.
6. В обеих рукописях огласованы одни и те же слова.

Таким образом, рукописи В 66 и N.F.66 содержат достаточно свидетельств того, что они восходят к одному и тому же списку, или же, учитывая редкие расхождения в отдельных словах, к двум весьма схожим по оформлению рукописям.

Обнаруженные расхождения между текстами рукописей:

В 66		N.F.66	
л. 44а: 10	«و نظم جوهري» «...и нанизал драгоценные камни»	л. 41а: 3	«و لقط جوهري» «...и собрал драгоценные камни»
л. 55а: 16	«في بث التعجب» «...в горечи, будучи изум- лённым»	л. 55а: 7	«في بث التعجب» «...в горечи изумления»
л. 69б: 15	«الطلاق و الضاق» «...развод и стеснение»	л. 68а: 15	«الطلاق و العتاق» «...развод и освобожде- ние»
л. 86а: 14	«و بيد مقدمهم» «...и в руке их предводителя»	л. 77б: 15	«و بيد أحدهم» «...и в руке одного из них»

1.12 Предисловие к сборнику макам как исторический источник

Предисловие к сочинению может содержать важную информацию для исследования истории рукописи. Упомянутые в предисловии имена, даты, события позволяют более точно установить время написания сочинения и составления самой рукописи, определить географический регион, в котором могла быть выполнена работа.

Сведения, традиционно приводимые автором в предисловии – причины написания сочинения и оценка других работ на ту же тему, важны также для литературного анализа текста и раскрытия художественного замысла произведения, содержащегося в рукописи.

Особенность макам ал-‘Аббāса заключается в том, что этот сборник содержит целых два авторских предисловия⁹¹. Первое, идущее перед макамой № 1 («Законоведная»)⁹², относится ко всему сочинению, в то время как второе, следующее после макамы № 1⁹³, относится только к макаме № 2 («Румийская»)⁹⁴. Наличие у макамы № 2 отдельного предисловия можно объяснить характером её сюжета, в основе которого лежит любовная связь главного героя с византийской юношей. В этом предисловии звучит авторское оправдание перед читателем за использование столь нетрадиционной темы.

Предисловие к сборнику макам ал-‘Аббāса никак не отражено в каталоге Г. Флюгеля, то есть лл. 1б-2б не упоминаются, однако учитываются при подсчёте общего количества листов рукописи N.F.66. Также Г. Флюгель не выделил предисловие ко второй макаме, отнеся его непосредственно к тексту, что ясно видно по приводимой в описании рукописи N.F.66 нумерации страниц.

⁹¹ На это ясно указывает наличие *басмалы* перед первой и второй макамами сборника.

⁹² Р: лл. 1б-2б; V: лл. 1б-2б. Текст и перевод см. в приложении.

⁹³ Р: лл. 7б-8а; V: лл. 5б-6б. Текст и перевод см. в приложении.

⁹⁴ Р: лл. 7б-16а; V: лл. 5б-16а.

В каталоге А.Б. Халидова предисловие к рукописи В 66 на лл. 1б-2б отнесено к тексту первой макамы, то есть, никак не выделяется из общего массива текста, однако А.Б. Халидовым было отмечено наличие отдельного предисловия и басмалы у второй макамы.

Учитывая важность информации, содержащейся в обоих предисловиях, в данной работе они были вынесены в виде отдельных пунктов в оглавлении петербургского и венского списков макам (См. табл. № 2 в приложении).

Следует отметить, что именно недостаточное внимание двух заслуженных австрийских востоковедов (Й. Хаммер-Пургшталя и Г. Флюгеля) в середине XIX века к предисловию исследуемого сочинения явилось причиной ошибки в описании рукописи N.F.66 и позволило сделать интересную находку полтора столетия спустя.

ГЛАВА 2. ЖАНР МАКАМЫ В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ АСПЕКТЕ

2.1 Макама как образец канонического жанра. История и классификация

В период расцвета средневековой арабской культуры (VIII-XII в.) широкое распространение получила так называемая литература адаба⁹⁵, основным принципом которой было, развлекая читателя, его поучать [Brockelmann 1986, с. 109].

Литература адаба по классификации итальянского востоковеда К.А. Наллино (1872-1938) условно подразделяется на три категории:

Первая – это сборники, предназначенные для образованных людей и включающие прозаические и поэтические фрагменты, нередко с юмористическим содержанием. Литературный материал этих сборников несёт, в той или иной степени, назидательную окраску, которая подчёркивается обязательной классификацией материала⁹⁶. Вторая – это сочинения на моральные темы или сборники полезных сентенций. Третья категория книг олицетворяет адаб профессионального назначения – это пособия, предназначенные специально для представителей интеллектуальных профессий [Пелла 1978, с. 61].

С адабной литературой тесно связан жанр макамы⁹⁷, который нельзя безоговорочно отнести к какой-либо одной из перечисленных выше категорий адаба,

⁹⁵ Определение термина «адаб» и его историю см. в работе Ш. Пелла [Пелла 1978], И.М. Фильштинского [Фильштинский 1991, с. 242-252], а также в статье Ф. Габриэли [Gabrieli, 1954]. От этого термина возникло понятие «адйб», то есть воспитанный человек, обладающий филологическим образованием, светскими и общекультурными познаниями. См. [Крачковский 1960, с. 44-45; Rosenthal 2007, p. 251-252, 284].

⁹⁶ См., например, разделы о доблести, вежливости, щедрости и т.д. в книге Ибн 'Абд Раббихи (858-940) «Чудесное ожерелье» [Аль-Джахиз, 1985], а также сочинения Ибн ал-Мукафф'ы (724-759) [Ибн ал-Мукаффа 1986] и ал-Джа'ииза (776-868) [Ал-Джахиз 1965].

⁹⁷ Определение термина «макама» и историю жанра см. в статье К. Брокельмана и Ш. Пелла «Макама» [Brockelmann 1986].

поскольку его внутреннее наполнение менялось на протяжении веков в соответствии с требованиями времени и личными вкусами и широтой взглядов автора. Так, можно найти примеры макама, относящихся как к первой (ал-Ҳарӣрӣ), так и ко второй категории (аз-Замāхшарӣ), тогда как третья категория к макамам вообще не имеет отношения.

В контексте исторического развития жанра все макамы и их авторы условно могут быть разделены на три категории⁹⁸:

- 1) классические (только ал-Хамазāнӣ и ал-Ҳарӣрӣ, X-XI век);
- 2) постклассические (все авторы⁹⁹ по XIX век включительно);
- 3) современные (все авторы после XIX века).

Макама как самостоятельный жанр возникла в конце X века¹⁰⁰ в результате сочетания наиболее устойчивых элементов традиционных прозаических (наср) и поэтических (ши‘р) жанров арабской литературы: проповедь (хутба), послание (рисāла), путешествие (рихла), диспут (мунāзара), прозаическое и поэтическое описания (васф), восхваление (мадх), самовосхваление (фахр), осмеяние (хиджā’) и т.д.

Классическую макаму отличает наличие следующих обязательных элементов:

- 1) текст, написанный рифмованной ритмизованной прозой (садж‘ем)¹⁰¹;

⁹⁸ Следует отметить, что в двух последних категориях в виде исключения встречаются макамы и даже целые сборники, которые в принципе можно отнести к классическим, например, тот же сборник ал-‘Аббāса XVI века.

⁹⁹ В том числе и андалусские, например, макамы Ибн Абй-л-Ҳиṣāла (1073-1146) [Расā’ил Ибн Абй-л-Ҳиṣāl 1988].

¹⁰⁰ Хотя упоминания о сочинениях, датированных ранее X века и в полной мере обладающих спецификой макамы, не встречаются в средневековых литературных антологиях, вопрос о моменте возникновения жанра по-прежнему остаётся открытым. Исследователи истории арабской литературы пытаются найти более ранние истоки макамы в жанрах посланий (рисāла), описаний (васф) и литературе о нищих (адаб ал-кудйа), однако эти попытки нельзя назвать успешными.

¹⁰¹ Более подробно об этой особенности будет сказано в п. 2.3.4.

- 2) произнесение стихов центральными персонажами;
- 3) риторический или плутовской сюжет¹⁰²;
- 4) традиционная вводная формула в начале каждой макамы, в которой называется имя повествователя (в некоторых одиночных макамах и сборниках макам также может быть названо имя главного героя¹⁰³).

Некоторые исследователи макам придерживаются мнения, что форма этого начала имитирует иснād¹⁰⁴, однако такое суждение неверно по двум причинам. Во-первых, иснāдом в науке о хадисах¹⁰⁵ называют цепь передатчиков высказываний как самого пророка Мухаммада, так и его сподвижников и современников, подтверждающих своим авторитетом достоверность предания (ḥадйса) [Халидов 1985, с. 98-99]. В данном же случае мы имеем дело с *вымышленными* событиями и персонажами¹⁰⁶, которые по своей природе не нуждаются в верификации. Во-вторых, в макамах речь идёт о постоянных персонажах историй, поведанных *одним из её участников*, что уже нельзя назвать «цепью передатчиков»: у ал-Хамазāнй – «Рассказывал нам ‘Йса ибн Хишām. Он сказал...»; у ал-Ḥарйрй – «Рассказывал ал-Хāрис ибн Хаммām ...»; у ал-‘Аббāса – «Рассказывал Абӯ-л-Ḥайр ибн ал-

¹⁰² Композиционное построение классической макамы и связанные с ним особенности рассмотрены в гл. 3, п. 3.3.

¹⁰³ Например, «Харамийская» макама (№ 48) у ал-Ḥарйрй [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1978, с. 181] и все макамы, за исключением одной (№ 2), у ал-‘Аббāса.

¹⁰⁴ См., например, [Hāmeen-Anttila 2002, с. 46-48, 340; Парижский 2010, с. 59].

¹⁰⁵ В более широком смысле, иснād означает «установившуюся в арабской исторической традиции стереотипную форму ссылок на цепь передатчиков того или иного сообщения: «Рассказал мне такой-то, он сказал: рассказал мне такой-то, он сказал...» и т. д., вплоть до первоисточника, то есть участника или очевидца события – его рассказ передаётся уже от первого лица» [Долинина 1999, с. 14].

¹⁰⁶ Например, ал-Ḥарйрй сам сообщает об этом в предисловии к своему сборнику [Долинина, Борисов, Кирпиченко 1987, с. 16].

Х̣арис, среди того, что он поведал о Абӯ-л-Фадле ибн ал-В̣арисе. Он сказал...».

Таким образом, вводная формула в начале классических макам выполняет единственную функцию – позволяет автору вести рассказ от имени повествователя (т.е. от первого лица) и при этом самому дистанцироваться от повествования, что, при наличии вымысла в тексте, является типичным признаком художественной литературы. Кроме того, здесь возможно условное проведение параллели классической макамы с драматургией¹⁰⁷ – подобно тому, как в театральных пьесах список действующих лиц традиционно предшествует основному тексту, в начале каждой макамы, согласно канону, автором называется один из основных участников её действия (повествователь)¹⁰⁸.

- 5) постоянные вымышленные рассказчик и красноречивый главный герой.

Постклассические макамы в первую очередь отличаются качественные изменения на содержательном уровне – частичное или полное отсутствие в них типичных для классических макам элементов¹⁰⁹, а также их риторическая направленность с превалирующей в сюжете дидактикой. Макамы, принадлежащие к этой категории, наиболее многочисленны и вместе с тем наименее изучены, особенно это касается макам позднего средневековья (XV-XVI века).

Самые ранние попытки составления макам после ал-Хамаз̣ан̣и и ал-Х̣арир̣и прослеживаются с XI века: макама, по форме и тематике напоминающая послание (рис̣ала), под названием «Размышления о болезнях...» («Мақ̣ама ф̣и тадб̣ир ал-

¹⁰⁷ Подробней о связи макамы с театром см. гл. 3, п. 3.1 (Ибн Д̣аний̣āl).

¹⁰⁸ Поскольку для сборников классических макам характерен постоянный главный герой (как правило он известен из предисловия к сборнику), его имя опускается в вводной фразе, чтобы быть названным в момент разоблачения-узнавания рассказчиком.

¹⁰⁹ Представленные выше элементы расположены по возрастающей относительно их «неустойчивости» в постклассических и современных макамах.

амрәд...») была написана врачом Абӯ-л-Җасаном Ибн Бутләном (ум. 1066) [Brockelmann 1936-1937, с. 885]. Его известный последователь ‘Абдалләх Ибн Нәқийә (1020-1092) составил десять макам «Адабные макамы» («Мақәмәт адабиййа»), особенностью которых является наличие нескольких повествователей [Там же, с. 486; Hämeen-Anttila 2002, с. 133]. Также можно назвать следующих авторов, писавших макамы в это период – это Абӯ Наṣр Ибн Нубәта (938-1014, 1 макама) [Brockelmann 1898-1902, с. 94], Абу ‘Абдалләх Ибн Шараф (1000-1067, 2 макамы) [Там же, с. 315] и ‘Умар ибн аш-Шахйд (кон. XI в., 2 макамы) [Hämeen-Anttila 2002, с. 371].

Известны сборники макам начала XIII века, среди них: «Мевлевийская макама» («ал-Мақәмә ал-мавлавиййа ас-ṣәҳибиййа»), принадлежащая ал-Вазйру ас-Ṣәҳибу Ṣафә’аддйну, в которой рассматриваются юридические вопросы [Brockelmann 1936-1937, с. 490]; сборник из пятидесяти «Украшенных макам» («ал-Мақәмәт ал-зайниййа»), составленный ал-Джазарй Ибн ас-Ṣайқалом (ум. 1301) в подражание ал-Җарйрй [Brockelmann 1902, с. 205; Brockelmann 1938-1944, с. 199]; «Макамы влюблённых» («Мақәмәт ал-‘ушшәқ») романтического содержания, составленные поэтом Муҳаммадом аш-Шабб аз-Зарйфом (1263-1289) [Brockelmann 1936-1937, с. 458].

В XIV веке форма макамы также использовалась для написания произведений на различные темы, при этом авторы, за небольшим исключением, отдавали предпочтение религиозно-назидательной тематике: Ибн ал-Му‘аззам ар-Рәзй в 1329 году написал «Двенадцать макам» («ал-Мақәмәт ал-иснатә-‘ашара») дидактического содержания [Brockelmann 1902, с. 192; Brockelmann 1938-1944, с. 255]; Муҳаммад Ибн Саййид-ан-нәс (1263-1334) воздаёт хвалу Пророку и его сподвижникам в «Отборных макамах о явленных достоинствах» («ал-Мақәмәт ал-‘алиййа фй-л-карәмәт ал-джалиййа») [Brockelmann 1902, с. 85; Brockelmann 1938-1944, с. 77]; дйвән под названием «Сообщение о чуме» («ан-Наба’ ‘ан ал-вабә’»), составленный ‘Умаром Ибн ал-Вардй (1290-1349), содержит несколько «макам» и посланий (рисәла), описывающих эпидемию чумы, от которой он сам вскоре умер

[Brockelmann 1902, с. 175-177]; Ибрāхīm ибн Муҳаммад ибн ал-Вазйр (ум. 1508) использовал форму макамы для рассмотрения теологических вопросов в «Макаме о наблюдении и последствиях молвы» («ал-Мақāmā ал-манзāриййа ва-л-фāкиха ал-ҳабариййа») [Там же, с. 188; Brockelmann 1938-1944, с. 248]. Аҳмад ал-Қасталлāнй (1448-1517) по примеру Джалāладдйна ас-Суйўтй¹¹⁰ составил сборник «Макамы сведущих» («Мақāmāt ал-‘āрифйн») [Brockelmann 1902, с. 72].

В период литературного упадка, пришедшегося на XVII-ое и XVIII-ое столетия, форма макамы по-прежнему эксплуатировалась для рассмотрения широкого круга тем и вопросов, присущих жанру рисāла¹¹¹. Джамāладдйн Абў ‘Алй ал-Қаббāнй сочинил макаму (1667 г.), описывающую войну между правящей династией Басры и турецкой армией [Brockelmann 1902, с. 490; Brockelmann, 1938-1944, с. 501]. Тема соревновательной дискуссии, характерная для жанра мунāзара, задействована Йўсуфом ал-Ҳифнй (ум. 1764) в «Макамах о тяжбе между вином и цветами» («Мақāmāt ал-муҳāкама байн ал-мудām ва-з-зухўр») [Brockelmann 1902, с. 364-365; Brockelmann 1938-1944, с. 392]. Абў Бакр Ба‘бўд ал-‘Алавй составил сборник из пятидесяти «Индийских макам» («ал-Мақāmāt ал-хиндиййа») (1716 г.) в подражание ал-Ҳарйрй, в которой повествователь рассказывает о приключениях главного героя в Индии [Brockelmann 1938-1944, с. 601]. ‘Абдаллāх ал-Идкāvй (1692-1770) также в манере ал-Ҳарйрй сочинил «Макаму о неправильной записи» («ал-Мақāmā ат-тасҳйфиййа»), в которой искусно продемонстрировал особенности арабской графики [Brockelmann 1902, с. 365; Brockelmann 1938-1944, с. 392-393].

В XIX веке, охарактеризованном как период Возрождения арабской литературы (ан-нахда), явилось убеждение в том, что макама как образец классического арабского жанра является наилучшим средством для введения в обиход богатой

¹¹⁰ Более подробно об этом авторе сказано в гл. 3, п. 3.1.

¹¹¹ Естественно, что при таком использовании грань, возникшая после появления классических сборников ал-Хамазāнй и ал-Ҳарйрй между макамой и жанром рисāла, стала практически неразличимой.

лексики, которая была позабыта в течение предшествующих столетий. В связи с этим были предприняты попытки воссоздания жанра макамы в его изначальной канонической форме. Самой успешной из них в XIX веке можно назвать сборник Нāṣīфа ал-Йāзиджī (1800-1871) «Соединение двух морей» («Маджма‘ ал-баḥрайн»), состоящий из шестидесяти макам дидактико-риторического содержания и снабжённый авторским комментарием¹¹² [Brockelmann 1938-1944, с. 765-766]. Эти макамы составлены в полном соответствии с канонической жанровой формой и имеют повествователя и главного героя. То же самое применимо к сборнику из восьмидесяти восьми макам Ибрāхима ал-Аḥдаба (1826-1891) [Там же, с. 760]. Из других авторов макам этого периода также можно упомянуть Маḥмūда ал-Алūsī (1802-1954, 5 макам) и Ḥасана ал-‘Аṭṭāра (1766- 1834, 1 макама) [Там же, с. 720].

Что касается современных макам, то они отличаются от макам предшествующих периодов уже потому, что были написаны после модернизации арабской литературы (проникновения в неё западных жанров), когда жанры арабской литературы, по аналогии с западными, стали нести чисто литературные функции.

В XX веке были продолжены попытки обновления жанра макамы в арабской литературе, с приданием ему обличительно-сатирического характера. Наиболее заслуживающим внимания произведением этого времени является «Рассказ ‘Йсы ибн Хишāма» («Ḥадīs ‘Йсā ибн Хишām») – сатира на современные нравы, написанная в 1907 году Муḥаммадом ал-Мувайлиḥī (1868-1930) [Brockelmann 1939-1942, с. 194-195]. Макамы, появившиеся после этого момента, например, объёмное сочинение «Вечера с Сатīḥом» («Лайālī сатīḥ») Муḥаммада Ḥāфиз Фахмī (1872-1932), изображающее сатирический портрет общества [Hartman 2010, с. 149-159], уже не имели такого успеха. Также, вполне возможно, что другие значимые макамы авторов XX века остались вне поля зрения исследовате-

¹¹² См. также оценку этого сборника [Moosa 1992, p. 125].

лей, будучи попросту неизданными. Это вполне справедливо и в отношении предыдущих столетий в истории жанра.

Таким образом, как правило, выделяют сборники четырёх авторов, которые в наибольшей степени способствовали формированию и сохранению канонической составляющей жанра макамы: это макамы ал-Хамазāнī и ал-Ḥарйрī (XI в.) как отправная точка для всего жанра, «Маджма‘ ал-баḥрайн» Нāсйфа ал-Йāзиджй (XIX в.) и «Ḥадйс ‘Йсā ибн Хишāм» Муḥаммада ал-Мувайлиḥй (XX в.).

Хотя творчество вышеназванных авторов изучено в достаточной степени, такое положение всё же не позволяет представить полную картину развития жанра, поскольку мы не располагаем достаточными сведениями о судьбе макамы в течение последующих семи столетий с условного момента её зарождения, особенно это касается периода позднего средневековья (XV-XVI века). По-прежнему остаётся большое количество малоизвестных сборников, заслуживающих если не критического издания, то хотя бы тщательного исследования для вынесения более объективного суждения о каноне макамы и истории жанра в целом. Первоочередной интерес в этом плане представляют рукописные коллекции различных библиотек мира, чьи фонды не были до конца изучены и раскрыты. Неверно атрибутированная рукопись, обнаруженная в Австрийской национальной библиотеке и содержащая макамы позднесредневекового автора ал-‘Аббāса [Халидов 1960, с. 112-113; Тептюк 2012, с. 251-258], исследуемые в данной работе, служит тому наглядным свидетельством.

2.1.1 Андалусская макама

Вскоре после составления, сборник ал-Ḥарйрī стал известен в Испании, где на него был написан самый знаменитый комментарий Аḥмада ал-Шарйшй (1162-1223). Там же его современник Абў-т-Ṭāхир Муḥаммад ибн Йўсуф ал-Сарақустй ал-Аштаркўвй (ум. 1143) составил сборник из пятидесяти макам «ал-Мақāмāt ал-лузўмиййа», по всей видимости, являющийся единственным примером классической макамы в Андалусии [Brockelmann 1898-1902, с. 377; Brockelmann 1936-

1937, с. 543]. Что касается других андалусских авторов, то они, ориентируясь на общие художественные принципы макамы, не считали необходимостью придерживаться её жанровых рамок (например, Ахмад Ибн ал-Шухайд ал-Ашджа'й (992-1035) и его сборник «Послания о духах и демонах» («Рисālāt ат-тавāби' ва аз-завāби'») [Hämeen-Anttila 2002, с. 370]). В Андалусии границы жанра оказались наиболее неустойчивыми. Макамой называли «любое проявление риторики, оформленное в рифмованной прозе, независимо от наличия или отсутствия в ней стихотворных вставок, на любую требующую того тему, будь то поздравление при назначении на должность, сопроводительная записка к подарку, описание природы, восхваление и поношение, изложение малозначительных событий или приключений во время путешествия» [Granja 1976, с. 14]. Такой вид композиции, нагруженный всевозможными языковыми средствами выразительности и сведениями энциклопедического характера, отличающийся крайней педантичностью и сложностью восприятия, назывался и рисāла, и мақāма, вне зависимости от затрагиваемой темы. Таким образом, в XI-XII веках жанр рисāла и макама воспринимались в Андалусии практически как синонимы [Там же, с. 11-13] за счёт использования в них в равной степени широкого тематического спектра (наука, литература, философия, мистика, мораль), присущего классическим арабским жанрам. Андалусские авторы постклассических макам в своём творчестве обошли стороной главные отличительные черты литературной модели, созданной ал-Хамазāнй и ал-Харйрй. Такое упрощение стало причиной того, что со временем макама, за редким исключением, утратила повествовательный характер, приобретя взамен узкую риторико-спекулятивную направленность. По большому счёту все эти особенности встречаются во многих сборниках макам и вне арабской литературы¹¹³.

¹¹³ См. п. 2.3.

2.2 Сложение и эволюция макамого канона¹¹⁴

Классические макамы могут быть рассмотрены в связи со следующим идеями, сочетания которых образуют их жанровую специфику:

- 1) Уличный плут как герой образовательной (адабной) литературы (плутовство – дидактика).
- 2) Красноречие главного героя и его аморальное поведение (образованность – порок).
- 3) Соотношение повествовательного и риторического начал (риторика – развлечение).
- 4) Соотношение рифмованной прозы и стихотворных элементов при свободе вымысла (поэзия – проза).
- 5) Соотношение усложнённого стиля изложения и смысловой нагрузки в тексте (изящность слога – смысл).

2.2.1 Дидактика – развлечение

Будучи основанной на риторических приёмах, классическая макама¹¹⁵ успешно сочетает в себе ближневосточную дидактику и ставшую популярной в средневековье тему плутовства. В отношении постклассических макам справедливо высказывание К. Брокельмана о том, что макамы утратили со временем присущий им изначально плутовской характер [Brockelmann 1986, с. 109]. То есть в макамах, первоначально основанных на принципах культурно-светского адаба (первая категория по классификации К.А. Наллино), возобладала дидактическая составляющая, вследствие чего большинство постклассических (а также современных) макам, отчасти сохраняя внешние черты канона, создавались как сочинения на моральные темы (вторая категория), чисто назидательного характера,

¹¹⁴ Разработку вопросов неизученности категории литературного жанра и необходимости дифференциации канона и традиционалистической литературы см. [Аверинцев 1986].

¹¹⁵ См. определение классической макамы в п. 2.2.2.

причём с течением времени эта тенденция, только усиливалась. Авторы макама, писавшие после ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī, за небольшим исключением, обучая, забудут о развлечении читателя, отчего жанр станет в высшей степени серьёзным и безграничным по своей тематике. Подобное изменение произошло, вероятно, по нескольким причинам. Во-первых, постклассические авторы¹¹⁶ не восприняли развлекательный элемент в макамах ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī в качестве одной из основополагающих черт жанра, делавшей его столь привлекательным и неординарным для среды образованных современников. Во-вторых, умение сочетать в украшенном риторическими фигурами тексте житейскую дидактику с развлекательностью сюжета требует большого таланта, который, по-видимому, не проявился ни у одного из позднейших авторов в той же степени что и у классиков жанра. И, наконец, в-третьих, что является самым существенным, недостойное поведение главного героя ал-Ḥарīrī и его порой чрезмерно вольнодумные высказывания¹¹⁷ шли в разрез с мусульманской моралью, отчего их воспроизведение в манере ал-Ḥарīrī было нежелательным для позднейших авторов¹¹⁸. Следует отметить, что именно эти черты существенно дополняют образ главного героя, делая его более выразительным, а противоречие между его высокообразованными речами и вульгарным поведением, являющееся основной идеей вновь возникшего жанра, ещё более явным.

¹¹⁶ Т.е. все авторы до XIX века, писавшие макамы после ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī.

¹¹⁷ Это касается макама с плутовским сюжетом (всего 35 в сборнике [Долинина 2010, с. 35]). См. гл. 3, п. 3.6.1.

¹¹⁸ Классическая макама, позаимствовав форму у функциональных жанров (высоких по стилю и религиозно-назидательных по характеру), впервые в арабской литературе обнаружила в своём содержании признаки художественной повествовательной прозы (о роли функциональности жанров см. [Рифтин 1974, с. 13]). Дальнейшее развитие макамы в её исконной жанровой составляющей (изящный язык, особая форма и плутовское содержание) оказалось нереализованным из-за неприятия средневековым мусульманским обществом безнравственного героя, выступающего неизменным триумфатором. [Крымский 1906 с. 283-384].

Несмотря на успех макамы, среди современников ал-Харйрй по-прежнему можно было встретить авторов, которые в своих сочинениях обращались к одному из аутентичных значений слова «макама», рассматривая его скорее как «благочестивые рассуждения» (вторая категория адабных сочинений, см. выше), нежели приключения красноречивого бродяги. Среди них можно назвать сборник ал-Ғазālй (ум. 1111) «Пребывание учёных перед [лицом] халифов и эмиров» («Мақāmāt ал-‘уламā’ байна йадай ал-хулафā’ ва-л-умарā’») и ас-Сам‘āнй (ум. 1167) «Пребывание учёных перед [лицом] эмиров» («Мақāmāt ал-‘уламā’ байна йадай ал-умарā’»). Тоже самое можно сказать о сборнике аз-Замаҳшарй (1074-1143), который, объявив источником своего вдохновения макамы ал-Хамазāнй и ал-Харйрй, составил пятьдесят макам религиозно-дидактического содержания под названием «Великие наставления» («Наṣā’иҳ ал-кибār») ¹¹⁹.

Наряду с занимательными приключениями красноречивого плута и благочестивыми рассуждениями, макамой, а вернее макамами, также называли сочинения мистико-религиозного характера – суфийские наставления о достижении определённых состояний тела и души (например, пятьдесят макам Муҳаммада ад-Димашқй (ум. 1327) «ал-Мақāmāt ал-фалсафиййа ва-т-тарджумāt ас-сўфиййа» [Brockelmann, 1938-1944, с. 161]) и толкования суфийских терминов (например, «Мақāmāt сўфиййа» Йаҳйā ас-Сухравардй (ум. 1191) [Brockelmann, 1936-1937, с. 78]) ¹²⁰ Эти сочинения не имеют никакого отношения к жанру макамы, основанному ал-Хамазāнй, и называются таким образом лишь в связи с одним из значений слова «макама» – стоянка, в данном случае «стоянка» души на пути познания божественной сущности. Можно сказать, что попытки обнаружить некий суфийский подтекст в классических макамах равнозначны попытке истолковать суфийскую поэзию с точки зрения школы формализма, обращая внимание исключительно на используемые в ней художественные приёмы.

¹¹⁹ Об этом авторе и его макамах см. гл. 3, п. 3.1.

¹²⁰ См. список других суфийских авторов макам у Я. Хямен-Антилы [Hämeen-Anttila 2002, с. 366].

2.2.2 Изысканность языка – смысловая нагрузка

Классическая макама представляет собой рассказ (несколько схожий с европейской новеллой), повествующий о вымышленных приключениях двух красноречивых персонажей – рассказчика и его знакомого, – главного героя-адйба¹²¹, поучительная речь которого обычно является кульминационным моментом макамы. Согласно устоявшемуся средневековому канону текст макамы должен быть написан рифмованной ритмизованной прозой (садж‘)¹²², в различной степени перемежающейся со стихотворными элементами; для неё также обязательно наличие двух постоянных (если речь идёт о сборнике макама) вымышленных персонажей¹²³ – повествователя (рāvī) и красноречивого главного героя (балйг).

Большинство постклассических авторов, писавших в жанре макамы, сохранили использование рифмованной, более или менее ритмизованной, прозы, смешанной с поэзией. Однако увлечение филологическими изысками¹²⁴, возникшее вскоре после зарождения жанра и впервые проявленное в непревзойдённых макамах ал-Харйрī¹²⁵, привело к исчезновению ключевых персонажей из многих постклассических макама и снижению роли сюжета в повествовании. Более того,

¹²¹ Определение понятия «адйб» см. в прим. № 95.

¹²² См. определение понятия «садж‘» и его виды в п. 2.2.4.

¹²³ Однако наличие вымышленного рассказчика и героя-плута отнюдь не «является жанровой константой для всех макама», как это утверждает С.Г. Парижский [Парижский 2010, с. 18-19].

¹²⁴ Имеются в виду замысловатые стилистические фигуры, многочисленные цитаты и изречения, всевозможные графические приёмы и средства выразительности, используемые для украшения текста.

¹²⁵ Удачное сочетание в его макамах красоты изложения с занимательностью сюжета стало недостижимым идеалом для позднейших авторов, которые, пытаясь повторить опыт ал-Харйрī, основное внимание уделяли лишь стилистической обработке текста. В итоге жанр макамы стал, подобно жанру рисāла, ни чем иным как удобным средством для упражнения в риторике, позволив авторам без последствий излагать собственные мысли под личиной вымышленных героев, а также демонстрировать собственные лексикографические познания.

употребление сложной, редкой, и подчас непонятной, лексики в сочинениях подобного типа вызвало необходимость написания к ним обширных лексикографических комментариев. Формальное соблюдение требований канона в таких сборниках, а нередко и полное отсутствие в них базовых черт классической макамы, сближают их с упомянутыми выше¹²⁶ жанрами, представляющими собой источник первоэлементов для самой макамы.

Изложение в высоком стиле историй (высокий лексический уровень)¹²⁷ о проделках образованных мошенников оказалось весьма оригинальной для своего времени идеей¹²⁸. Получив наилучшее воплощение в творчестве ал-Харйри, она позволила макаме приобрести статус одного из центральных жанров в арабской литературе к началу XII века¹²⁹.

Макамы ал-Харйри стали классическим образцом арабского литературного красноречия и получили широкое признание не только по всему мусульманскому востоку, но и за его пределами благодаря красоте стиля изложения. «Каждая их строка насыщена метафорами, параллелизмами, сравнениями, гиперболами, не всегда с первого взгляда понятными намёками и иносказаниями, пословицами, афоризмами, литературными и кораническими цитатами» [Долинина, Борисов, Кирпиченко 1987, с. 5]. Ал-Харйри использует «богатую синонимику арабского языка, игру слов, основанную на оттенках их значения, на омонимии, аллитерациях и ассонансах, а порой и на особенностях арабской графики» [Там же, с. 5].

¹²⁶ См. выше п. 2.1.

¹²⁷ О принципе «иерархичности» стилей в арабской поэзии см. [Шидфар 1974, с. 118-149].

¹²⁸ На наш взгляд, именно это было одной из важнейших составляющих успеха жанра макамы, несмотря на то, что, как утверждает К. Брокельман и Ш. Пелла, «противоречие между внешним видом персонажей и их красноречием распространённое явление в литературе адаба» [Brockelmann 1986, с. 108].

¹²⁹ На момент своего зарождения макамы считались особым развлечением лишь для небольшого (относительно всего арабоязычного населения халифата) круга знатоков изящной словесности благодаря своему усложнённому языку и филологическим изыскам.

«Именно речь, по мнению средневековых арабских философов, будучи выражением разума, в первую очередь способствует формированию человеческого общества на рациональных основах. Это представление оказало своё воздействие на арабскую книжную литературу, стиль которой, оттачиваясь веками, становился все более изысканным, подчинялся требованиям гармоничности организации фразы, правильного выбора слов для высоких и низких жанров, насыщался тропами и разнообразными звуковыми украшениями» [Там же, с. 5]. «“Жонглирование словами”, любование своим искусством, умением выразить самые различные оттенки и градации мысли характерно для деятелей арабской средневековой литературы». «В нём отражается их благоговейное отношение к человеческому разуму, приобщающему человека, по их словам, к «высшему разуму», творцу Вселенной» [Шидфар 1974, с. 102]. По мнению Б.Я. Шидфар, увлечение словесными образами и «вычурность», проявляемые арабскими средневековыми прозаиками и поэтами, составляли эстетические основы их творчества, «краеугольным камнем которого являлся рационализм, стремление подчинить эмоцию», сделать её «разумной», сводя её к определённым нормам [Там же, с. 102].

Несмотря на преклонение средневековых филологов перед красотой арабского языка и его лексическим богатством, уже в аббасидскую эпоху многие выражения и слова классического арабского языка стали выходить из общего употребления. Целью ал-Харйрй было сохранение редких слов, чему способствовали не только его филологические трактаты¹³⁰, но и сборник из пятидесяти макам и более двадцати филологических комментариев, написанных к ним его последователями¹³¹. О ценности макам ал-Харйрй как словарного источника также свидетельствует тот факт, что их штудирование было включено в общеобразовательную школьную программу наряду с заучиванием Корана (чего не случилось с ма-

¹³⁰ См. [Долинина, Борисов, Кирпиченко 1987, с. 6].

¹³¹ Самый знаменитый из комментариев «Шарх ‘алā мақāmāt ал-Харйрй» был составлен Ахмадом ал-Шарйшй (1162-1223).

камами ал-Хамазāнī, которые в этом отношении были составлены на порядок проще).

Ал-Ḥарīrī в своих макамах не только дал продолжение канону, созданному ал-Хамазāнī, придав жанру его классический вид, но и сумел его во многом усовершенствовать. Так, например, композиционная модель его сборника, в отличие от сборника ал-Хамазāнī, обладает изначально задуманной циклической завершённостью¹³². Можно сказать, что макамы ал-Ḥарīrī послужили своеобразным стержнем канона, точкой его наивысшего расцвета, которая, однако, по мнению западных исследователей, обозначила и начало его упадка, проявившегося в творчестве позднейших макамных авторов.

2.2.3 Плутство (порок) – красноречие (образованность)

Чётко обозначить момент возникновения какого-либо жанра арабской литературы, равно как и модель, на которой он основывается, едва ли представляется возможным. Это в полной мере касается и макамы. Можно лишь сказать, что одна из центральных идей классической макамы, а именно сочетание высокого литературного стиля с тематикой из низких жанров, очевидно, окончательно вызрела к X веку и, согласно общепризнанному мнению, первым, кто воплотил эту идею в особой литературной форме, был именно ал-Хамазāнī.

Макама представляет собой жанр, построенный на противоречии, возникающем от гротескного сочетания объекта, избранного для повествования, и высокого повествовательного стиля. Центральный персонаж классической макамы – бродячий литератор, зарабатывающий на жизнь красноречием и учёностью. На его плутовской изворотливости зиждется увлекательность фабулы классических макамов, выстраивается их сюжетная линия. Особую пикантность повествованию придаёт диссонанс его учёных высокообразованных речей, проявляемых вкупе с поэтическим мастерством, с неожиданно вульгарным поведением. Будучи поме-

¹³² См. об этом статью А.А. Долининой «Макамы ал-Ḥарīrī: композиционная структура цикла» [Долинина 2010, с. 44-50].

щённым в контекст литературы адаба – образовательной по своей сущности, уличный пройдоха-плут в роли главного героя уже сам по себе выглядит анекдотично. Вкладывая в его уста адибные речи, авторы классических макама ещё более усилили комический эффект от такого сочетания и получили в результате повествование в высоком стиле о низком в плане морали герое.

В литературе о похождениях «деклассированных элементов» аббасидского халифата¹³³, которая появилась незадолго до зарождения макамы как следствие интереса, проявляемого аристократией и литераторами к членам низшего сословия, наблюдается схожий принцип [Фильштинский 1991, с. 277, 279]. Существует мнение, что эта литература оказала определённое влияние на формирование жанра макамы [ath-Tha‘ālibī 1886, с. 176; Bosworth 1976, с. 96-97]. Типичным примером для проведения параллелей с макамой является «Сасанская касыда» («Қаҗида сәсәнийя») Абӯ Дулафа ал-Хāзраджі (X в.)¹³⁴, в которой подробно описаны приключения маргинальных элементов общества – странствующих в поисках пропитания нищих, бродяг, плутов и мошенников, именовавших себя «банӯ Сāsān» («дети Сасана» по имени родоначальника 4-ой иранской династии Сасана)¹³⁵ [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1978, с. 5, 209]. Особенностью литературы о нищих, помимо использования вульгарных сюжетов, является введение в высокие жанры «низовой» лексики, которая, согласно средневековому принципу «иерархичности» была в них совершенно неприемлема [Шидфар 1974, с. 120-121]. Одним из самых ранних авторов данного направления является Абӯ-л-Қāсим ‘Амир ал-Аздй (1158-1226), плутовские рассказы-макамы которого получили название «Рассказы Абӯ-л-Қāсима» («Ҳикāйāt Абӯ-л-Қāсим») [Hāmeen-Anttila 2002, с. 84-87, 335]. Поскольку точная дата составления сборника ал-Аздй не из-

¹³³ Литература о нищих этого периода исследована у А.Х. Хасана [Хасан 1986].

¹³⁴ См. арабский текст [Bosworth 1976, с. 3-39].

¹³⁵ Одним из типичных персонажей сасанской литературы является мукаддй – нищий или бродяга, путешествующий из города в город в поисках заработка, который он добывает, рассказывая увлекательные истории окружающей его толпе.

вестна, нельзя определённо сказать о степени его влиянии на творчество ал-Хамазāнī [Там же, с. 87].

2.2.4 Проза – поэзия

С доисламских времён садж‘ использовался в речах и проповедях, в тяжбах и перепалках, являясь «инструментом импровизации, экспромта, формой того природного дара красноречия, острословия, которым арабы так гордились» [Фролов 1991, с. 72]. Более того, по предположению Д.В. Фролова, эта форма речи способствовала возникновению метрической системы арабской поэзии [Там же, с. 92-93]. Садж‘ встречается во многих сурах Корана (например, суры 81 и 82), что в начальный период ислама отрицалось мусульманскими богословами¹³⁶ вследствие необходимости противопоставления «нерукотворного Корана как слова Аллаха» рифмованной речи доисламских поэтов и кахинов, которые называли откровения, произносимые Пророком, садж‘ем и стихами. Отсюда в раннеисламский период эта «языческая» форма речи оказалась табуированной, однако уже в X-XI вв., т.е. как раз ко времени возникновения классических макама, садж‘ стал основным способом выражения мысли среди литераторов и учёных и оставался таковым до конца XIX века (особенно это касается класса административных секретарей, к которым принадлежал ал-Хамазāнī) [Brockelmann 1913-1936, с. 109].

С точки зрения формы, одним из неизменных атрибутов макамы является использование в ней рифмованной ритмизованной прозы (садж‘а), дополняемой в различной степени стихами. В связи с этим следует уделить особое внимание понятию садж‘ как особой организации прозаического текста рифмой. На наш взгляд, наиболее ясное определение садж‘у дал Н.В. Юшманов в «Грамматике арабского языка», которое здесь приводится дословно¹³⁷: «Наряду с поэзией су-

¹³⁶ Например, Абū-л-Хасан ар-Румāнī (908-994) [Демидчик 2004, с. 38].

¹³⁷ По мнению А.Б. Куделина лучшее определение садж‘а принадлежит Р. Блашеру: «Названием садж‘ арабо-мусульманские авторы обозначают вид прозы, отличный как от свободной прозы (*la prose libre*), так и от метрической поэзии (*la poésie métrique*)... Эта проза характеризуется

ществует и рифмованная проза, то есть вид речи, где соблюдается рифма, но нет определённого размера. Рифмованной прозой пользуются преимущественно для предисловий и заглавий в сочинениях; ею же написан Коран и ряд произведений изящной литературы (макам и т. п.). Однако, если в поэзии рифма служит для звуковой связи стихов, в рифмованной прозе она, напротив, служит в качестве разделительного средства для сплошной массы неразмеренной речи. Такие разделительные рифмы могут письменно не совпадать, но в произношении они совпадают, так как слабая часть в остановке опускается» [Юшманов 1999, с. 121]. Учитывая это определение, следует добавить, что садж' – это проза не просто рифмованная, но и ритмизованная, за счёт чего именно и проявляется её упорядочивающий эффект в тексте.

В арабской поэтике, в отличие от персидской, садж', как правило, не выделяется в самостоятельную фигуру бадй'. Чаще термин садж' употребляется при объяснении фигуры тарсй' (близка к садж' у мутавāзй, см. ниже)¹³⁸. Это позволяет предположить, что садж' понимался как характеристика именно прозаической речи и использовался теорией лишь для объяснения приёмов украшения поэтической речи, сходных с ним в определённом аспекте [Чалисова 1985, с. 179].

Арабской литературе, как и некоторым другим литературам Ближнего Востока (персидская, таджикская)¹³⁹, известны пять разновидностей садж'а¹⁴⁰. Практически все они встречаются в макамах ал-'Аббāса:

использованием ритмических единиц (*les unités rythmique*), обычно довольно коротких – от четырёх до восьми или десяти слогов, иногда и более, оканчивающихся клаузулой. Эти ритмические единицы объединяются в группы, имеющие одну рифму. В этих группах каждая ритмическая единица не обязательно содержит одно и то же количество слогов, и в конечном итоге основной элемент составляет рифмовая клаузула. Слово садж' можно приблизительно перевести как «рифмованная и ритмизованная проза» [Blachère 1952-1966, p. 189 цит. по: Куделин 2003, с. 332-334].

¹³⁸ Такое положение наблюдается и у некоторых теоретиков персидской литературы, например, у Муḥаммада ар-Рāзй [ар-Рāзй 1997, с. 212-213, 393-394].

¹³⁹ О садже в персидской классической литературе см. [Мусульманкулов 1966].

1. Садж‘ мутавазй (параллельный садж‘) – на концах двух или более рифмующихся отрезков речи (қарйна) ставятся слова, совпадающие по конечной корневой букве (рāvй), метру (вазн) и рифме (қāфийа). По своим особенностям, этот вид наиболее близок к стихотворной рифме:

¹⁴¹ [88:13-14] «فيها سرر مرفوعة و أكواب موضوعة»

У ал-‘Аббāса:

(P: л. 1b: 2-3) «نحمدك اللهم على ما بلغتنا من البلاغة * و سوغت لنا من الصناعة و الصياغة»

2. Садж‘ мутарраф (концевой садж‘) – слова совпадают по конечной корневой букве, но различаются метром и рифмой:

[71:13-14] «ما لكم لا ترجون لله وقارًا وقد خلقكم أطوارًا»

У ал-‘Аббāса:

(P: л. 2a: 3-4) «* لأن الحريري أدهش كل ناسج على منواله * و حير كل عابر في مسلك مقالته»

3. Садж‘ мутавазин мутақāбил (метрический, уравновешенный садж‘) – рифмующиеся отрезки слов совпадают только по метру и рифме:

[79:1-4] «و النازعات غرقًا و الناشطات نشطًا و السابحات سباحًا و السابقات سبقًا»

У ал-‘Аббāса:

(P: л. 6a: 11-12) «و قطعنا العيش الأخضر * في قطع من الليل الأسود * حتى بدا الصباح الأزرق»

4. Садж‘ мураṣṣа‘ (унизированный садж‘) – слова совпадают по метру и конечной букве, но различаются по рифме:

[88:25-26] «إن إلينا إيابهم ثم إن علينا حسابهم»

У ал-‘Аббāса:

(P: л. 4a: 6) «فادعوني إلى كشف الغمة * فعسى أن أكون لكم رهمة»

5. Садж‘ мутамāсил (схожий садж‘) – слова совпадают по метру, но различаются по конечной букве и рифме:

[37:117-118] «و آتيناهما الكتاب المستبين و هديناهما الصراط المستقيم»

¹⁴⁰ В работе известного теоретика персидской литературы Рашйд ад-дйна Ваṭṭāṭа (ум. 1182) встречаются только три вида из пяти [Чалисова 1985, с. 100-101].

¹⁴¹ Здесь и далее в квадратных скобках даётся ссылка на текст Корана.

Одним из характерных отличий классических макама являются присущие им типы садж‘а. У авторов-классиков и некоторых их последователей (тот же ал-‘Аббās) особенность садж‘а заключается в темперированном порядке рифмообразующих элементов внутри рифмующихся отрезков, создающем своеобразную мелодику текста при его чтении, а также в стремлении к «уравновешиванию» этих отрезков по количеству слов. В макамах большинства позднейших авторов (особенно современных) этот принцип не выдерживается, а их садж‘, как правило, представляет собой однотипное повторение слов с рифмующимися окончаниями (садж‘ мутавазй, реже муṭарраф), либо же «белый садж»¹⁴². Длина и количество рифмующихся пар в обоих случаях зависят от характера повествования, также играет роль экспрессивный фактор и умение автора использовать богатство лексических значений арабского литературного языка.

В арабских макамах могут быть задействованы три принципа организации художественного текста, выполняющих разные функции:

- 1) садж‘ как форма изложения, типичная для ближневосточной литературы (рифмованная ритмизованная проза);
- 2) стихотворная форма;
- 3) прозаическая форма, известная западной литературе (нерифмованная проза).

Перечисляя наиболее типичные черты макамого жанра, исследователи непременно упоминают садж‘ и стихи, но, как правило, упускают из вида встречающиеся в нём нерифмованные прозаические элементы, также играющие важную роль в повествовании. По всей видимости, это связано с тем, что отрезки нерифмованной прозы, встречающиеся в макамах, на первый взгляд воспринимаются лишь как неестественно «разросшиеся» элементы садж‘а. Такое впечатление

¹⁴² «Вид речи, который по своему строю похож на садж, но не имеет рифмы», стал широко применяться в раннеисламский период, встречается в Коране и в хадисах, [Фролов 1991, с. 73].

создаётся от того, что слог нерифмованной прозы макама, окружённой садж'ем, представляется изысканней, чем слог обычной литературной прозы.

Сюжет каждой макамы может содержать от одного до трёх смысловых эпизодов (написанных садж'ем со стихотворными вставками), количество которых зависит от типа макамы. Связующим звеном между этими эпизодами могут являться короткие прозаические фрагменты, совершенно не рифмующиеся с окружающим текстом.

Например, у ал-'Аббаса¹⁴³:

«ثم ناولوني رقعة مكتوبا فيها» (P: л. 4а: 13).

«و أوردت عليه الأجوبة الرائجة و الكاسدة في تفسير قوله تعالى» (P: л. 5а: 4-5).

Кроме того, нерифмованная проза, помимо связующей функции в повествовании, ускоряет переход от одного смыслового эпизода к последующему, представляющему, с точки зрения автора, ещё больший интерес, что особенно хорошо просматривается в макамах ал-Хамазāнī. Такой эффект достигается за счёт естественного психологического напряжения, возникающего в сознании читателя от контраста при переходе от бегло воспринимаемой рифмованной прозы, составляющей основной текст, к прозе нерифмованной. То есть чередование рифмованной и нерифмованной прозы служит в качестве сюжетного движителя и обозначает переход к более значимым для повествования моментам.

Стихи в классических макамах могут служить в качестве продолжения рифмованной прозы, украшенного дополнительными синтаксическими средствами выразительности (характерно для макама ал-'Аббаса) — в этом случае в них описываются те же самые события и обстоятельства, о которых читатель узнаёт ранее из прозаической части текста. Стихи для макама могут быть сочинены как самим автором, так и заимствованы им у известных поэтов. Второе явление наиболее часто встречается в близком к макамам жанре рисāла, и именуется ара-

¹⁴³ См. также, например, у ал-Хамазāнī «Стихотворческую макаму» (№ 1); у ал-Харйрī — «Хульванскую» (№ 2).

бами термином тадмйн (ар. вкладывание, включение), то есть переплетение авторской прозы со стихами известных поэтов, часто синтаксически неразделённых, без указания перехода от прозы к стихам.

Примечательно, что в макамах на иврите, в отличие от арабской литературной традиции, стихи могут использоваться в качестве зачина и концовки макамы [Парижский 2011, с. 8]. В арабских макамах классического периода такая особенность не встречается, поскольку жанровым канонем предусмотрена традиционная вводная формула в прозаической форме как обязательная диспозиция для каждой макамы, а предшествующий расставанию героев диалог неизменно обозначает завершение действия (в этом отношении макамы на иврите имеют некоторое композиционное сходство с макамами ал-Харйрй, в которых стихи могут быть частью завершающего диалога – например, макама «О двух динарах», № 3).

Цитирование поэзии в прозе свойственно для многих жанров арабской литературы и встречается в ней ещё с доисламских времён (например, племенные предания «Аййām ал-‘араб», собранные и записанные Абӯ ‘Убайдой (728-825)¹⁴⁴). В связи с этим невозможно провести чёткое разграничение прозы (где господствовал принцип исторической достоверности) и поэзии (где допускался вымысел). То есть принципы отношения литературы к реальности были на стороне прозы, а вымысел, характерный для «высоких» и «низких» жанров поэзии (восхваления (мадх) и его антипод – поношения (хиджā’)), был обусловлен практической необходимостью¹⁴⁵.

Отличием макама от других жанров является *чередование* поэтических отрывков с садж‘ем¹⁴⁶ в художественном тексте, когда информация, приводимая в рифмованной прозе, может быть продублирована в не менее изящной стихотворной форме. При этом авторы макама отходят от принципа исторической достовер-

¹⁴⁴ См. предисловие к «Аравийской старине» [Аравийская старина 1983, с. 9].

¹⁴⁵ О концепции правды и вымысла в арабской литературе см. [Демидчик 2004, с. 24-44].

¹⁴⁶ О соотношении прозы и поэзии в классических макамах на примере макама ал-Харйрй и ал-‘Аббāса будет сказано в гл. 3, п. 3.5.

ности как в поэзии, так и в прозе. Отсюда возникает свобода в вымысле персонажей и сюжетов макама, нередко приобретающих авантюрно-приключенческий характер. Сюжеты некоторых макама могут быть и вовсе сказочно-фантастическими (см. у ал-‘Аббаса макаму «О жадности и довольстве малым», № 20)¹⁴⁷ – в этом случае в них заметно влияние народной литературы (фольклора и сказок – например, сборника «1001 ночь»), в которой, как и в вышеуказанных жанрах поэзии, всегда имеет место вымысел.

2.3 Макама за пределами арабской литературы

Зародившись в арабской литературе X века, жанр макамы вскоре получил распространение в литературах других народов Ближнего Востока, в частности персидско-таджикской¹⁴⁸, еврейской¹⁴⁹, турецкой¹⁵⁰, сирийской, индийской и малайской¹⁵¹. Это объясняется тем, что успех жанра в арабо-мусульманской среде, созданного ал-Хамазани и завершённого ал-Харирй, был настолько поразителен, что авторы, писавшие на иных языках, но при этом имевшие познания в арабской литературе, решились на создание собственных сборников макама.

Наиболее известным мастером макамы в персидско-таджикской литературе является Хамидаддин Балхи (ум. 1164), составивший в 1155 году цикл из двадцати четырёх макама «Мақамāt-и ҳамйдӣ» [Hämeen-Anttila 2002, с. 297; Katsumata 2002, с. 118]. Его макамы написаны в соответствии с жанровым канонem в подражание арабским авторам-классикам, однако в них нет постоянного главного героя. В некоторых из них сюжет представлен учёной беседой противопоставленных по какому-либо признаку людей: это могут быть юноша и старик, суннит и шиит, доктор и астроном. Сюжеты остальных макама носят спекулятивный харак-

¹⁴⁷ См. гл. 3., п. 3.6.2.

¹⁴⁸ О макамах на персидском см. [Ибраҳимӣ 1346].

¹⁴⁹ О макамах на иврите см. [Hämeen-Anttila 2002, с. 297-327].

¹⁵⁰ Например, Йахйā аш-Шйтави (ум. 990) и его сборник «Усӯл ал-мирзакандӣ» [Хаддҷи Халифа 1992, с. 115 цит. по: Hämeen-Anttila 2002, с. 297].

¹⁵¹ О макамах на малайском см. [Jacquet 1833].

тер, в них описываются времена года, свойства человеческой природы, приводится обсуждение правовых и мистических вопросов, при этом в тексте смысл всегда уступает место завершённости формы.

Архиепископ города Нисибин (совр. Турция), ‘Абдйшō’ бен Брйкā (ум. 1318), подражая ал-Харйрй, составил на сирийском языке сборник из пятидесяти макам под названием «Эдемский сад» (Пардаийсā да-‘ден)¹⁵². Эти макамы написаны в стихах и имеют, как и большинство постклассических макам, сугубо религиозную и дидактическую направленность. В 1316 году ‘Абдйшō’ написал комментарий к своему сборнику, в котором объяснил избыточные в его макамах редкие и сложные выражения [Chabot 1934, с. 141; Katsumata 2002, с. 119].

В Индии известен Абӯ Бакр ал-Хусайнй ал-Хадрамй (конец XVI века), который в подражание ал-Харйрй также составил сборник из пятидесяти макам [Маджāнй-л-адаб 1957, с. 74-79, 76-78]. Двум из них посвящена статья с подробным обзором [Ebied, Young 1978, с. 14-20].

Большое количество произведений в жанре макамы было создано в средневековой еврейской литературе. Первооткрывателем макамы на иврите считается Йехūdā бен Шломо ал-Харйзй (1165-1225), живший в Испании. Его сборник под названием «Сэфер Тахкемони» («Книга ты меня поучаешь») состоит из пятидесяти макам¹⁵³, объединённых, как и арабские классические макамы, постоянными персонажами – повествователь Еман Езрахитянин и главный герой Хевер Кенеянин [Парижский 2011, с. 78]. Особенность сборника ал-Харйзй составляет искусное включение в текст макам библейских цитат и оборотов, направленных на поднятие статуса средневековой еврейской литературы. Интерес ал-Харйзй к жанру макамы также выразился в переводе им на иврит в 1205 году сборника ал-Харйрй. Современник ал-Харйзй, Якоб бен Элеазар из Толедо (нач. XIII в.) напи-

¹⁵² Eine syrisch-christliche Maqāme von ‘Abdīšō’ bar Brīkā: Ein Beitrag zur nahöstlichen Maqāmenliteratur [http://www.geschkult.fu-berlin.de/e/semiarab/semitistik/projekte/Abgeschlossen_Projekte/maqame/index.html].

¹⁵³ Русский перевод этих макам см. [Лазарис 2013].

сал десять макам философско-дидактического содержания под общим названием «Сефер Мэшālīm» («Книга притч»). Особенностью этих макам является наличие в них повествователя, при отсутствии главного героя. Из самых известных авторов макам на иврите также можно назвать: Шеломо ибн Цакбель, Йосеф ибн Забара, Йехуда ибн Шабтай [Парижский 2011, с. 68-92].

Что касается европейской литературной традиции, то между героем плутовских новелл, пикаро, и персонажами арабских классических макам – Абӯ-л-Фатҳом ал-Искандарӣ и Абӯ Зайдом ас-Сарӯджӣ на первый взгляд прослеживается значительное сходство, несмотря на то, что макамы написанные или переведённые на латинский или романские языки в средневековые неизвестны. Популярность макам ал-Хамазāнӣ, а впоследствии и ал-Ҳарӣрӣ, в Испании, и связанное с этим распространение их сборников, позволяет предположить наличие определённого влияния жанра макамы на возникновение европейской плутовской прозы в XVI–XVII вв.¹⁵⁴

¹⁵⁴ Этот вопрос, также касающийся влияния «1001 ночи», был рассмотрен в исследовании М. Тархуна, содержащем подробное сравнение между двумя упомянутыми арабскими источниками и плутовской литературой [Tarchouna 1982 цит. по: Brockelmann 1913-1936, с. 115].

ГЛАВА 3. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАКАМ АЛ-‘АББĀСА

3.1 Преемственность канона в макамах ал-‘Аббāса

Личность ал-‘Аббāса, к сожалению, по-прежнему остаётся для нас загадкой. Получение о нём каких-либо достоверных сведений без проведения дополнительного исследования, выходящего за рамки данной работы, представляется невозможным. Даты жизни ал-‘Аббāса более чем приблизительны – жил он не ранее 2-ой четверти XVI в. и умер не позднее 1678 года¹⁵⁵. Единственный источник в нашем распоряжении, дающий косвенное представление о личности ал-‘Аббāса – его сборник макам. Их содержание указывает на то, что он был бесспорно высокообразованным арабом-мусульманином, а по профессии, предположительно, принадлежал к факихам-хадисоведам¹⁵⁶. Известны отзывы владельцев рукописей В 66 и N.F.66 о макамах ал-‘Аббāса и мнения о них нескольких крупных исследователей арабской литературы (см. ниже).

Ж.Л. Руссо, у которого в 1819 году Азиатским музеем была куплена рукопись макам ал-‘Аббāса (В 66), даёт ориентировочную оценку рукописи макам Ибн Муḥаммада ал-Ḳаввāса (В 65), принадлежащей к той же алеппской коллекции¹⁵⁷: «Séances ou discours académiques, composées à l’instar de celles de Hariri, mais inférieures à ces dernières pour le style et le fond des matières» («Макамы или учёные речи, составленные по примеру макам ал-Ḳарīрī, но уступающие последним по стилю и по содержанию») [Rousseau 1817, с. 14]. К этому он прибавляет следующее о макамах ал-‘Аббāса: «Autres séances académiques dans le goût des précédentes» («Другие учёные макамы в стиле предшественников») [Ibid]. То есть Ж.Л. Руссо не находит в обоих сборниках ничего нового для характеристики жанра макамы, лишь отмечая их более низкий художественный уровень по сравнению со сборником ал-Ḳарīрī.

¹⁵⁵ Обоснование датировки см. в гл. 1, п. 1.3.

¹⁵⁶ Причины данного предположения изложены в п. 3.6.3 данной главы.

¹⁵⁷ См. гл. 1, п. 1.1.

Й. Хаммер-Пургшталь говорит в своём каталоге о привезённом им в Австрию в 1808 году списке макам ал-‘Аббāса (N.F.66) следующее: «*Die Ständchen von Ebil Abbas Jahia Ben Saïd Ben Mari, des christlichen Arztes von Basra... denen Sariri's nachgeahmt*» («Стоянки Абӯ-л-‘Аббāса Йаҳйи ибн Са‘йда ибн Мārй, христианского врача из Басры¹⁵⁸..., в которых он подражает [макамам] ал-Харйрй») [Hammer-Purgschall 1840, с. 54]. То есть, Й. Хаммер-Пургшталь, очевидно, знакомый с содержанием сборника ал-‘Аббāса, также отметил наличие в них линии преемственности, идущей от ал-Харйрй.

Л. Шейхо, занимавшийся изучением творчества арабоязычных христианских авторов, в том числе и Ибн Мārй, имел возможность познакомиться с макамами ал-‘Аббāса по рукописи N.F.66, которая привлекла его внимание только благодаря ошибке Й. Хаммер-Пургшталь при её атрибуции. Он пишет, что «...لم نجد فيها من البلاغة ما ينسب إلى مقامات ابن ماري ففيها يصح قول الصفدي: لا أجاد ولا قارب الإجادة» («...мы не обнаружили в них (макамах) красноречия, приписываемого макамам Ибн Мārй, в этом случае верно высказывание ас-Ќафадй¹⁵⁹: он (автор) не выразился хорошо и [даже] не приблизился к хорошему выражению») [Шейхо 1924, с. 347-348]. То есть по мнению Л. Шейхо, в макамах ал-‘Аббāса нет красноречия, присущего макамам Ибн Мārй, и, в сравнении с ними, макамы ал-‘Аббāса далеки от художественного идеала¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Вопрос подлинного авторства рукописи N.F.66 рассмотрен в гл. 1, п. 1.2.

¹⁵⁹ Ќалāх-ад-дйн Абу-Ќ-Ќафā’ Халйл ибн Айбак ас-Ќафадй ад-Димашқй (1296-1383), известный средневековый биограф и историк, автор макам [Brockelmann 1902, с. 40-41; Brockelmann 1938-1944, с. 27-29].

¹⁶⁰ Надо отметить, что относительно художественной ценности макам Ибн Мārй также существуют противоречивые мнения: «قال ياقوت أجاد فيها. وقال الصفدي ما أجاد ولا قارب الإجادة والمقامات الجزرية» («Сказал Йакут: он (Ибн Мārй) выразился хорошо. Сказал ас-Ќафадй: он (Ибн Мārй) не выразился хорошо и [даже] не приблизился к хорошему выражению, а «Джазарийская» и «Тамимская» макамы лучшие из [его сборника], они не приблизились к [макамам] ал-Харйрй») [Хāдджй Халйфа 1992, с. 1791].

Наконец, по оценке современного исследователя арабской литературы Я. Хямен-Аттилы, автора книги об истории жанра макамы, «the collection of 26 maqamas by al-‘Abbās, an obscure author..., also contains little of interest. The plots and the characters are totally Haririan» («сборник из 26 макам ал-‘Аббāса, малоизвестного автора..., также малоинтересен. Сюжеты и герои совершенно харириевские») [Hämeen-Anttila 2002, с. 345].

Таким образом в большинстве отзывов и описаний, отмечается подражательность макам ал-‘Аббāса макамам ал-Ḥarīrī. Ссылаясь на это, Я. Хямен-Аттила не видит в них ничего нового, а Л. Шейхо подчёркивает невыразительность их слога в сравнении с макамами Ибн Мārī. Безусловно, что общие для обоих авторов названия макам, мотивы и сюжеты в свете европейской литературной традиции могут быть восприняты лишь как попытка ал-‘Аббāса, и не самая удачная, подражания макамам ал-Ḥarīrī с учётом современных его эпохе эстетических идеалов и художественных вкусов. Однако, с точки зрения арабских теоретиков «заимствования», сборник макам ал-‘Аббāса нельзя назвать безынтересным механическим подражанием.

Мнение западных исследователей, наподобие Я. Хямен-Аттилы, о том, что большинство авторов макам после ал-Ḥamāzānī и ал-Ḥarīrī не внесли ничего нового в жанр, а, следовательно, «малоинтересны», должно быть пересмотрено с учётом арабской теории заимствований и принципа канонического развития арабской литературы. Художественные инновации и нововведения, в том виде, в котором их отмечают критики в произведениях западных писателей, неприменимы к арабской концепции литературного развития. Так, в арабской традиционалистической поэтике господствует представление о том, что оригинальный поэт развивает, углубляет и расширяет рамки традиции, а не выходит за её пределы [Куделин 2003, с. 185].

При анализе содержания макам было бы правильно учитывать систему ценностей, присущую именно средневековой арабской литературе, а не только современной западной, с которой она значительно расходится во многих ключевых

аспектах. Арабское литературоведение как в поэзии, так и в прозе, уделяет особое внимание заимствованию, транспонированию и улучшению поэтических мотивов и образов (ма‘āни); изяществу и красоте выражений (алфāз), в которые эти мотивы облачены; правильности, «чистоте» и новизне лексики арабского языка, употребляемой в повествовании и обуславливающей ясность авторской мысли.

Каноническое творчество как явление особого типа культуры являлось для арабов аналогом процесса научного (дедуктивного) познания, объективно схожего с ним по ряду существенных признаков. Цель этого творчества состояла в накоплении суммы истинных представлений об общем, а не о частном, поэтому всякий автор мог приобщиться к творчеству, лишь усвоив достижения предшественников и опираясь на них в полной мере: оригинальность автора и ценность его произведений определялись размерами его вклада в общую сумму знаний. По этой причине основой для эстетического впечатления в традиционалистском сознании арабов служила диссимиляция автора с традицией, его специфическое «расподобление» с предшественниками. Цепь таких сменяющих друг друга «лучших» литературных образцов обозначала фазы развития канона [Куделин 2003, с. 215-16]. В этом виде эволюция канона создавала новые возможности для проявления индивидуально-авторской инициативы.

Ал-‘Аббāс безусловно вносит свой вклад в поддержание и развитие жанра макамы. Составлением сборника макам, основанного главным образом на творчестве ал-Харйрй, ал-‘Аббāс продолжает каноническую традицию, он по-новому обыгрывает известные мотивы, тем самым лишний раз демонстрируя неисчерпаемый потенциал жанра для творчества.

Для адекватного понимания макам ал-‘Аббāса их следует рассматривать в контексте преемственности арабской литературной традиции. Для этого необходимо ознакомиться со сборниками макам предшественников и современников ал-‘Аббāса и определить ценность их вклада в жанр макамы. Обозреть все сохранившиеся до наших дней сборники макам (см. п. 3.2 данной главы) не представляется возможным. Поэтому прежде всего мы ограничимся авторами, о которых

ал-'Аббас говорит как о своих предшественниках в жанре (ал-Харйрй, ал-Маусилй, ал-Қаввас). Также следует обратить внимание на творчество средневековых авторов, сборники макама которых были подшиты к австрийской рукописи¹⁶¹. Наконец небезынтересно узнать, что же представляют собой макамы двух малоизученных авторов – одному долгое время ошибочно приписывали авторство австрийского сборника, а факты из биографии другого делали его идеальным кандидатом на авторскую роль (ибн Мārй, ал-'Аббасй).

Первый обзор будет посвящён макамам **Абӯ Муҳаммада ал-Харйрй**. В предисловии к сборнику ал-'Аббас называет его своим главным предшественником в жанре макамы. Ал-'Аббас отдаёт макамам ал-Харйрй «пальму первенства на ристалище красноречия и превосходства»¹⁶², признавая их наивысшим образцом для подражания, несмотря на разделяющие авторов пять веков (как будет показано далее, ал-'Аббас восхищался слогом его героев, но не их нравственностью). В предисловии к сборнику ал-'Аббас также упоминает некоего автора макама, **ал-Маусилй**, давая его творчеству отрицательную оценку. Вероятно, речь здесь идёт о **Ибн Дāнийāле ал-Маусилй**, поскольку он является единственным средневековым автором с подобной нисбой, о котором известно, что он жил ранее XVI века и произведения которого имели большое сходство с макамой. Наряду с макамами ал-Маусилй, ал-'Аббас упоминает в предисловии макамы **Ибн Муҳаммада ал-Қаввāса**, также давая им отрицательную оценку.

¹⁶¹ Рукопись, некогда заказанная Мустафой Тарāбулусй (см. гл. 1, п. 1.2), состоит из трёх сборников макама и интересна своей композицией, которую можно назвать «рамочной» – её начало и конец представляют сборники дидактических макама сугубо назидательного характера (аз-Замаҳшарй и ас-Суйūtй), а середину – макамы ал-'Аббаса, содержание которых, в сравнении с макамами ал-Харйрй, более дидактично и достаточно набожно, но всё же содержит развлекательный элемент. Подобное соседство кажется особенно странным, если в сборнике ал-'Аббаса обратить внимание на макаму № 2 («Румийская»), сюжет которой относится к традиции романтических макама и касается особенностей нетрадиционных любовных отношений (см. п. 3.6 данной главы).

¹⁶² Р: л. 2а, 1-2; V: л. 16, 13-14.

Абӯ-л-Қасим аз-Замаҳшарӣ, будучи современником ал-Ҳарӣрӣ, создал свой цикл макам, который, как будет показано далее, имел лишь формальное отношение к зародившемуся жанровому канону. Рукопись макам аз-Замаҳшарӣ (N.F.65) некогда была подшита к австрийской рукописи с макамами ал-‘Аббаса (N.F.66). В этот же конвюлот входил сборник макам **Джалаладдина ас-Суйӯтӣ** (N.F.67), в связи с чем он также может быть рассмотрен в данном исследовании.

Абӯ-л-‘Аббас ибн Мārӣ, создавший значительный по объёму сборник макам, признавал себя, как и ал-‘Аббас, последователем творчества ал-Ҳарӣрӣ. До недавнего времени авторство макам, содержащихся в венской рукописи N.F.66, по ошибке приписывалось Ибн Мārӣ.

Абӯ-л-Фатҳ ‘Абдурраҳмāн ал-‘Аббасӣ – автор до сих пор неопубликованного и неизученного сборника макам, интересен тем, что он жил и писал приблизительно в тот же период истории что и ал-‘Аббас.

• **Абӯ Муҳаммад ал-Ҳарӣрӣ (1054 – 1122)**

Абӯ Муҳаммад ал-Ҳарӣрӣ¹⁶³ является одним из известнейших писателей арабского средневековья. Получив хорошее гуманитарное образование, ал-Ҳарӣрӣ рано стал писать, увлекаясь, прежде всего, грамматикой и лексикой литературного арабского языка. Ему принадлежат несколько филологических трактатов, а также диван стихов и сборник посланий (расā’ил), однако вершиной творчества ал-Ҳарӣрӣ считается цикл из пятидесяти макам. Его сборник можно назвать общепризнанным каноническим жанровым образцом, неизменно используемым при анализе макамного творчества других авторов. Все особенности, встречаемые в макамах ал-Ҳарӣрӣ, представляют интерес и при исследовании макам ал-‘Аббаса, так как между сборниками обоих авторов явно прослеживается нить преемственности.

¹⁶³ При изложении материала об этом авторе были использованы сведения из предисловия к единственному на сегодняшний день полному переводу на русский язык макам ал-Ҳарӣрӣ [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1987].

По оценке авторов русского перевода макама ал-Харйрī¹⁶⁴, главный герой цикла Абū Зайд – остроумный бродяга, весёлый человек без определённого рода занятий, ловкий и беззаботный, но при этом высокообразованный.

При помощи искусных речей он собирает вокруг себя любопытных слушателей и, очаровав их своим красноречием, с лёгкостью обманывает их. В каждой макаме герой появляется в новом городе, по названию которого она обычно и именуется. Действие в макаме, как правило, разворачивается в общественном месте, чаще всего на рынке, уличном перекрёстке, в мечети или доме судьи [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1987, с. 4]. Во всём сборнике макама один рассказчик – ал-Хāрис ибн Хаммām. Будучи купцом, он много странствует по городам, в которых встречает главного героя каждый раз в новом обличье. Речь и манеры помогают рассказчику узнать плута и тогда, уединившись с ним, ал-Хāрис ибн Хаммām укоряет его. В ответ на упрёки Абū Зайд читает экспромтом остроумное стихотворение и покидает рассказчика, чтобы встретиться с ним снова в следующей макаме.

Каноничность строя макама как жанра средневековой литературы была заложена ещё в сборнике ал-Хамазāнī и окончательно закреплена у ал-Харйрī. В каждой его макаме имеется обязательный традиционный зачин, стандартная концовка, однотипное развитие действия и повторяемость ситуаций с различными вариациями и отклонениями. Однако, как отмечает А.А. Долинина, «стереотипность и условность ситуаций отнюдь не означают их искусственность. Наоборот, все это – сцены, выхваченные из жизни, т. е. макамы отражают своё время не только в отношении художественной формы» [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1987, с. 10-11].

¹⁶⁴ См. [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1987].

• Ибн Дāнийāl ал-Мауҗилї¹⁶⁵ (1248 – 1311)

В предисловии к своим макам ал-‘Аббāс упоминает некоего ал-Мауҗилї, который по словам ал-‘Аббāса, на попрѣще макамы раньше него «промышлял» и «стрелял, да [в цель] не попал, и не достиг следования образцу»¹⁶⁶. То есть ал-‘Аббāсу были известны макамы некоего ал-Мауҗилї, которые, по его мнению, оказались неудачной попыткой следования макамному канону, безусловным идеалом которого для ал-‘Аббāса является сборник ал-Җарїрї. Какого ал-Мауҗилї упоминает ал-‘Аббāс в своей работе достоверно установить не удалось. В «Истории арабской литературы» К. Брокельмана автор макам с подобной нисбой не упоминается¹⁶⁷. Из всех известных арабских литераторов, живших до XVII века, на его роль наиболее подходит египетский врач, драматург и режиссёр родом из Мосула Ибн Дāнийāl ал-Мауҗилї живший в XIII-XIV вв. Традиция связывает с его именем литературную обработку представлений для популярного народного зрелища – кукольно-теневого театра (җайāl аз-җилл)¹⁶⁸.

Пьесы ал-Мауҗилї являются литературной обработкой, в которой просто-народные балаганные речи изложены литературным языком и адаптированы для круга образованного общества адибов, к которому он сам принадлежал. В них видна попытка объединить сюжеты из литературы о нищих (адаб ал-кудйа)¹⁶⁹ с «адабной» манерой повествования, что до этого было успешно осуществлено в макамах ал-Хамазāнї и ал-Җарїрї.

¹⁶⁵ Шамсуддїн Абӯ ‘Абдаллах Муҳаммад ибн Дāнийāl ибн Йўсуф ал-Җузā‘ї ал-Мауҗилї [Brockelmann 1902, с. 8-9; Brockelmann 1937, с. 1-2].

¹⁶⁶ Р: л. 2а: 10-11; V: л. 2а: 5-6.

¹⁶⁷ При описании рукописи В 66 А.Б. Халидов только упоминает ал-Мауҗилї, не приводя каких-либо сведений о его личности [Халидов 1960, с. 112].

¹⁶⁸ Материал о пьесах Ибн Дāнийāла взят из автореферата диссертации И.В. Тимофеева, в которой была исследована драматургия Ибн Дāнийāла [Тимофеев 1975]. См. также список исследований по этой теме у И.М. Фильштинского [Фильштинский 1991, с. 665-666].

¹⁶⁹ См. гл. 2, п. 2.2.3.

До наших дней дошли три небольшие пьесы Ибн Дāнийāла: «Ṭайф ал-Ḥайāl» («Ṭайф ал-ḥайāl»), «‘Аджджīb и Ǧарйб» («‘Аджджīb ва Ǧарйб») и «ал-Мутаййам и бедный ал-Йутаййам» («ал-Мутаййам ва-д-дā’и‘ ал-Йутаййам»). Сюжеты только первых двух содержат мотивы из литературы о нищих, поэтому именно они могут представлять интерес для нашего исследования.

Пьеса «Ṭайф ал-ḥайāl» названа по имени повествователя и неизменного спутника главного героя – молодого и знатного эмира Виṣāла. Экспозиция начинается с монолога Виṣāла, из которого становится известно о его пристрастии к вину и любовным приключениям. Основное действие разворачивается вокруг аферы с женитьбой, когда эмир Виṣāl решает обзавестись семьёй, устав от распутной жизни. Будучи очарованным рассказом о прелестях будущей супруги, он оплачивает услуги сводни (Умм Рашйд) и устраивает свадьбу, однако сняв с невесты покрывало, он обнаруживает безобразную девицу. Вдобавок выясняется, что обманщица-сводня вскоре скончалась, так и не вернув деньги. Из-за этих событий Виṣāl испытывает эмоциональный кризис, что в конечном счёте приводит его к раскаянию и он отправляется в паломничество в Мекку чтобы искупить прежние грехи [Тимофеев 1975, с. 8].

Вторая пьеса Ибн Дāнийāла «‘Аджджīb ва Ǧарйб»¹⁷⁰, также названная по имени её героев, в отличие от «Ṭайф ал-ḥайāl», не обладает сюжетным единством. Все действующие лица пьесы относятся к представителям «уличных» профессий, которые составляют главный предмет литературы о проделках нищих и мошенников. Последовательно сменяя друг друга на сцене, своё мастерство демонстрируют астролог, торгующий амулетами прорицатель, заклинатель змей, дрессировщик животных, хирург и т.д.

В отличие от «высокой» поэзии с её нормативными темами в пьесах кукольно-теневого театра, в сущности, как и в макамах, предметом художественного изображения являются такие аспекты городской жизни, которые в адабной ли-

¹⁷⁰ Название этой пьесы совпадает с названием рыцарского романа из «1001 ночи».

тературе считались недостойными. Хитрость и находчивость уличных обитателей, описываемые Ибн Дāнийāлем, не только им не осуждаются, но и вызывают в нём восхищение. При этом в заключительных сценах и репликах всегда отдаётся дань традиционной мусульманской морали: обманутый распутник Висāl раскаивается и отправляется в паломничество в Мекку, а ‘Аджīb и Ґарīb, судя по их финальным речам, остаются благочестивыми мусульманами [Фильштинский 1991, с. 665-666].

Некоторые исследователи считают, что жанр макамы получил развитие в теневом театре Ибн Дāнийāла [Three Shadow Plays 1992; Badawī 2010]. Известный египетский критик ‘Алї ар-Рā‘ї полагает, что именно художественные элементы макамы составляют основу теневых постановок Ибн Дāнийāла. Как отмечает И.В. Тимофеев, зависимость пьес Ибн Дāнийāла от макамы проявляется в том, «что именно ею подсказаны основные сюжеты, мотивы и ситуации, встречающиеся в пьесах. При этом большее число совпадений отмечается при сопоставлении пьес Ибн Дāнийāла с макамами ал-Ҳарїрї» [Тимофеев 1975, с. 23].

Помимо Ибн Дāнийāла на макамах (ал-Хамазāнї) основывался в своём творчестве марокканский писатель и драматург ат-Ғаййиб ас-Ғиддїқї, пьесы которого были приняты зрителями с большим успехом [Ostle 1975, с. 172].

Следует отметить, что те элементы и сочетания в классической макамe, реализация которых возможна в драматургии¹⁷¹, не были изучены в достаточной степени.

• Ибн Муҳаммад ал-Қаввās (ум. ок. 1591)

Сборник макам ал-Қаввāса, до сих пор неопубликованный, известен под названием «Рийād ал-азхār ва насїм ал-асхār» («Сады цветов и дуновение ветра на заре»)¹⁷² и содержит, в зависимости от редакции, девять или десять макам. Из-

¹⁷¹ См. гл. 2, п. 2.1 (элементы №№ 3-5), а также п. 2.2 (№№ 1, 2).

¹⁷² Два списка, датированных первой половиной XVIII в. и началом XIX в., хранятся в арабском фонде ИВР РАН (№ В 65 и С 26) [Халидов 1960, с. 108-109].

вестно, что ал-Қаввās умер, оставив неоконченной десятую «Синджарскую» макаму («ал-мақāма ал-синджāриййа»). Из авторского предисловия к сочинению следует, что макамы были посвящены Шихāб ад-Дīну Аҳмаду ибн ал-Джамālī Āкūш ан-Нāсирī, – одному из эмиров мамлюкского султана ал-Малика ан-Нāсира Мухаммада ибн Қалāвūна (1285-1341).

Макамам, как и у ал-Ҳарīрī, даны названия по городам арабского халифата: Мекканская (Хиджазская), Дамиятская, Сафдийская, Дамасская, Тарабулуская, Хамавийская, Антакийская, Халебская, Каирская¹⁷³. Ал-Қаввās ведёт повествование о своём путешествии от лица безымянного рассказчика, описывая в стихах и рифмованной прозе вымышленные события, свидетелем которых он становится, прибыв в тот, или иной город. Так в «Тарабулуской» макаме сюжет развивается вокруг охватившей повествователя любовной страсти к девушке из Триполи, случайно повстречавшейся ему на улице. Надеясь на взаимность, он преследует её по всему городу, делая ей двусмысленные намёки, проявляя красноречие при описании девушки и города Триполи.

В макамах отсутствует традиционная вводная фраза, поскольку центральный персонаж, имя которого не называется, выполняет функцию и рассказчика, и действующего героя. В отличие от персонажей ал-Ҳарīрī, у него нет необходимости добывать средства к существованию, он просто путешествует, демонстрируя при удобном случае превосходное знание арабского языка.

Таким образом, сочинения из сборника ал-Қаввāса относятся к постклассическим макамам. Они, как и в случае со сборником ас-Суйūtī, имеют формальное отношение к макамам авторов-классиков.

¹⁷³ «Ал-мақāма ал-маккиййа» («ал-хиджāзиййа»), «ал-мақāма ал-димйāтиййа», «ал-мақāма ас-сафадиййа», «ал-мақāма ад-димашқиййа», «ал-мақāма ат-тарабулусиййа», «ал-мақāма ал-хамавиййа», «ал-мақāма ал-антāкиййа», «ал-мақāма ал-халабиййа», «ал-мақāма ал-қāхириййа». Для сравнения см. в сборнике ал-Ҳарīрī названия макам № 14, 4, 12, 46.

• Абӯ-л-Қасим аз-Замахшарӣ (1074 – 1143)

Будучи одним из самых выдающихся религиозных учёных своей эпохи, аз-Замахшарӣ, помимо большого количества трудов по арабской филологии и кораническим наукам, составил сборник из пятидесяти макам под названием «ан-Насā'их ал-кибār» («Великие назидания»)¹⁷⁴. Эти макамы представляют собой риторические рассуждения на темы благочестия и набожности, о чём свидетельствуют их названия: «Макама о набожности» (№ 2), «Макама о благочестии» (№ 6), «Макама о предусмотрительности» (№ 8), «Макама о молчании» (№ 11), «Макама об умеренности» (№ 16), «Макама о праведности» (№ 23)¹⁷⁵ и т.д. Сорок пять макам содержат благочестивые наставления, а остальные пять посвящены различным филологическим проблемам.

Сходство с классическими макамами ал-Хамазāнӣ и ал-Ҳарӣрӣ у аз-Замахшарӣ проявляется лишь в традиционном количестве макам в цикле и особенностях их стиля: пятьдесят небольших по объёму текстов написаны рифмованной прозой (садж') и украшены поэтическими фрагментами. В связи с выбранной автором тематикой, в макамах отсутствуют главный герой и повествователь, традиционная вводная фраза видоизменена, а слова назиданий исходят непосредственно из уст самого автора и обращены к нему же самому: «О, Абӯ-л-Қасим!» («йā Абā-л-Қасим»). Тематикой макам также определён и отказ от характерных для классической макамы элементов: развивающийся сюжет, плутовская проделка, живой диалог, демонстрация красноречия с целью заработка.

Аз-Замахшарӣ считает необходимым использование в своих макамах риторических украшений, утверждая, что главная польза от макам заключается в их

¹⁷⁴ Сборник аз-Замахшарӣ, как это уже было сказано в первой главе, был подшит к сборнику макам ал-'Аббāса (рукописи N.F.65 и N.F.66 соответственно). Перевод на русский язык некоторых макам аз-Замахшарӣ был выполнен З.-А. М. Ауэзовой в качестве приложения к диссертации [Ауэзова 1993, с. 4].

¹⁷⁵ «Мақāма ат-тақвā», «мақāма аз-зухд», «мақāма ал-ҳизр», «мақāма ас-самт», «мақāма ал-қинā'а», «мақāма ас-қалāх» .

красноречивости и искусном построении. В то же время автор подчёркивает необходимость соответствия формы его сочинения содержанию. В предисловии к макамам аз-Замахшарӣ отмечает, что наставления его предназначаются только людям благочестивым, а не тем, кто намерен использовать науку для достижения благ в мирской жизни [Ауэзова 1993, с. 13; аз-Замахшарӣ 1984, с.6-7].

Аз-Замахшарӣ, как и многие авторы более поздних бессюжетных собраний макам (ал-Ғазālӣ, ас-Сам‘āнӣ и др.), воспринимает термин «макама» в его риторическом значении, не связывая его с особенностями, привнесёнными в жанр сочинениями ал-Хамазāнӣ и ал-Ҳарӣрӣ. Его макамы имеют значительное сходство с «Мақāmāt аз-Зуххād» ‘Абдаллаха ибн Қутайбы (828-889), где слово «мақāmāt» обозначает не приключения красноречивого бродяги, а лишь благочестивые проповеди [Ауэзова 1993, с. 13].

• Джалāладдйн ас-Суйўтӣ (1445 – 1505)

Макамы ас-Суйўтӣ опубликованы по отдельности и в виде цельного сборника [ас-Суйўтӣ 1989; ас-Суйўтӣ 1986; ас-Суйўтӣ 1880]. Будучи произведением популярного для своего времени автора, они входили во всевозможные литературные антологии и многократно переписывались как самостоятельное сочинение (венский список макам N.F.67 характерный тому пример).

Сборник макам ас-Суйўтӣ является хорошей иллюстрацией того, насколько порой чуждыми были особенности жанра макамы для авторов позднего средневековья, причислявших себя к традиции ал-Хамазāнӣ и ал-Ҳарӣрӣ. Так большинство макам ас-Суйўтӣ имеют весьма условное отношение к макамам классиков жанра. Они отличаются большим тематическим разнообразием¹⁷⁶ и, несмотря на данное автором заглавие («мақāmāt»), скорее относятся к жанру посланий

¹⁷⁶ Ас-Суйўтӣ рассуждает на темы благосостояния и дороговизны жизни («Нильская макама» – «ал-мақāма ан-нїлиййа»), хвастовства («Яхонтовая макама» – «ал-мақāма ал-йāқўтиййа»), детской смертности («Лазурная макама» – «ал-мақāма ал-лāзўрдиййа») и т.д.

(рисāла)¹⁷⁷, для которого как раз характерен широкий спектр рассматриваемых тем. В этих макамах отсутствуют традиционная вводная фраза, сюжет какого-либо типа, постоянные вымышленные повествователь и главный герой – то есть три базовые (и наиболее значимые из пяти) элемента классической макамы, составляющие характерную для неё специфику. При оценке сборника ас-Суйūtī следует обязательно учитывать указанные особенности и различать художественные принципы, использовавшиеся классическими и постклассическими авторами макама. В противном случае неизбежно размывание границ макамого жанра и любой текст, написанный рифмованной прозой на заданную тему, можно будет назвать макамой. Так, например, произведения ораторского искусства (хитāба) и послания (рисāла) также подпадут под это определение.

Многие так называемые макамы из сборника ас-Суйūtī представляют собой полемику против оппонентов автора [ас-Суйūtī 1989, с. 616-617], другие же по своему содержанию и по форме более напоминают литературные диспуты-дискуссии (мунāзара), чем макамы. Так в «Женской» макаме («Макама о женщинах и испитии чистой воды из дозволенного волшебства»)¹⁷⁸ люди разных профессий ведут беседу, в ходе которой каждый описывает свадебную ночь, используя терминологию, присущую только его ремеслу [Там же, с. 271-291].

Ас-Суйūtī в своих произведениях особое внимание уделяет описаниям (ваṣф). В его «Жемчужной» макаме («ал-мақāма ад-дурриййа») центральное место занимает описание чумы [Там же, с. 342-369], в чём он следует Ибн ал-Вардī¹⁷⁹, а в другой – лихорадка [Там же, с. 420-430]. В «Яблочной» макаме («ал-мақāма

¹⁷⁷ К жанру рисāла (послания) обычно относят, помимо различного рода официальных канцелярских и дипломатических документов, частную переписку, научные и богословские сочинения, политические воззвания и послания и т. п. [Фильштинский 1991, с. 226].

¹⁷⁸ «Мақāма ан-нисā’ ва рашф аз-зулāl мин ас-сихр ал-халāl».

¹⁷⁹ Зайнуддйн ‘Умар ибн ал-Музаффар Ибн ал-Вардī (1292-1349), известный арабский историк, описавший в своей макаме протекание болезни у человека, заражённого чумой, от которой впоследствии сам и умер.

ал-туффāхиййа») [Там же, с. 292-334] описываются различные виды фруктов, в «Яхонтовой» («ал-мақāма ал-йāқūtиййа») виды и свойства драгоценных камней, а в «Мускусной» («ал-мақāма ал-мискиййа») – виды благовоний.

Знаменитая «Цветочная макама» («ал-мақāма ал-вардиййа») ас-Суйūtī содержит большее количество классических элементов, однако они значительно видоизменены. В ней повествование идёт от первого лица, основному тексту предшествует вводная фраза, в которой передатчиком¹⁸⁰ даны аллегорические имена, связанные с окружением в саду или явлениями природы (например, «поведал мне ветер, со слов базилика, со слов розы стройной, со слов соловья на ветке...») [ас-Суйūtī 1880, с. 11]. Безымянный повествователь становится свидетелем спора благоухающих цветов и других ароматических растений о том, кто среди них является главным [Там же]. После того, как каждый цветок высказал своё мнение, в сюжете появляется некий учёный человек [Там же, с. 22]. Он решает спор цветов, приведя хадис, в котором утверждается, что хна – самый главный среди ароматических цветов в этом и последующем мирах. Таким образом, в этой макаме также отсутствуют существенные жанровые элементы, а её тематика и композиция не соотносятся с классической макамой.

В сборнике ас-Суйūtī также есть группа из четырёх макам [ас-Суйūtī 1989, с. 234-248, 335-341, 1112-1120, 1121-1139], в которых в большей мере проявляется влияние творчества ал-Ḥарīrī и ал-Ḥamazānī. Эти макамы имеют географические названия – «Асьютская», «Гизская», «Египетская» и «Мекканская»¹⁸¹. В основе сюжета «Асьютской» макамы лежит несколько грамматических загадок, в «Мекканской» повествователь задаёт правовые загадки, на которые отвечает главный герой, а в «Египетской» рассматриваются некоторые вопросы суфизма. В этих макамах имеется вымышленный повествователь (Ḥāšim ibn al-Ḳāsim), который

¹⁸⁰ В данном случае отдалённое сходство вводной фразы с иснадом ограничивается лишь её формой.

¹⁸¹ «Ал-мақāма ал-асйūtиййа», «ал-мақāма ал-джйзиййа», «ал-мақāма ал-мисриййа», «ал-мақāма ал-маккиййа» соответственно.

узнаёт в начале [ас-Суйўтӣ 1989, с. 237, 335] или и в конце сюжета [там же, с. 1119, 1138] своего знакомого – главного героя (Абӯ Бишра ал-‘Улāбӣ). Эти персонажи отличаются своим поведением от привычного макамого типа героев: ас-Суйўтӣ в своём сборнике, по всей видимости, намеренно обошёл стороной традиционный для классических макамов мотив нищенствования (кудйа) и плутовства, что соответствующим образом отразилось на характере его главного героя.

Таким образом, вариативность макамов ас-Суйўтӣ достигается не за счёт введения новых сюжетов или усовершенствования уже известных, а вследствие отклонения от традиционного макамого канона в сторону упрощений.

• Абӯ-л-‘Аббāс ибн Мārӣ (ум. 1193)

Христианскому врачу Абӯ-л-‘Аббāсу ибн Мārӣ принадлежит сочинение, упоминаемое в «Истории арабской литературы» К. Брокельмана под названием «ал-Мақāmāt ал-масīхиййа» («Христианские макамы») [Brockelmann 1937, с. 489]. Немногие сохранившиеся до наших дней рукописи, содержащие макамы ибн Мārӣ, находятся в Ираке. В каталоге мосульских рукописей Д. ал-Чалабӣ дано краткое описание рукописи макамов Ибн Мārӣ под заголовком «Мақāmāt Абӣ-л-‘Аббāс» («Макамы Абӯ-л-‘Аббāса») [al-Chalabī 1927, с. 295]. В «Истории арабской литературы» Дж. Зайдана упоминается багдадский список макамов Ибн Мārӣ «Мақāmāt ан-насрāниййа» («Христианские макамы») [Зайдāн, 1914, с. 143].

Исследование и издание сборника ибн Мārӣ было осуществлено израильским исследователем Нāдиром Муṣāвирой [Ибн Мārӣ 2006]. В его монографии макамам Ибн Мārӣ дано вводящее в заблуждение название «Мақāmāt ал-‘Аббāс» («Макамы ал-‘Аббāса») ¹⁸². С образцами макамов Ибн Мārӣ также можно познакомиться по изданиям Луиса Шейхо [Cheikho 1910-1911, с. 375–379; Karmalī 1900, с. 591–598].

В предисловии к своему сборнику макамов Ибн Мārӣ превозносит макамы ал-Хамазāнӣ и ал-Ḥарӣрӣ, красоту их слога и творческую изобретательность обоих

¹⁸² См. гл. 1, п. 1.2.

писателей. Ибн Мārī сообщает, что именно после знакомства с маками ал-Ḥarīrī он решил «примкнуть [к ал-Ḥarīrī, не ища] соперничества, и следовать [за ним], не вводя [каких-либо собственных] новшеств» [Cheikho 1910-1911, с. 594], таким образом, он объявляет о своей приверженности классическому типу макамы.

Сборник Ибн Мārī довольно объёмен, он состоит из шестидесяти макама, что на десять макама больше, чем у ал-Ḥarīrī. Текст каждой предваряет традиционная вводная фраза, здесь это «Поведал Йаḥyā ибн Салām. Он сказал...» («Равā Йаḥyā ибн Салām. Кāла...»). В макамах Ибн Мārī два постоянных персонажа, это рассказчик Йаḥyā ибн Салām, от лица которого ведётся повествование и главный герой Абū ‘Умар. Сюжет макама строится по типичной для классической макамы схеме: Йаḥyā ибн Салām, путешествуя по разным городам, при различных обстоятельствах встречается своего знакомого красноречивого плута Абū ‘Умара. Например, в Сирийской макаме (№ 51) Йаḥyā ибн Салām, будучи в одном из городов Сирии, беспечно проводит время, пируя в компании сверстников. Их веселье нарушает приход некоего чернокожего старца, который начинает увещевать и осуждать компанию, призывая всех к благочестию. Посеяв смятение и страх в душах пирующих набожными стихами и с лёгкостью получив от каждого вознаграждение за красноречивую проповедь, старик уходит восвояси. Йаḥyā ибн Салām, почувствовав подвох в речах проповедника, отправляется за ним вслед. На проверку тот оказывается его старым знакомым – Абū ‘Умаром. Будучи изобличённым, Абū ‘Умар читает стихи, в которых призывает слушателей использовать любой удобный случай, чтобы нажиться за счёт обмана.

Создав собственный цикл макама, Ибн Мārī последовал жанровому канону, ранее окончательно оформившемуся в творчестве ал-Ḥarīrī.

• Абӯ-л-Фатҳ ‘Абдурраҳмāн ал-‘Аббāсӣ (1463 – 1556)

Известный факих-хадисовед ‘Абдурраҳмāн ал-‘Аббāсӣ¹⁸³ родился в Каире, обучался праву в Египте, а также в крупнейших научных центрах Сирии (ан-Нāсириййа, аз-Зāхириййа, ал-‘Азрāвиййа), занимался изучением хадисов в Константинополе¹⁸⁴. Жизнь ал-‘Аббāсӣ приходится на период роста Османской империи (1453–1653). После того как Қāнсұх ал-Ғұрӣ¹⁸⁵, предпоследний мамлюкский султан Египта из династии Бурджитов, потерпел поражение в сражении с турками-османами султана Селима I (1512-1520), турецкие войска вторглись в Египет. Не пожелав оставаться в новой провинции Османской империи, ал-‘Аббāсӣ навсегда покинул Египет, переехав в Стамбул¹⁸⁶, в котором и провёл остаток своей жизни.

Ни в одном из известных перечней работ ал-‘Аббāсӣ макамы или же какое-либо прозаическое сочинение подобного рода не упоминаются¹⁸⁷. Известен только написанный им «Комментарий на макамы ал-Ғарӣрӣ» («Шарҳ ‘алā макāmāt ал-Ғарӣрӣ»)¹⁸⁸. Тем не менее, в ходе данного исследования выяснилось, что в Турции хранятся две неизученные и неопубликованные рукописи, содержащие сборник макам ал-‘Аббāсӣ. Одна находится в библиотеке Сулейманиййа (Reisulkuttab, № 916), а вторая в библиотеке при центре Стамбульского университета (Arapça,

¹⁸³ О нём см. статьи [van Gelder 2013; Massah, Negahban 2013].

¹⁸⁴ Местом действия во многих маках ал-‘Аббāса служат города именно этих ближневосточных регионов.

¹⁸⁵ Малик ал-Ашраф Сайфуддйн Абӯ ан-Наср Қāнсұх ал-Ғұрӣ (1501-1516).

¹⁸⁶ Впервые ал-‘Аббāсӣ посетил Стамбул в составе посольской делегации от султана ал-Ғұрӣ, во время которой он преподнёс турецкому султану Бāйазїду (1481-1512) составленный им лично комментарий на сборник хадисов ал-Бухārӣ.

¹⁸⁷ У Я. Хямен-Аттилы о нём также нет упоминаний.

¹⁸⁸ С текстом этого комментария познакомиться не удалось в виду его недоступности.

№ 4046)¹⁸⁹. Удалось получить образец начала предисловия к рукописи, а также начала первой макамы¹⁹⁰. Судя по имеющейся в моём распоряжении части предисловия, оно было составлено самим ал-‘Аббāsī. В нём он в традиционной мусульманской манере воздаёт хвалу Аллаху, Пророку и его семье, просит прощения за прегрешения, а также объявляет себя составителем данного сборника макамов. Текст рукописи написан садж‘ем. Макамы называются по порядковому номеру («Первая макама», «Вторая макама» и т.д.). Судя по началу первой макамы, в сборнике нет постоянных героев. Традиционная вводная фраза отсутствует. Повествование ведётся от первого лица. В первой макаме рассказывается о том, как некий человек¹⁹¹ оказался в Сирии после долгих скитаний¹⁹². Там он проводил целые дни в прогулках по садам и лугам, наслаждаясь красотой природы, пока не наступила зима, и он не был вынужден найти себе прибежище в доме.

Таким образом, сборник ал-‘Аббāsī предположительно принадлежит к постклассическому направлению в жанре, а его макамы содержат минимальный

¹⁸⁹ «Библиотекам Турции принадлежит первое место не только по количеству арабских рукописей, но и зачастую по их ценности. В наше время шесть библиотек Стамбула объединили в своих фондах более ста различных коллекций, известных под именами их прежних владельцев или первоначальных мест хранения. Одна только Сулейманийя насчитывала на 1957 г. 30390 арабских рукописей, библиотека Стамбульского университета 6901 ед. хранения. Всего в Стамбуле свыше 86 тыс. рукописей» [Халидов 1985, с. 238-239].

¹⁹⁰ Согласно проставленной в рукописи пагинации это л. 1б и 14а соответственно. Рукопись написана весьма размашистым и неровным насхом, что делает довольно нелёгким её прочтение. На листе 13-14 строк. Текст писан чёрными чернилами. Заголовки макам и разделители в тексте выполнены красными чернилами.

¹⁹¹ Текст предыдущей страницы, где, возможно, названо его имя, мне недоступен.

¹⁹² Здесь наблюдается стилистическое сходство с экспозицией «Стихотворческой» макамы ал-Хамазānī, также являющейся первой в сборнике. См. [ал-Хамазани 1999, с. 25].

набор существенно упрощённых канонических элементов¹⁹³ (садж‘, стихи, сюжет, главный герой).

3.2 Организация цикла макам ал-‘Аббāса

3.2.1 Количество макам в сборниках классических авторов и их последователей

При исследовании макам ал-‘Аббāса, как и эволюции жанра макамы в средневековой арабской литературе вообще, помимо стилистических особенностей и сюжетного построения макам, следует обратить внимание на количественный аспект, который в перспективе может привести к значимым выводам. Количественный канон и отклонения от него в том или ином сборнике макам – вопрос до сих пор не освещённый в отечественной арабистике, хотя он представляет определённый интерес. Ранее дискуссия на эту тему была трудноосуществима в виду большого объёма неизученных материалов и их труднодоступности. Однако теперь ситуация несколько изменилась благодаря появлению упорядоченного перечня авторов макам¹⁹⁴, позволяющего представить более полную картину истории жанра.

Размеры сборников макам сильно варьируются в зависимости от их тематического наполнения, интересов автора и поставленных им художественных или дидактических задач. За канонический количественный образец как правило принимаются сборники макам ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī, состоящие из пятидесяти двух и пятидесяти макам соответственно. В данном аспекте исследования прежде всего следует рассмотреть сборник макам ал-Хамазāнī, ведь именно он считается основоположником жанра, а также вдохновителем ал-Ḥарīrī, макамы которого

¹⁹³ О характере содержания сборника также свидетельствуют приписка – «рассказ» («ḥikāya»), выполненная изящным почерком на полях возле заглавия первой макамы.

¹⁹⁴ В упомянутом в первой главе данной работы списке, составленном Я. Хямен-Антилой, насчитывается более 250 авторов [Hämeen-Anttila 2002, с. 368-410].

впоследствии стали недостижимым идеалом для множества авторов-подражателей.

Существует неточное представление об истинном количестве макам в сборнике ал-Хамазāнī. Несмотря на то, что до наших дней в рукописях сохранились пятьдесят две макамы ал-Хамазāнī, в научной литературе принято считать, что его сборник состоит из пятидесяти одной макамы. В стандартном издании М. ‘Абдо (продублированном изданием М.М. ‘Абдалхамīда) представлена пятьдесят одна макама [ал-Хамазāнī 2004; ал-Хамазāнī 1979]. Это связано с тем, что М. ‘Абдо посчитал необходимым опустить текст «Шāмийской» макамы (№ 26, «ал-мақāма аш-шāмиййа») равно как и окончания двух других из-за их малопрстойного содержания. Полный текст встречается в более старых и менее доступных изданиях в передаче Абū Исхāқа ал-Хусрī (ум. 1022) [ал-Хусрī 1972], а также в рукописях. Следует отметить, что критическое издание арабского текста макама ал-Хамазāнī до сих пор не было осуществлено.

Сам ал-Хамазāнī [ал-Хамазāнī 1890, с. 390, 516], цитируемый Абū Мансūром ас-Са‘āлибī [ас-Са‘āлибī 1956, с. 167] и ал-Хусрī [ал-Хусрī 1972, с. 235], в одном из своих посланий (расā’ил) упоминает четыреста макама, что является крайне маловероятным. Ас-Са‘āлибī, опять же со слов ал-Хамазāнī, утверждал, что количество макама в сборнике ал-Хамазāнī достигало четырёхсот и что он будто бы сочинил их в течение двух лет во время пребывания в Нишапуре. Таким образом, представление о четырёхстах макамах ал-Хамазāнī возникло благодаря его собственным посланиям, процитированными исследователями его творчества. Также следует учитывать, что в средневековых арабских хрониках и исторических документах число «400» служило для фигурального обозначения большого количества чего-либо¹⁹⁵ и на деле не могло использоваться в качестве достоверного источника при подсчёте макама, написанных ал-Хамазāнī [Beeston 1990, с. 127].

¹⁹⁵ Ср. со значением русского слова «тьма».

Дошедшие до наших дней рукописные редакции сборника ал-Хамазāнī содержат пятьдесят одну макам, таким образом, число «пятьдесят» может рассматриваться как среднее количество макам ал-Хамазāнī, циркулировавших в виде рукописей в Средневековье. Кроме того, сборник именно из пятидесяти макам впоследствии был воспринят за количественный канонический образец последователями ал-Ḥарīrī, и им самим [Brockelmann 1986, с. 109].

Арабские учёные высказывают различные мнения о том, сколько же на самом деле было макам у ал-Хамазāнī¹⁹⁶, но никаких реальных подтверждений той или иной версии не существует. Более того, непонятно, сам ли ал-Хамазāнī выбрал известные нам макамы из общего числа сочинённых им (если предположить, что их действительно было больше пятидесяти двух), или же это сделал кто-либо из его учеников, или именно эти произведения сохранил нам случай [Долинина 1999, с. 18].

Совершенно очевидно, что ал-Ḥарīrī в целом составил свой сборник в рамках, заданных ал-Хамазāнī. К одному из усовершенствований жанра ал-Ḥарīrī относится составление завершённого цикла – линейно-последовательного во временном плане, что, судя по предисловию, в котором ал-Ḥарīrī превозносит ал-Хамазāнī, было задумано им изначально. Причиной написания пятидесяти макам, количество которых в дальнейшем было принято за канон, скорее всего, объясняется подражанием своему предшественнику, хотя на то время сборник макам ал-Хамазāнī не был стандартизирован в количественном отношении [Hämeen-Anttila 2002, с. 148].

Ал-Ḥарīrī изначально сочинил сорок макам, будучи в Басре. Переехав в Багдад, он был вынужден сочинить ещё десять на публичном собрании, чтобы подтвердить своё авторство – в образованной среде посчитали, что простой государственный служащий, коим был ал-Ḥарīrī, попросту присвоил себе чужое со-

¹⁹⁶ Абū ‘Убайдаллах ибн Абū Са‘ид ибн Шараф ал-Джазāмī ал-Қайрувāнī (999-1067) насчитывает не более двадцати макам и добавляет, что текст только некоторых из них был ему доступен [Ibn Sharaf 1953, с. 4].

чинение, так изумительно талантливо оно было написано [Крымский 1906, с. 277; Ибн ал-Қифтї 1986, с. 26]. Поскольку число «сорок» является каноничным в арабской культуре, можно предположить, что ал-Ҳарїрї на самом деле, а не только согласно романтизированной легенде, изначально намеревался сочинить сорок макам; для собирателей хадисов составление сборника именно из сорока хадисов считалось достопохвальным действием.

Сведения, полученные от известнейшего комментатора ал-Ҳарїрї, – Аҳмада аш-Шарїшї, о том, что ал-Ҳарїрї сначала якобы сочинил двести макам, а затем отобрал из них пятьдесят лучших, уничтожив остальные, по мнению Я. Хямен-Аттилы, явно фиктивны. Такое преувеличение характерно для биографий многих авторов макам, хотя вероятно, что некоторые из них действительно первоначально создавали объёмные сборники, а затем уничтожали большую часть своей работы [Hämeen-Anttila 2002, с. 149].

Цикл ал-'Аббаса состоит из двадцати шести макам против традиционных пятидесяти в сборнике ал-Ҳарїрї, о подражании которому он сообщает в предисловии. Такое количество макам могло быть задумано ал-'Аббасом изначально или же он не успел довести работу до конца как это было в случае с Ибн Муҳаммадом ал-Қаввасом¹⁹⁷; также есть некоторая вероятность, что дошедшие до нас петербургская и австрийская рукописи содержат неполную редакцию¹⁹⁸.

¹⁹⁷ О нём см. гл. 3, п. 3.1.

¹⁹⁸ На это указывает содержание «Законоведной макамы» (№ 1), по сюжету которой повествователь и главный герой уже являются старыми знакомыми, что кажется довольно странным для макамы открывающей сборник, поскольку у ал-Ҳарїрї в первой макаме цикла герои только заводят знакомство (таким образом автор представляет их читателю), чтобы в последующем встречаться при различных обстоятельствах.

Что касается других авторов макама, то согласно списку, составленному Я. Хямен-Аттилой, встречаются сборники, состоящие из 88 (№ 204)¹⁹⁹, 60 (№ 193), 51 (№ 1), 50 (№ 33), 40 (№ 53), 20 (№ 47), 12 (№ 61), 11 (№ 20), 10 (№ 135), 6 (№ 109), 5 (№ 38), 4 (№ 78), 3 (№ 167), 2 (№ 217) макама. Большинство авторов из этого списка известны лишь по одной макаме, нередко имеющей формальное отношение к жанру.

3.2.2 Путешествия в классических сборниках макама

Непрестанные путешествия главных персонажей – одна из наиболее заметных особенностей сюжета в классических макамах, многие из которых имеют географические названия (например, Багдадская, Куфийская, Басрийская и т.д.). Тема путешествия сама по себе отсутствует в макамах, так как странствия героев не описываются, но подразумеваются. Редкие сведения, сообщаемые о них, служат главным образом в качестве обрамления для центрального сюжета, поэтому при замене одного географического места на другое в той или иной макаме её содержание, в принципе, не изменится. Условность географии в макамах позволяет автору использовать любое подходящее для сюжета место действия.

Хотя в пределах одного сборника канонические макамы как правило объединены постоянными странствующими героями, их невозможно объединить в одно путешествие, даже меняя порядок их прочтения, поскольку промежутки между их встречами могут составлять года. Сборники макама можно сравнить с анекдотами о Джухе (Мулла Насреддин), в которых присутствует постоянный персонаж, но сами анекдоты между собой не связаны в пространственном и временном отношении²⁰⁰. В средневековой художественной литературе существовала тенденция к повествовательной эпизодичности (небольшим по объёму историям), более, чем к связному последовательно развивающемуся повествованию.

¹⁹⁹ Номер в списке авторов макама, составленном Я. Хямен-Аттилой [Hämeen-Anttila 2002, с. 368-410].

²⁰⁰ См. сборник в переводе В.А. Гордлевского [Гордлевский 1957].

Из биографии ал-Хамазāнī известно о его многочисленных путешествиях по городам арабского халифата, что, естественно, нашло своё отражение в названиях макам его сборника. При этом ал-Ḥарīrī, хотя и проживший долгое время среди бедуинов с целью углубления своих знаний в арабской филологии, вёл преимущественно оседлую размеренную жизнь. Разница в биографиях писателей не так заметна на примере их сборников – около половины макам ал-Хамазāнī имеют географические названия, а у ал-Ḥарīrī – две трети. В макамах ал-‘Аббāса, при том, что нам ничего не известно о его биографии, также половина «географических» из двадцати шести макам сборника.

Я. Хямен-Аттила считает, что макамы ал-‘Аббāса могли быть написаны в Сирии, так как события в них часто происходят в Сирии [Hämeen-Anttila, 2002, с. 398]. Такое предположение не в достаточной мере обосновано, так как только в четырёх макамах из двадцати шести достоверно известно, что сюжет разворачивается в Сирии²⁰¹; события восьми происходят в других странах, иногда с указанием названия конкретного города²⁰², в остальных четырнадцати макамах сюжет географически не определён.

В макамах ал-‘Аббāса главный герой (Абū-л-Фадл ибн ал-Вāрис) и рассказчик (Абū-л-Ḥайр ибн ал-Ḥāрис) непрерывно и без видимых усилий переезжают из Сирии в Иран, из Византии в Египет. Как правило, сами переезды лишь упоминаются и не описываются: индивидуальный характер местностей почти не отражается в макамах ал-‘Аббāса, за исключением «Саруджийской» (№ 25) – предпоследней в сборнике. В ней ал-‘Аббāс, по всей видимости, отдавая дань уважения

²⁰¹ № 4 («Халебская»), № 12 («Танухийская») и № 16 («Макама о неукрашенном и украшенном»), № 25 («Саруджийская») – Алеппо, Сарудж.

²⁰² Византия, Египет (Каир), Ливан (Мардж-Уюн), Иран (Исфахан, Хамадан), Ирак (Куфа, Басра).

ал-Харйрй, прославляет красоту пастбищ города Сарудж (Сирия), откуда происходит родом харириевский герой макам – Абӯ Зайд ас-Сарӯджй²⁰³.

У ал-Харйрй описание местности встречается только в «Харамийской» (№ 48) и «Басрийской» (№ 50) макамах; будучи уроженцем Басры (Ирак), он явно имел целью прославление окрестностей своего родного города [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1987, с. 7].

Интересно противоположное отношение героев макам ал-‘Аббаса к путешествиям, которое можно проиллюстрировать на примере Египетской макамы (№ 6). Постоянный рассказчик макам, Абӯ-л-Хайр ибн ал-Харис, явно отдаёт предпочтение путешествиям перед оседлым образом жизни:

«Ты знаешь, что странник чудесные вещи открывает [в пути]. Тот, кто присутствует – развлекает, а тот, кто отсутствует – скучать заставляет. Лев не растерзает [добычу], пока не покинет чащу²⁰⁴. Вода, если застаивается, то усиливается её солёность, а если бежит, то становятся пресными её волны, и если бы не выходил жемчуг из морей, тогда бы он не украшал и не сверкал на шее, а пыль от ходьбы и передвижения лучше шафрана проживания [на одном месте] и бездействия, благородный человек – ценен в каждой стране, а солнце – свет его в каждом созвездии»²⁰⁵.

Хотя Абӯ-л-Хайр знаком с тяжестью путешествий (макамы №№ 7, 9, 10) и не раз испытывал нужду (№№ 4, 11) – «опустила нищета на меня полы, а её рубаша [ужасна]» (Р: л. 20а: 12), он готов отправиться в путь из-за одного лишь желания услышать стихи куфийских поэтов (№ 5), посетить известного старца-подвижника (№ 12), насладится красотой пастбищ Сирии (№ 25) или видами Византии (№ 8), или даже просто устав от городской суеты (№ 6). В большей части

²⁰³ См. стихи Абӯ Зайда в «Сурской» макаме (№ 30) у ал-Харйрй [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1987, с. 142-143]

²⁰⁴ Смысл аналогичный русской пословице «Без труда не выловишь и рыбку из пруда».

²⁰⁵ Полный арабский текст данной макамы и её перевод с комментариями см. в приложении.

макам, преимущественно во второй половине сборника (№№ 1, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24), тема путешествия остаётся за гранью повествования, и мы сразу обнаруживаем Абӯ-л-Хайра в каком-либо общественном месте, будь то мечеть или рыночная площадь, в котором и разворачивается сюжет.

В противоположность Абӯ-л-Хайру, в той же «Египетской» макаме, главный герой, Абӯ-л-Фадл ибн ал-Вāрис, жалуется на тяжесть путешествий и на незавидную судьбу путешественника:

«Странник – что мёртвый среди живых, он подобен дереву, которого не оживляет дождевое облако, когда оно уже лишилось своего сока и своих плодов, и постигло его увядание и рок, и оно разлучилось с тем, кто дружил с ним и походил на него, и в тягость ему дружба с непохожим на него. Прибывающий в какой-либо город чужаком является пленником его простонародья, даже если соблазнится его десятиной и поземельным налогом. Нет, ты сам рассыплешься из-за трудностей пути, поскольку это часть преисподней. И если бы [это] не было наказанием для человека, тогда бы он не ограничивал свою сущность и покинул бы родину, но поистине его преследует удаление от родины и от привычного, знакомого и безопасного для него, и ему достаточно потрясения от прибытия в страну и от унижения поиска жилища, тех тягот, которые он встречает».

О предпринимаемых Абӯ-л-Хайром путешествиях, если описания таковых даются автором, мы как правило узнаём в начале макамы сразу после традиционной вводной фразы. О частоте путешествий Абӯ-л-Фадла можно только догадываться, поскольку Абӯ-л-Хайр обнаруживает его всегда на новом месте. Единственный случай, когда совершенно очевидно, что Абӯ-л-Фадл странствует, приходится именно на упомянутую «Египетскую» макаму. В ней Абӯ-л-Хайр неожиданно встречает Абӯ-л-Фадла в караване идущим из Египта.

У ал-Харйрī повествователь, купец ал-Хāрис ибн Хаммām, порой описывает свою решимость отправиться в очередное путешествие как непреодолимое желание [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1987, с. 7], странствования позволяют ему

избавиться от скуки и томления, которые неизбежно возникают у него от пребывания в одном месте. Здесь наблюдается явное сходство ‘аббасовского Абӯ-л-Хайра с ал-Хāрисом, с той лишь разницей, что автор не указывает нам в тексте на его род занятий.

Характер главного героя у ал-Харйрй определяют так называемые «заветы Сасана», неписанный кодекс городских бродяг и нищих, которым он вынужден неукоснительно следовать чтобы выжить в «беспощадном мире». Эти заветы, изложенные в «Сасанской» макаме (№ 49), гласят: «Кто бродит – находит, кто ищет – снищёт!» [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1987, с. 187]. То есть Абӯ Зайд, в силу своего плутовского образа жизни, также является сторонником путешествий, ему лишь претит профессия купца, коим является рассказчик ал-Хāрис ибн Хаммāм, о чём он прямо говорит: «Жизнь купца – перелётной птицы полет, но птицу в полёте всякое ждёт» [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1987, с. 7, 186].

Таким образом, главные персонажи двух циклов макам обнаруживают различия в своём отношении к путешествиям.

Действие в макамах ал-‘Аббāса протекает либо в общественных местах, – мечеть, рынок, школа, дом судьи, дом эмира, кладбище, либо на природе за городом, – пустыня, лес, горы. В макамах с плутовским сюжетом для осуществления замыслов главного героя требуется наличие публики, – в его интересах получить как можно больше прибыли за один раз, поэтому, как правило, местом действия в таких макамах служат общественные места. Сюжеты макам, в которых основной целью героя является исключительно проявление красноречия, а таковых у ал-‘Аббāса большинство, могут разворачиваться как в городе, так и в нелюдных местах, на природе – основное внимание в них уделяется красоте слога, а окружающая обстановка служит лишь в качестве фона.

3.3 Композиционная структура макама ал-‘Аббāса

А.А. Долининой принадлежит ряд исследовательских статей, в которых рассматриваются особенности классической макамы на примере сборника ал-Ҳарӣрӣ. Анализ композиции макама ал-Ҳарӣрӣ позволил ей сделать вывод о том, что построение их сюжетов канонично [Долинина 2010, с. 41]. Поскольку макамы ал-‘Аббāса на первый взгляд отвечают требованиям средневекового жанрового канона, их изучение на композиционном уровне позволит более обоснованно говорить о его существовании и в позднем средневековье²⁰⁶.

Сюжеты всех двадцати шести макама ал-‘Аббāса содержат определённое число повторяющихся основных элементов, составляющих их устойчивую композиционную структуру, за небольшим исключением, аналогичную макам ал-Ҳарӣрӣ:

- 1) Традиционная вводная фраза (В).
- 2) Экспозиция, связанная с рассказчиком (Э).
- 3) Явление героя – центральный эпизод (Я).
- 4) Проявление красноречия главным героем, либо рассказчиком, либо дополнительным персонажем (К).
- 5) Момент узнавания героя (У).

За некоторым исключением (6 случаев), *anagnorisis* происходит либо непосредственно после проявления героем красноречия (К) (8 случаев), либо после получения героем награды (Н)²⁰⁷ (2 случая), либо же после следования рассказчика за героем (С) (4 случая). В четырёх случаях момент узнавания предусмотрен в начале сюжета (Я-У).

²⁰⁶ Анализ композиционной структуры макама ал-‘Аббāса здесь произведён по схеме А.А. Долининой, использованной ею при анализе макама ал-Ҳарӣрӣ, изменены лишь некоторые буквенные обозначения элементов сюжета [Долинина 2010, с. 35-43].

²⁰⁷ Получение героем награды (Н) в макамах ал-‘Аббāса является не основным, как у ал-Ҳарӣрӣ, а добавочным элементом. Лишь в пяти макамах их двадцати шести Абӯ-л-Фадл получает материальную награду за своё красноречие (№ 8, 9, 11, 14, 17).

6) Диалог рассказчика с героем (Д).

Это может быть диалог одного из них с дополнительным персонажем в начале или в конце сюжета; в плутовских макамах этот элемент распадается на две части: порицание рассказчиком и самооправдание героя.

7) Заключительная речь – либо рассказчика, либо героя, обязательно завершаемая цитированием коранического айата (А), после которой персонажи расстаются.

Экспозиция в макамах ал-‘Аббаса может быть условно разделена на две категории, каждая из которых также имеет несколько типовых вариантов развития, что и составляет принципиальную разницу между этими категориями:

Тип 1 – Рассказчик, путешествуя, прибывает в какой-либо город или страну, либо все ещё находится в пути:

а) рассказчик предпринимает путешествие из желания:

- послушать стихи (№ 5, Ирак);
- сменить окружение (№ 6, Египет);
- посетить новые места (№ 8, Византия; № 25, Сирия).
- посетить знаменитого старца (№ 12, Сирия);
- обрести собеседника (№ 20, пустыня)²⁰⁸;

б) рассказчик становится свидетелем какого-либо происшествия во время путешествия:

- встреча с двумя спорщиками перед кади (№ 7, дом судьи);
- приход на аудиенцию к эмиру (состязание поэтов) (№ 9, Ирак);
- встреча группы людей, разговаривающих загадками (№ 10, Иран);
- встреча с двумя поэтами, спорящих о красоте (№ 26, Ливан);

²⁰⁸ У этой макамы, как и у макама №№ 2, 15 и 20 нетрадиционный сюжет. В гл. 3, п. 3.6 об этом будет сказано более подробно.

в) рассказчик становится свидетелем какого-либо происшествия, находясь в затруднительном материальном положении или испытывая душевный кризис:

- приход в мечеть (проповедь) (№ 4, Сирия);
- приход на кладбище (проповедь) (№ 11, Ирак).

Тип 2 – Рассказчик находится в городе, либо в его окрестностях, то есть не путешествует:

а) нахождение в городе и его окрестностях, во время которого рассказчик становится свидетелем интересного происшествия:

- встреча со спорящими перед судьёй мужчиной и юношей (№ 13, дом судьи);
- встреча со стариком, обвиняющим юношу в краже стихов (№ 14, дом правителя);
- описание недостатков судьи-туркмена (№ 15);
- приход в мечеть (проповедь) (№ 16, мечеть);
- встреча со стариком, восхваляющим эмира (№ 17, дом эмира);
- встреча с группой людей, говорящих загадками (№ 18);
- посещение мечети в пятничный день (№ 19, мечеть);
- встреча с двумя поэтами, спорящими о щеке и родинке (№ 22, пустыня);

б) нахождение рассказчика у себя дома, приём гостя:

- описание ночной непогоды и прихода ночного путника (№ 1, дом Абӯ-л-Ҳайра);
- встреча с благородным кочевником (№ 21, дом Абӯ-л-Ҳайра);

в) Присутствие рассказчика в каком-либо общественном месте или его приход туда:

- описание любовных чувств к византийскому юноше (№ 2, здание суда);
- встреча с учителем-правоведом (№ 3, школа);
- встреча с грамматистами (№ 23, школа);

- приход на свадьбу (проповедь) (№ 24, дом судьи);

Вариантов явления героя (завязки) можно насчитать одиннадцать:

1. Герой стоит в середине толпы и держит речь (5 случаев);
2. Рассказчик обнаруживает героя в пустыне (4 случая);
3. Встречается с рассказчиком в доме судьи (3 случая);
4. Встречается с рассказчиком в мечети (3 случая);
5. Встречается с рассказчиком в доме эмира (2 случая);
6. Встречается с рассказчиком в школе (2 случая);
7. Встречается с рассказчиком в саду (2 случая);
8. Встречается с рассказчиком в доме правителя (1 случай);
9. Встречается с рассказчиком на кладбище (1 случай);
10. Приходит в дом рассказчика (1 случай);
11. Встречается с рассказчиком в завии (1 случай).

В двадцати одном случае герой появляется неузнанным, чтобы оказаться опознанным рассказчиком в конце макамы. Правда, в двух из них так и остаётся неясным, являлся ли главный герой Абӯ-л-Фадлем, поскольку его имя так и не было названо (№№ 18-19)²⁰⁹. У ал-Харйрй только половина макам содержит элемент узнавания главного героя, после получения им награды.

В четырёх случаях герой сразу узнан рассказчиком: в одном случае рассказчик ждёт героя (№ 1), в другом он встречает его во время путешествия (№ 6), в остальных двух – он ищет его с определённой целью (№№ 20-21).

Исследование сочетания сюжетных элементов на композиционном уровне даёт следующие результаты:

1. Все макамы имеют рамочную композицию, образуемую за счёт традиционной вводной фразы (здесь это: «Рассказывал Абӯ-л-Хайр ибн ал-Х̣арис, среди того,

²⁰⁹ Следует отметить, что во второй макаме сборника («Румийская») в связи с особенностью сюжета отсутствуют традиционные герои – повествование ведётся от имени судебного служащего.

что он поведал о Абӯ-л-Фадле ибн ал-Вāрисе. Он сказал ...»). Эта фраза повторяется в начале текста каждой макамы, иногда в упрощённом виде («Сказал Абӯ-л-Хайр...»).

2. Схема А – около половины макам (всего 14) имеют построение внутри рамки по типовой схеме, начало которой инвариантно (Э + Я + К):

Э + Я + К + У + Д + А (№№ 3, 4, 5, 12, 13, 15, 23).

При этом существуют отклонения в виде добавления или выпадения отдельных элементов, обуславливаемых сюжетом макамы и приходящихся на вторую половину схемы:

Э + Я + К + _ + _ + У + _ + А²¹⁰ (№ 7) в финале нет диалога;

Э + Я + К + Н + _ + У + Д + А (№ 14, 17) герой получил награду;

Э + Я + К + Н + С + У + Д + А (№ 8, 11) – герой получил награду и узнал только после следования за ним рассказчика.

В двух макамах главный герой остаётся неузнанным, а количество элементов в них минимально, поскольку проявление красноречия главным героем, в связи с риторическим сюжетом макам, занимает большую часть их текста²¹¹:

Э + Я + К + _ + _ (№ 18)²¹²;

Э + Я + К + Д + А (№ 19).

²¹⁰ Нижний прочерк обозначает позицию элементов, имеющих в других вариантах схем.

²¹¹ Ср. со схемой двух макам у ал-Харйрй, представленной в статье А.А. Долининой: Схема Д – опущение ряда элементов, связанное с упрощением сюжета (2 макамы). Элемент (К) сохраняется как обязательный. В макаме № 49 он остаётся едва ли не единственным: (Я) + (К), где (Я) предваряет речь, занимающую весь текст макамы и лишь изредка прерываемую репликами партнёра. В макаме № 19 опущено большинство основных элементов, но зато (К) повторяется трижды (Э + Я + К + К₂ + К₃ + Д) [Долинина 2010, с. 40].

²¹² Примечательно, что здесь отсутствует цитирование Корана, которое по замыслу ал-‘Аббāса должно завершать текст каждой макамы (см. перевод предисловия к сочинению в приложении).

3. Схема Б – около одной трети макам (всего 7) имеют схожее построение со схемой А, с той лишь разницей, что между завязкой и явлением главного героя присутствует элемент К (красноречие), субъектом которого является дополнительный персонаж или сам рассказчик. Такая схема композиционного построения не встречается у ал-Харйрй:

Э + (К) + Я + К + _ + _ + У + Д + А (№№ 16, 22, 24, 25, 26);

Э + (К) + Я + К + _ + С + У + Д + А (№ 10);

Э + (К) + Я + К + Н + С + У + Д + А (№ 9).

4. Схема В – композиционная структура трёх макамам обнаруживает существенные отклонения от указанных схем А и Б за счёт введения второй рамки – рассказа героя о событиях происходивших с ним ранее встречи с повествователем. Здесь наблюдается вторая экспозиция, связанная с главным героем, его речь и диалог с рассказчиком или дополнительными персонажами. Сюжет этой рамки строится по устойчивой формуле (Э + Д + К + «Н»²¹³), а её местоположение в общей схеме закреплено:

Э + Я-У + Д + (Э + Д + К + «Н») + Д + _ + А (№№ 6, 20);

Э + Я-У + Д + (Э + Д + К + «Н») + Д + К + А (№ 1).

В одной из макам сюжет развивается линейно без введения второй рамки; её усложнённая структура обусловлена введением в начале и конце сюжета по одному дополнительному активно действующему персонажу, отчего элемент (Я-У) смещается к середине, тем не менее, набор и порядок элементов в этой макаме в целом внешне совпадает со схемой В:

²¹³ Элемент Н заключён в кавычки поскольку несмотря на постоянное превосходство героя в действии сюжета, его награда весьма условна – в одном случае он решает сложный юридический казус, но едва спасается от побоев (№ 1), в другом посредством уловки избегает пут нежеланного брака, но в итоге ничего не приобретает, едва не став жертвой обмана (№ 6); искусно ведёт диспут по вопросам брака в исламе, из-за чего лишается сказочного благосостояния (№ 20).

Э + _ + Д + (Э + З + Я-У + Д + К + _) + Д + К + А (№ 21).

Два основных типа сюжетов (плутовской и риторический) соотносятся с приведёнными выше тремя схемами построения композиции (А, Б, В) следующим образом:

Риторические (всего 19 макам) – А (9), Б (7), В (3).

Плутовские (всего 6 макам) – А (5), Б (0), В (1).

Приведённый подсчёт показывает, что в макамах с риторическим сюжетом, а они составляют три четверти всего сборника, реализуются и простые и сложные виды композиции; в этих макамах, в зависимости от авторского замысла, элемент красноречия может составлять как несколько десятков стихотворных строк (№№ 3, 15), (что являет нормой для макам ал-‘Аббāса), так и большую часть текста макамы, провоцируя при этом значительное редуцирование окружающих его композиционных элементов (№№ 9-10).

Из приведённого соотношения также видно, что плутовские макамы ал-‘Аббāса наиболее типичны в композиционном построении (вариативное распределение по схеме А); плутовские макамы в количественном отношении выглядят довольно скромно на общем назидательном фоне сборника (всего шесть макам), – ал-‘Аббāс, по всей видимости, в силу общей адабной тенденции в позднем средневековье, уделяет основное внимание дидактической составляющей жанра, вследствие чего наиболее неустойчивыми композиционными элементами в его макамах являются а) получение главным героем награды (Н) и б) следование рассказчика за героем (С), характерные для макам с более сложным сюжетным построением. Кроме того, при взгляде на плутовские макамы ал-‘Аббāса не составляет труда определить источник заимствования их сюжетов в сборнике ал-

Ҳарӣрӣ²¹⁴ (ал-‘Аббас: №№ 6, 7, 8, 11, 13, 14 и ал-Ҳарӣрӣ: №№ 13, 8, 34, 11, 26, 23 соответственно), что, однако, не всегда можно сказать о макамах риторических.

В сборнике ал-Ҳарӣрӣ 35 плутовских макам против 15 риторических. В риторических макамах превалирует изысканность словесных выражений и усложнённость языка, вследствие чего им свойственны более простые, по сравнению с плутовскими, виды композиционного построения. В плутовских макамах важно само действие, похождения и проделки главного героя, отчего сюжет в них обладает большей динамичностью и усложнённой структурой [Долинина 2010, с. 35, 41].

Усложнение сюжета в макамах ал-‘Аббаса, как и у ал-Ҳарӣрӣ, может быть связано с добавлением, помимо редупликации, нестереотипных элементов, а также введением дополнительных служебных персонажей, поэтому каждая из макам, в сущности, обладает своей вариативной неповторимостью: в макаме № 1 – затянутая экспозиция (описание ночной непогоды), приём гостя; в № 6 – разговор о трудностях и прелестях путешествий; в № 8 – торги на невольничьем рынке; в макаме № 15 – затянутая экспозиция (описание пороков судьи-туркмена); в № 20 – диалог с женщиной-джинном; в № 25 – затянутая экспозиция (описание красоты пастбищ).

Также в макамах ал-‘Аббаса можно отметить несколько композиционных парадигм:

- а) Явление главного героя и его узнавание рассказчиком может происходить в одном и том же месте, делая элемент следования (С) излишним. Например, Абӯ-л-Фадл появляется в школе в виде бедняка в поношенных одеждах и заводит спор с правоведом о вреде поэзии для нравственности (№ 3, «Поэтическая»). Поскольку действие этой макамы происходит в одной только школе, Абӯ-л-Ҳайр узнаёт Абӯ-л-Фадла одномоментно и без «следования

²¹⁴ Единственное исключение от части представляет макама № 6 («Египетская»), сюжет которой был скомпилирован ал-‘Аббасом, вероятно, в результате заимствования сюжетных элементов у двух авторов – ал-Ҳарӣрӣ и Ибн Дәнийāла. См. гл. 3, п. 3.1.

по пятам», характерного для окончания большинства макама ал-Ҳарйрй. Вообще элемент (С), характерный для макама с плутовским сюжетом, встречается только в четырёх макамах из двадцати шести (№№ 8, 9, 10, 11), что также характеризует риторическую направленность сборника.

- б) В финале между главным героем и рассказчиком в обязательном порядке завязывается разговор²¹⁵. В риторических макамах Абӯ-л-Ҳайр расспрашивает Абӯ-л-Фадла о причинах его бедственного положения, в плутовских он, как правило, упрекает его в неблагопристойности. В ответ Абӯ-л-Фадл может процитировать строку из Корана, якобы оправдывающую его поведение, либо прочесть стихотворение, порой значительное по объёму. Ответ Абӯ-л-Фадла можно рассматривать как авторское представление о философии жизни.

Исследование на композиционном уровне подтверждает приверженность ал-‘Аббāса канонической составляющей жанра макамы, а также обнаруживает первостепенное значение для сюжетов его макама элементов (Э), (Я) и (К) как обязательных и редуцируемых, вне зависимости от степени упрощения сюжета. У ал-Ҳарйрй, по наблюдениям А.А. Долининой, элемент (К)²¹⁶ также является первостепенным [Долинина 2010, с. 41], как собственно и элементы (Э) и (Я), прослеживающиеся, за небольшим исключением, во всех его макамах. Можно сказать, что у ал-‘Аббāса демонстрация красноречия главного героя является кульминационным моментом в сюжете макама, независимо от их плутовской или риторической направленности, что, как нам кажется, позволяет сделать вывод о том, что для ал-‘Аббāса, как и для ал-Ҳарйрй, главным в макамах была демонстрация словесного мастерства.

²¹⁵ Единственным исключением является макома № 9, в которой значительный по объёму элемент красноречия (К) полностью вытеснил элемент диалога (Д). Более того цитирование Корана (А), обязательное по заверениям ал-‘Аббāса для окончания всех макама его сборника, здесь также отсутствует.

²¹⁶ У А.А. Долининой – (Р).

Творчество ал-‘Аббāса по своей форме определённо складывалось в соответствии с канонической линией развития макамого жанра. Однако этого нельзя сказать о его содержании, которое, по сравнению с классическими маками, отличается чрезмерная дидактичность. Эта особенность обусловлена, по всей видимости, литературным вкусом современников ал-‘Аббāса, она становится наиболее явственной при детальном сравнении его макама с маками ал-Ḥарйрй. Для сопоставления подходит открывающая аббасовский сборник «Законоведная макама» («ал-Мақāма ал-фиқхиййа»²¹⁷), сюжет которой, несмотря на вариации и некоторое расхождение в деталях, внешне совпадает с сюжетом «Законоведной макамы» ал-Ḥарйрй («ал-Мақāма ал-фардиййа»²¹⁸) (пятнадцатая по счёту в его сборнике). Центральное место в сюжете обеих макама занимает решение героем парадоксального юридического казуса, изложенного в стихотворной форме. Их композиционная структура также одинакова, особенно это заметно в начале сопоставляемых текстов.

Законоведная макама ал-Ḥарйрй начинается с неожиданного появления в доме ал-Ḥариса ибн Хаммāма ночного путника, который просит приюта и на проверку оказывается его старым знакомым – Абū Зайдом²¹⁹. Точно такое же начало мы находим в макаме ал-‘Аббāса: в дом рассказчика, – Абū-л-Ḥайра, является ночной путник, – Абū-л-Фадл, который ищет временного пристанища.

²¹⁷ От слова «фиқх» – понимание, знание; мусульманское право. Общий принцип понимания ислама; знание или понимание мусульманского права, не являющееся правом само по себе.

²¹⁸ От слова «фард» – обязанность, долг; требование, предписание (закона). Это слово обозначает одну из категорий мусульманского права, предписывающую исполнение определённых правил в мусульманской общине. Предписания категории «фард» носят характер обязанности, предусматривающей в качестве наказания при невыполнении, в отличие от категории «вāджиб» («обязательное»), лишь осуждение со стороны членов общины. В данном названии заключается терминологическое значение этого слова – «обязательная доля в наследстве», поэтому по-русски макама также могла бы быть названа «Макама о наследстве».

²¹⁹ Схожая с этой экспозиция и рамочная конструкция имеется в «Куфийской» макаме (№ 5) у ал-Ḥарйрй, однако в ней задействован иной сюжет для центральной истории.

В обеих макамах явлению героя (Я) предшествует одинаковая по содержанию экспозиция (Э). Рассказчик, мучимый бессонницей и томимый желанием обрести собеседника, описывает ночную непогоду (*ваṣṣḥ*). Ал-Ḥарйрй приводит краткое и лаконичное описание, не загружая повествование деталями. У ал-‘Аббāса описание развёрнутое и содержит много метафор и олицетворений, в нём автор демонстрирует своё владение литературным слогом.

После момента узнавания героя (У) оба автора вводят добавочную сюжетную рамку – рассказ героя о событиях, происходивших с ним ранее (Р). У этой рамки есть своя экспозиция (Э₂), одинаковая для обеих макам – герой без сна и отдыха скитается ночью по дорогам.

Далее у авторов начинаются расхождения: харириевский Абū Зайд сначала попадает на рынок. В лавке торговца его внимание привлекает аппетитная гроздь фиников и сливки, которые он мастерски описывает (*ваṣṣḥ*). Терзаемый голодом, Абū Зайд пытается добыть средства для их покупки, но безрезультатно. И лишь под конец дня к нему приходит надежда в образе старика, жалующегося на упадок наук. В ответ на расспросы о причине жалоб старик представляет Абū Зайду стихи, содержащие юридический казус, который никто не может решить (Д₁). Абū Зайд предлагает свою помощь старику в обмен на угощение, описав, чего бы ему хотелось отведать (*ваṣṣḥ*). Старик предостерегает Абū Зайда против обмана и приводит его в своё жилище, вид которого свидетельствует о скупости его хозяина (*ваṣṣḥ*). Насытившись угощением старика, Абū Зайд с лёгкостью решает этот юридический казус, облекая свой ответ в стихи (К). Получив желаемое, старик прогоняет Абū Зайда из своего дома, опасаясь, что у того может случиться расстройство желудка от обилия и несочетаемости съеденного (Д₂). Герой вынужден скитаться ночью (Ух), до того как набрёл на жилище рассказчика – своего знакомого ал-Ḥариса ибн Хаммāма. Так ал-Ḥарйрй с юмором обыгрывает мотив скупости, насмешка над которой является одной из популярнейших тем в средневеко-

вой арабской литературе²²⁰. Далее следует диалог рассказчика с героем (Д), в котором ал-Хāрис ибн Хаммām выражает радость от встречи с Абӯ Зайдом, а тот в ответ развлекает его занимательной беседой до наступления утра. Прочитав прощальный стих, Абӯ Зайд покидает дом рассказчика, не желая тому надоесть (Ух₂).

В «Законоведной макаме» ал-‘Аббāса Абӯ-л-Фадл набредает на собрание, пирующее в горной местности, которое, как и старик у ал-Хāрйрй, жалуется на упадок науки и нравов (Э₂). В ответ на вопрос Абӯ-л-Фадла о причинах жалоб (Д₁), ему предлагают непреодолимую для них законоведную загадку, которую он с лёгкостью решает, представив ответ в стихах (К). Здесь о правильности ответа также можно судить по реакции слушателей: красноречие и ум Абӯ-л-Фадла вызвали чёрную зависть у собрания и ему пришлось бежать в лес, спасаясь от расправы (Ух). В итоге он находит убежище у рассказчика – Абӯ-л-Хайра. Здесь ал-‘Аббāс использует мотив зависти: очевидно, что Абӯ-л-Фадл противопоставляет себя завистливой «толпе», усиливая это противопоставление самовосхвалением: «завидуют только опережающему»²²¹. Далее Абӯ-л-Фадл, как и Абӯ Зайд, проводит ночь в гостях у рассказчика за беседой (Д), а с рассветом покидает его, не говоря, по сути, о причинах ухода (Ух₂).

В «Законоведной макаме» ал-Хāрйрй прослеживается известный в средневековой арабской литературе композиционный принцип градации, нарастания от начала к середине (законоведная загадка), за которым следует спад от середины к концу [Шидфар 1973, с. 112]. В макаме ал-‘Аббāса подобный принцип выдерживается лишь отчасти.

Заимствуя сюжет у ал-Хāрйрй, ал-‘Аббāс изменяет композиционную структуру макамы в соответствии с собственным замыслом, целью которого, помимо демонстрации красноречия, является поучительность и назидательность. В предисловии к сборнику ал-‘Аббāс декларирует, что он «завершил каждую макаму ай-атом Корана в качестве указания на её окончание, чтобы видели читающие её

²²⁰ См., например, «Книгу о скупых» ал-Джāхиза [ал-Джахиз 1965].

²²¹ Р: л. 46, 17; V: л. 46, 5.

пользу и руководство, и чтобы чтение не было напрасным»²²². Так в «Законоведной макам» ал-‘Аббās в финальном диалоге от имени героя приводит в стихах филологическое и юридическое толкование коранического айата о многожёнстве [Коран, 4: 3] на целых две страницы²²³.

Сравнение композиционной структуры «Законоведной макамы» ал-‘Аббāса и ал-Харйрй подтверждает приводимый выше вывод, о том, что красноречие (К) играет первостепенную роль в макамах обоих авторов, а элементы экспозиции (Э) и явления главного героя (Я) служат для реализации этой роли.

3.4 Персонажи макам

3.4.1 Главный герой, рассказчик и автор

Как и у ал-Харйрй, все макамы ал-‘Аббāса объединены общими героями. Это рассказчик – Абӯ-л-Хайр ибн ал-Хāрис, и его красноречивый приятель – Абӯ-л-Фадл ибн ал-Вāрис.

Ономастические компоненты, из которых состоят имена главных персонажей, довольно часто встречаются в арабо-мусульманском мире. На русский язык они могут быть переведены как «Обладатель блага сын Земледельца» (Абӯ-л-Хайр ибн ал-Хāрис) и «Обладатель Превосходства сын Наследующего» (Абӯ-л-Фадл ибн ал-Вāрис). Формы имён подобраны ал-‘Аббāсом не только ради рифмы (ал-Хāрис – ал-Вāрис), но, как нам кажется, они содержат дополнительный подтекст-указание²²⁴. Главный герой Абӯ-л-Фадл действительно выступает на протяжении всего цикла как «обладатель превосходства», неизменно обыгрывая своих соперников в словесных поединках – он ключевой персонаж в сборнике макам. Устами Абӯ-л-Фадла автор демонстрирует своё искусство владения арабским литературным языком.

²²² Р: л. 26, 14-15; V: л. 26, 8-9.

²²³ См. Таблицу № 3 в приложении, п. XI и V.

²²⁴ Примечательно, что для пьес Ибн Дāнийāла, с которыми ал-‘Аббāс очевидно был знаком, также характерно употребление значащих имён [Тимофеев 1975, с. 20].

Ал-‘Аббās открыто заявляет в предисловии к сочинению о своей преемственности по отношению к ал-Харйрй в жанре макамы:

«...и поручил мне тот, кому я не способен отказать, и не могу дать отпор, чтобы я пошёл по его (т.е. ал-Харйрй – Т.П.) следам и последовал его опыту, и покрылось бы для меня листьями дерево в саду саженцев и вспыхнули бы ко мне страстью звезды благополучия над горизонтом совершенства ...»²²⁵.

Отсюда проясняется смысл второй части имени главного героя – «сын Наследующего»: наследующий по отношению к ал-Харйрй – это сам ал-‘Аббās, а его «сыном» является Абӯ-л-Фадл.

Интерпретация смысла имени повествователя также представляет интерес. Имя Абӯ-л-Хайр («Обладатель блага») свидетельствует о том, что ал-‘Аббās видел своего героя как положительного персонажа. Вторая часть имени Абӯ-л-Хайра – ибн ал-Хāрис («сын ал-Хāриса»), по замыслу ал-‘Аббāса, должна указывать на то, что Абӯ-л-Хайр является «сыном» (т.е. последователем) харириевского повествователя ал-Хāриса ибн Хаммāма²²⁶.

Ключевая роль Абӯ-л-Хайра в повествовании очевидна – он является передатчиком вымышленных событий, происходивших с главным героем. В своей статье А. Килито отмечает, в классических макамах события, о которых узнаёт рассказчик от главного героя (в нашем случае Абӯ-л-Хайр от Абӯ-л-Фадла), доводятся до читателя опосредованно через автора (*равий*) в манере, схожей с традицией передачи хадисов, с той лишь разницей, что традиционная вводная фраза (по мнению учёного – иснād) и сами события являются фантазийными [Kilito 1976,

²²⁵ Р: л. 2а, 7-8; V: л. 2а, 2-3.

²²⁶ Стремление арабских учёных и литераторов к исторической достоверности всегда приводило к попыткам отождествления вымышленных героев макама с реальными людьми. Однако до сих пор не было представлено убедительных теорий об их реальном существовании, поэтому персонажи ал-‘Аббāса, впрочем как и харириевские, скорее всего не имеют конкретных прототипов.

с. 25-51 цит. по: Brockelmann 1913-1936, с. 109]. Однако, как уже было сказано (см. гл. 2, п. 2.1), особенность опосредованного повествования в классических макамах не имеет связи с жанром хадисов. Традиционная вводная формула является лишь необходимым элементом для «активации» всех остальных художественных приёмов, используемых в канонической линии жанра. Например, для дистанцирования вымышленной истории от её истинного рассказчика, что позволяет автору вести повествование от первого лица, не участвуя в самом сюжете.

Личность ал-‘Аббаса возникает всякий раз, когда Абӯ-л-Хайр принимает активное участие в действии сюжета – в этом случае повествованием занимается сам автор, сокрытый за личиной *равия*. Маркёром такого перехода всегда служат слова «Говорит рассказчик...» («Қала-р-рāvī...»).

В начале сборника ал-Харйрī его рассказчик и главный герой незнакомы друг с другом, но дальше по ходу действия цикла они постоянно встречаются при различных обстоятельствах, так что в пятнадцатой макаме («Законоведная»), о которой только что шла речь, их вполне уже можно назвать старыми друзьями. У ал-‘Аббаса не сразу понятно, насколько рассказчик знаком с главным героем. Поскольку макамы объединяются в цикл именно за счёт этих двух персонажей, было бы естественно пояснить, в каких они состоят взаимоотношениях при первой же их встрече в первой макаме («Законоведная»), чего, однако, ал-‘Аббасом не было сделано: он просто следует за ал-Харйрī, порой упуская из виду детали, существенные для повествования. В момент узнавания рассказчик Абӯ-л-Хайр называет имя своего ночного гостя, не поясняя, откуда он его знает:

«В то время как он у меня пребывал я внимательно к нему присмотрелся и положился на [своё] зрение в отношении его поведения, и оказалось, что это Абӯ-л-Фадл ибн ал-Вāрис»²²⁷.

²²⁷ Р: л. 36, 2-4; V: л. 3а, 12-14.

Лишь ближе к концу повествования, становится ясно, что Абӯ-л-Хайр не просто был знаком с Абӯ-л-Фадлем (опять же, остаётся неясным откуда), но ждал его прихода, чтобы задать волновавший его вопрос:

«О, Абӯ-л-Фадл, брат справедливости, собиратель целостности и обширный щедростью, я ожидал твоей близости, чтобы молить о дожде твои тучи для [решения] вопроса...»²²⁸.

В половине макама сборника Абӯ-л-Фадл является рассказчику Абӯ-л-Хайру либо в образе нищего, одетого в ветхие, поношенные одежды («№ 1, 3, 5, 9, 15, 18, 24), либо в виде красноречивого старика, праведность которого зависит от типа сюжета макамы (риторического или плутовского): на невольничьем рынке он предстаёт благочестивым «старцем в чёрной чалме», читающим проповедь (№ 8), на кладбище – старцем-проповедником, «спустившимся с гор», «покрытым плащом коварства и хитрости» (№ 11) – в обеих макамах он обманывает своих слушателей. Рассказчик обнаруживает Абӯ-л-Фадла то в завии в образе аскета-проповедника (№ 12), то кочевником в пустыне, ведущим аскетический образ жизни (№ 21) – здесь герой, наоборот, искренен душой и не помышляет об обмане. В двух макамах с риторическими сюжетами Абӯ-л-Фадл появляется в образе старика панегириста (№ 17) и тонкого ценителя поэзии (№ 25); в двух других – он в роли имама читает красноречивые и устрашающие проповеди в мечети (№№ 4, 16).

Абӯ-л-Фадл – мастер возрастных перевоплощений – по своему желанию предстаёт и юношей, ведущим спор в иносказательной манере с неким мужчиной у судьи (№13), и стариком, жалующимся на некоего юношу за кражу стихов (№ 14).

В девяти макамах сборника отсутствует какие-либо описание внешности Абӯ-л-Фадла, нет и конкретных указаний на примеряемое им обличье – при встрече с рассказчиком он просто упоминается как его старый знакомый

²²⁸ Р: л. 5а, 3-4; V: л. 4б, 8-10.

(№№ 6²²⁹, 20), некий спорщик у судьи (№ 7), красноречивый поэт (№№ 10, 19), умелый составитель иносказательных текстов (№ 18), знаток арабской грамматики (№ 23), мастер поэтических описаний (№№ 22, 26).

Особый интерес представляют характер и поведение главного героя в трёх макамах ал-‘Аббаса с сюжетами, не встречающимися в сборниках макама ал-Харйри и ал-Хамазанй. В «Египетской» (№ 6) Абӯ-л-Фадл становится жертвой хитрой сводни – его обманным путём женят на страшного вида пожилой деве. Из затруднительного положения его выручают проявленные в ответ на обман хитрость и красноречие.

В макаме «О жадности и довольстве малым» (№ 20) Абӯ-л-Фадл из пустыни попадает в сказочное райское место, где ему прислуживают джинны. Однако проявив чрезмерное желание нарушить религиозный запрет (женитьба на джиннах женского пола запрещена мусульманам из рода людского), он в итоге лишается всех благ, и вновь оказывается посреди пустыни. В этот раз красноречие приносит ему лишь неудачу.

В «Туркменской» макаме (№ 15) красноречие служит Абӯ-л-Фадлу в качестве орудия убеждения – он защищает судью-туркмена²³⁰, якобы не справляющегося со своими обязанностями и проявляющего низкие моральные качества, от нападок городских жителей, среди которых сам рассказчик.

В обозначенных макамах с нетрадиционными сюжетами содержатся примеры, когда проявление красноречия служит главному герою для разных, с моральной точки зрения, задач и не всегда приносит ему ожидаемый результат: оно то спасает его из беды, то лишает достатка, то позволяет сохранить установленный властями порядок.

Образ жизни Абӯ-л-Фадла и его поступки не позволяют однозначно определить род его занятий. Он и странствует как обычный путешественник (№ 6, 21), и

²²⁹ Из сюжета этой макамы единственно известно, что он носил белую чалму, которую впоследствии использовал для разрешения возникшего перед ним затруднения.

²³⁰ Здесь возможен намёк на историческую личность.

принимает участие в учёных диспутах как большой знаток права и грамматики (№№ 21, 23), и читает проповеди в роли предстоятеля в мечети (№№ 4, 16) – в общем, проявляет себя как разносторонняя личность, хитрость и обман для которой не являются самоцелью. Недаром только в пяти макамах из двадцати шести известно достоверно, что Абӯ-л-Фадл получает материальное вознаграждение за своё остроумие (№№ 8, 9, 11, 14, 17), и только в двух из них он прибегает к обману (№№ 8, 11). В большинстве случаев Абӯ-л-Фадл довольствуется лишь чувством интеллектуального превосходства над толпой, проявляемого в словесных поединках. Даже в тех макамах, где ему удаётся раздобыть посредством уловки или демонстрации красноречия средства к существованию, он, не раздумывая, растрчивает всю свою добычу в винной лавке, не только оставляя без внимания заботы о завтрашнем дне, но и откровенно нарушая моральные предписания, установленные для мусульманской общины, к которой он принадлежит. Порой Абӯ-л-Фадл сталкивается, помимо прочего, и с отрицательными последствиями проявления своего таланта и ему едва удаётся избежать побоев от завистников (№№ 1, 25).

Исходя из содержания макама, нельзя сказать определённо, насколько Абӯ-л-Фадл нуждается в заработке посредством красноречия и уловок. Создаётся лишь общее впечатление, что случаи с его появлением в образе нищего относятся лишь к плутовству, а не к постоянному промыслу. Единственный раз Абӯ-л-Фадл сообщает о своём материальном положении при встрече с Абӯ-л-Хайром в «Египетской» макаме (№ 6):

«...я прибыл в Каир усталый, утомлённый. Не было у меня ни бороздки [на косточке от финика], ни плёнки [от неё]²³¹» (Р: л. 28а: 1-2).

²³¹ Перефразированная цитата из Корана «وَالَّذِينَ تَدْعُونَ مِنْ دُونِهِ مَا يَمْلِكُونَ مِنْ قِطْمِيرٍ» – «...а те, кого вы призываете помимо Него, не владеют и финиковой кожицей» [35:13]. См. также [4:53, 124].

По тексту уже на следующей странице рукописи обнаруживается явное противоречие – повествователь сообщает, что герой у которого, как явствует из предыдущего не было ни гроша, выплачивает большой выкуп за невесту:

«а она²³² <...> выполнила уговор обещанный, и получила деньги наличные, а *махр*²³³ [за девушку] был более тысячи динаров» (Р: л. 28b).

Остаётся неясным, откуда у героя появились деньги и действительно ли он не имел никаких средств изначально; в других макамах ал-‘Аббās вовсе не приводит сведений о материальном положении Абӯ-л-Фадла и его роде занятий. Нам кажется, что подобная условность ситуаций и героев возникла в макамах от того, что ал-‘Аббās основное внимание уделял строю языка и правильности словесных выражений, тогда как детали сюжета могли оставаться им вовсе не замеченными. Можно сказать, что эта условность характерна для макама вообще (см. гл. 2, п. 2.2.2).

Как нам кажется, нельзя утверждать, что Абӯ-л-Фадл относится к обществу деклассированных городских элементов арабского халифата, так называемому сасанову племени («бану сасан»), нравы которых воплотились в образах героев макама ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī²³⁴. Пожалуй самым весомым аргументом в пользу этого является отсутствие в макамах ал-‘Аббāса разработанного мотива нищенствования (*кудйа*), который оказывает первостепенное влияние на типологию поведения главного героя в классических макамах, а также на формирование сюжета с соответствующей тематикой. Хотя Абӯ-л-Фадл и появляется несколько раз в образе нищего, нельзя сказать, что он действительно нищенствует как харириевский Абӯ Зайд.

По мере движения к окончанию сборника мы не обнаруживаем каких либо изменений в личности Абӯ-л-Фадла, его поведение типично в большинстве макама

²³² Т.е. сводня.

²³³ Выкуп за невесту, обязательное условие брачного союза для мусульман.

²³⁴ Об этом см. работу А.А. Долининой ««Адаб нищих» по макама ал-Хамадани и ал-Харири» [Долинина 2010, с. 51-57].

– всюду он выступает как всесторонне образованный и довольно набожный²³⁵ мусульманин, обладающий устоявшимся мировоззрением. У ал-Харйрй, напротив, жизнь Абӯ Зайда можно охарактеризовать как постоянные приключения плута и лицемера, который лишь в последней макаме цикла приходит к истинному рассказу и набожности²³⁶.

В макамах ал-Харйрй деталям сюжета уделяется большее внимание, чем у ал-‘Аббаса, поэтому его герои более живые и естественные во всех отношениях. Помимо этого, ал-Харйрй значительно обогащает повествование, вводя добавочные темы и мотивы. Например, в «Законоведной» макаме (№ 15) он настолько органично вводит в сюжет дополнительные элементы, в которых герой проявляет красноречие (описание им еды на рынке и убогости жилья скупого старика), что их изъятие из текста привело бы к обеднению сюжета и нарушило бы логику хода повествования. Эти элементы отсутствуют в композиционной структуре «Законоведной» макамы ал-‘Аббаса (№ 1) в связи с иным вариантом её сюжетного наполнения. Более склонный к поучениям, ал-‘Аббас нагружает окончание «Законоведной» макамы пространным рассуждением героя о вариантах грамматического чтения коранического стиха. Различие такого же плана мы наблюдаем и при сравнении главных героев сборников – Абӯ Зайда и Абӯ-л-Фадла.

Абӯ Зайд – выразитель мысли ал-Харйрй о несправедливости мирового устройства, остро ощущавшегося им в XII веке, когда из-за социальных перемен многие жители арабского халифата остались без возможности добывания средств к существованию, а нравственные ценности уступили место борьбе за выживание. Поэтому, скорее всего, под влиянием этих условий, а не в силу собственной испорченности, Абӯ Зайд вынужден нарушать предписания религиозной морали – ханжить перед простоватыми слушателями, ради прибыли, а порой и обворовы-

²³⁵ В шести макамах Абӯ-л-Фадл читает проповедь (№№ 4, 8, 11, 12, 16, 24), из них лишь две носят плутовской характер (№№ 8, 11).

²³⁶ Об этом см. работу А.А. Долининой «Макамы ал-Харири: композиционная структура цикла» [Долинина 2010, с. 44-50].

вать их (№ 29, «Васитская»). Отсюда можно предположить, что и его истинная сущность заключается в наиболее частых темах его речей, это – «бренность земных благ, ожидание божьей кары и призыв творить добрые дела» [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1978, с. 9]. Более высокая степень разработанности образа Абӯ Зайда, по сравнению с образом Абӯ-л-Фадла, также проявляется в завершении всего цикла рассказом главного героя в последней макаме (№ 50, «Басрийская»), которое подводит итог всем его плутовским приключениям.

В последней макаме сборника ал-‘Аббаса (№ 26, «Мурджийская»), риторической по содержанию, не ощущается логического завершения цикла, а расставание читателя с персонажами наступает так же неожиданно, как и знакомство с ними, то есть без каких-либо авторских пояснений. В этой макаме мы не находим главного героя раскаявающимся в своих поступках, в ней он, как и всюду, исключительно красноречив и самоуверен. По всей видимости, это связано с тем, что в большинстве своих приключений Абӯ-л-Фадл не нарушает каких-либо норм религиозной морали, напротив, он несёт светоч истины туда, где царит глупость, порок и заблуждение. В «Поэтической» макаме (№ 3) Абӯ-л-Фадл ставит на место учителя-факиха, искажающего предание о Пророке; в «Законоведной» макаме он решает юридический казус во времена, когда «не [найти] учёного, который мог бы принести пользу»; в «Договорной» (№ 24) он прогоняет со свадебного пиршества утомившего всех своим косноязычием старика-проповедника, проявив собой образец красноречия.

Есть также несколько макам (№ 8, 11), в которых Абӯ-л-Фадл совершает с этической точки зрения, безусловно, отрицательный поступок – сначала он проникновенно читает публичную проповедь о необходимости следования религиозным предписаниям, а затем лицемерно проводит время «в винной лавке среди роз и мирта, денег и газелей, обнося [всех] кубком и чашей, разговаривая со священ-

ником и дьяконом»²³⁷ (Р: л. 44а). Общий характер его поведения в сборнике говорит нам, что это всего лишь дань харириевскому Абӯ Зайду, а не истинное лицо Абӯ-л-Фадла – во всём сборнике это самые «тяжкие» из совершённых им многочисленных проступков.

Из всего вышесказанного можно предположить, что соблюдая дидактическую направленность сборника, ал-‘Аббас, желал показать, что его герой также не идеален, позволяя ему незначительное плутовство.

О восприятии Абӯ-л-Фадла в первую очередь как культурного и образованного адиба свидетельствуют примечание к тексту «Румийской» макамы (№ 8), которое оставил Муṣṭафā Ṭarābulusī на полях венской рукописи (л. 34а). Будучи застигнутым в винной лавке, Абӯ-л-Фадл в ответ на упрёки Абӯ-л-Ḥайра произносит длинную оправдательную речь, в которой описывает свой образ жизни: «...я спасаюсь от бедности [при помощи] отборных выражений и собираю прибыль от [вечерних] бесед...»²³⁸. То есть Абӯ-л-Фадл ведёт жизнь типичного средневекового поэта-филолога, добывающего заработок на литературных вечерах своей эрудицией и смекалкой. В комментарии к этим словам сказано следующее:

"قَوْلُهُ أَنْجُو مِنَ الْفَقْرِ الْخَ هَذَا بِالنِّسْبَةِ إِلَى الْعَصْرِ الْمُتَقَدِّمِ حِينَ كَانَ الْأَدَبُ مَرْغُوبًا وَأَمَّا الْآنَ فَإِنَّ صَاحِبَهُ مِنَ الْعِرْفَانِ مَرْغُوبًا. وَحَقُّ الْعِبَارَةِ بِالنِّسْبَةِ إِلَى هَذَا الزَّمَنِ: وَأَجْنِي بِالْفَقْرِ الْفَقْرَ وَأَجْنِي عَلَى ثَمَرَةِ وُجُودِي بِالسَّمَرِ وَعَلَيْهِ نَفْسِي. فَإِنَّا لِلَّهِ وَإِنَّا إِلَيْهِ رَاجِعُونَ وَلَا يَلْزَمُ بَيَانُ الْبُرْهَانِ فِي سَنَةِ هِجْرِيَّةٍ ١١٨٨. مُصْطَفَى طَرَابُلُسِيِّ زَادِهِ".

(«Его слова «я спасаюсь от бедности...» и т.д. [действительны] в отношении прошлой эпохи, когда адаб был востребован, а в нынешнее время обыватель

²³⁷ Примечательно, что у ал-Ḥарīrī в «Дамасской макаме» (№ 12) Абӯ Зайд также был застигнут повествователем в винной лавке, после разыгранной им роли набожного и благочестивого бедняка [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1987, с. 63-65].

²³⁸ V: л.34а: 14; Р: л. 36а: 5.

страшится знания. В отношении нынешнего времени верно выражение: Я впадаю в бедность от изысканных выражений и извлекаю пользу из моего пребывания за [вечерней] беседой и в том моё желание. И поистине мы принадлежим Господу и к нему возвратимся, и не обязательно пояснение доказательства. [Писано] в 1188 году хиджры, Муṣṭafā Ṭarābulusī Zāde»).

То есть в третьей четверти XVIII века (1774 год), всего век спустя с предположительной даты составления сборника ал-‘Аббāса (см. гл. 1, п. 1.3), заказчик венской рукописи Муṣṭafā Ṭarābulusī отмечает упадок культурной традиции, на фоне которого образ Абӯ-л-Фадла представляется символом утраченного идеала адиба.

3.4.2 Дополнительные персонажи

Дополнительные персонажи макам ал-‘Аббāса сильно отличаются от главных героев сборника. Большинство из них, очевидно, является вымышленными, хотя некоторые из них вполне могут иметь и реальные прототипы: например, некий умерший знаток мусульманского права из «Законоведной» макамы (№ 1) и судья-туркмен из «Туркменской» (№ 15).

Всех дополнительных участников макам можно условно разделить на четыре группы:

- а) сообщники Абӯ-л-Фадла или люди его круга, знакомые;
- б) оппоненты Абӯ-л-Фадла – как правило это учёные-филологи, поэты и правоведы, представляющие собой собирательные образы;
- в) персонажи, не относящиеся к группам А и Б, но обладающие индивидуальными чертами и принимающие активное участие в действии;
- г) безликая группа людей (их количество зависит от сюжета макамы), по сюжету присутствующая при проявлении главным героем красноречия и служащая общим фоном.

Первая группа представляет собой малочисленный набор персонажей; некоторые из них владеют красноречием, но уступают в этом искусстве главному ге-

рою. Это – некий мужчина, дурачащий судью заодно с Абӯ-л-Фадлем (№ 7); юноша-«плагиатор» (№ 14); девушки в винной лавке, дьякон и священник (№ 11). Всех их можно обозначить как сообщников и знакомых Абӯ-л-Фадла.

Персонажам, выступающим в качестве оппонентов Абӯ-л-Фадла, автором либо даётся чрезвычайно краткое описание, либо оно может вовсе отсутствовать. Наиболее полно их характеризует их собственная речь, оттеняющая красноречие главного героя; причём, чем более сложны слог и мысль оппонентов или предъявляемых ими загадок, тем изысканней и утончённей речь Абӯ-л-Фадла и его ответы. К этим персонажам относятся: собрание завистливых правоведов (№ 1); учитель-правовед и его ученики (№ 3); сводня-мать и её страшная дочь-невеста (№ 6); поэт-панегирист (№ 9); женщина-джинн и её слуги (№ 20); правовед (№ 21); собрание грамматистов (№ 23); косноязычный старик-проповедник (№ 24).

Многие дополнительные персонажи (группа В), выполняют ключевую роль в макамах, обеспечивая построение конфликта. Они, по сути, являются инициаторами проявления главным героем красноречия. Поскольку вокруг них изначально разворачивается действие, ал-‘Аббās придаёт им больше индивидуальных черт по сравнению с оппонентами Абӯ-л-Фадла (группа Б) и второстепенными персонажами из массовки (группа Г). Ал-‘Аббās, например, так описывает косноязычного старика из «Договорной» макамы (№ 24):

«...и вот в центре собрания сухой старик перебирает чётки и совершает молитву, на его голове чалма, словно туча, борода его свисает подобно торбе, а сам он бормочет [нечто], покашливая. И призвал он [присутствующих] к свадебной речи и совершению её [посредством произнесения] слов красноречивых. Старик прочистил горло, удалил мокроту и огорчил присутствующих, и опечалил. Его так охватили рыдания, что он едва не подавился слюной, говорил он неясно и язык его заплетался, он так неумело вёл свою проповедь и изложение, словно его язык [был] связан верёвкой из пальмовых волокон...» (Р: л. 86b).

К группе В относятся следующие персонажи: некий судья (№ 7, 13)²³⁹; судья-туркмен (№ 15); эмир и его свита (№ 9, 17); наместник-вали (№ 14); работорговец и его рабыня (№ 8); благородный кочевник (№ 21); новобрачные (№ 24); прекрасные юноша-слуга и служанка (№ 26).

3.4.3 Роль нравоучительности и назидания

В макамах ал-Ҳарӣрӣ мы встречаемся с ироничным отношением к персонажам и сюжету в целом. В его макамах назидательность житейского плана сочетается с тонкой иронией (например, в «Законоведной» макаме это – не будь скупым, не засиживайся в гостях и т.д). Проповеди добродетели, произносимые главным героем, могут не приниматься в расчёт, так как подавляющее их большинство заканчивается плутовскими проделками, свидетельствующими об истинных намерениях «проповедника», то есть *catigat rigendo mores*.

У ал-‘Аббаса содержание макама служит целям назидания, в ходе которого он демонстрирует свою образованность и знание арабского языка. В его макамах ощущается откровенная набожность, а насаждение морали является самоцелью.

Образ поведения главного героя ал-Ҳарӣрӣ в большинстве макама не соответствует его адабным речам. Даже в тех макамах, в которых герой размышляет о бренности земных благ (первая в каждом десятке), он на самом деле преследует свои меркантильные цели²⁴⁰. Такое расхождение поступков Абӯ Зайда с религиозной моралью не всегда воспринималось отрицательно в образованном и культурном обществе, на которое макамы ал-Ҳарӣрӣ, по сути, и были рассчитаны [Крымский 1906, с. 281-282]. Наоборот, комический эффект от противоречия между украшенной речью главного героя (высокий стиль) с его неблагопристойным поведением на манер плута и попрошайки (низкий стиль) отчасти стал причиной популярности жанра макамы среди образованных современников из среды

²³⁹ Исходя из текста нельзя определить является этот судья одним и тем же персонажем в этих макамах, место действие в них не определено.

²⁴⁰ См. [Долинина 2010, с. 44-45].

интеллигенции – идея о сочетании адаба в риторическом мастерстве с нарушением адаба в поведении поистине была чем-то новым, не встречавшимся до сих пор в арабской литературе. Намеченное несколько ранее в творчестве ал-Хамазāнй, ал-Ḥарйрй довёл до совершенства это гротескное сочетание, окончательно закрепив черты макамого канона. Степень соблюдения этого канона в последующем относится уже к другому вопросу.

Как показывают факты из истории развития жанра²⁴¹, последователи ал-Хамазāнй и ал-Ḥарйрй и их читатели ценили макамы по совершенно различным причинам. Если читатель находил развлечение в знакомстве с похождениями красноречивого плута, изложенных изящной рифмованной прозой, то потенциальных авторов макам привлекала неограниченная возможность демонстрации своего красноречия, чему способствовали сюжетная вариативность жанра в сочетании с фиктивностью содержания макамы. Этим частично можно объяснить постепенный упадок жанра, по мнению К. Брокельмана, занимающий весь период между маками ал-Ḥарйрй и Н. ал-Йазиджи (XIX в.) [Brockelmann, 1986, с.114]. Можно сказать, что после ал-Ḥарйрй гармоничное сочетание плутовства и изощрённого слога не было проявлено в той же степени ни одним из авторов макам.

Образ Абӯ-л-Фадла служит подтверждением обозначенной выше тенденции в жанре и для позднего средневековья. Хотя макамы ал-‘Аббāса по композиционному построению и подбору сюжетов выдержаны в классическом стиле, в них ощущается пресность содержания, за счёт отсутствия противоречия между адабом (комплексом этических предписаний) и вульгарным поведением главного героя – изысканные и набожные речи, свидетельствующие о культуре и образованности Абӯ-л-Фадла, на деле практически не расходятся с его поступками. Таким образом, ал-‘Аббāса, как и большинство авторов постклассических макам, не интересуется подлинное плутовство, а центральные персонажи и их окружение

²⁴¹ См. гл. 2, п. 2.2.1-2.2.2.

служат лишь инструментом для демонстрации собственного словесного мастерства.

К примеру, в «Законоведной» макаме оба автора превозносят остроумие и красноречие, умение решить вопрос экспромтом, – то есть качества, относящиеся к традиционным для арабской культуры ценностям, но ал-‘Аббās ставит перед собой иные задачи, нежели ал-Ḥarīrī, и это касается его сборника в целом. Поэтому во внешне схожих сюжетах мы находим разных по характеру главных героев – один остроумный артист (у ал-Ḥarīrī), другой – морализатор-факих (у ал-‘Аббāса). Кроме того, различные задачи, поставленные авторами, в частности подтверждаются и названиями самих макамов, схожих по сюжету – хотя их заглавия могут быть в равной степени переведены на русский язык как «Законоведная», в арабском языке они происходят от разных корней²⁴².

3.5. Соотношение прозы, саж‘а и стихов, и их функции в тексте

Попытку ал-‘Аббāса соблюсти строгость рифмообразования в тексте при сохранении красоты изложения по примеру ал-Ḥarīrī не всегда можно назвать удачной. Рифмованная проза в речах аббасовских персонажей представляется слабо отделанной, несколько «тяжёлой» и неестественной по сравнению с прозой у ал-Ḥarīrī – в тексте заметно, что сохранение баланса между изяществом слога и смысловым содержанием представляло для ал-‘Аббāса существенное затруднение²⁴³.

В следующем примере отрезки саж‘а представляются неестественно длинными, окончание второй части (подчёркнуто), очевидно, добавлено только ради рифмы, поскольку её смысловое содержание нельзя назвать столь уж значимым:

²⁴² См. прим. №№ 216-217.

²⁴³ То же самое можно сказать о рифмованной прозе в сборнике «Маджма‘ ал-бахрайн» Нāṣīфа ал-Йāзиджī [Moosa 1992, p. 124-125].

«و قد حاذت قصب السبق في مضمار البلاغة و المبالغة * و كلت فيها البصائر و

الأبصار فهي ما بين رائغة و زائغة»²⁴⁴

(«...Они овладели пальмой первенства на ристалище красноречия и многословия, перед ними бессильны пронизательность и разумение, а их [смысл] и отклоняется, и ускользает [от восприятия]...») (P: л. 2a: 1-3).

В макамах ал-‘Аббаса встречаются следующие виды организации рифмующихся отрезков речи (қарйна)²⁴⁵:

1. AA BB CC –

"مَرْحَبًا بِالْخَلِّ الْأَقْدَمِ * قَدْ قَدِمْتَ خَيْرَ مَقْدَمٍ * لَعَلَّكَ أَسْفَرْتَ فِي سَفَرِكَ عَنِ الْمَعَاشِ *

و فُزْتُ فِي قَطْعِ الْمَفَازَةِ بِالْإِنْتِعَاشِ * (л. 27b) وَ أَنْتَ عَالِمٌ بِأَنَّ الْمُسَافِرَ * عَنِ الْعَجَائِبِ

مُسَافِرٍ" (P: лл. 27a: 16-17, 27b: 1).

2. AAA –

"أَرَقْتُ ذَاتَ لَيْلَةٍ مُحَلُولِكَةَ الْحِجَابِ * مُحَلُولَةَ نِطَاقِ السَّحَابِ * مَعْقُودَةَ الْأَجْفَانِ

بِحَاجِبِ يَوْمِ الْحِسَابِ" (P: л. 3a: 1-2).

3. AAA BBB –

²⁴⁴ См. другие примеры в прим. № 246.

²⁴⁵ О принципе формирования рифмующихся отрезков см. работу Д.В. Фролова [Фролов 1991, с. 92].

"دَخَلْتُ مَدِينَةَ الْبَصْرَةِ * فَلَمْ أَلْقَ مِنْ أَهْلِهَا نُصْرَةً * فَغَلَبَتْنِي الْقَسَاوَةُ وَ الْحَسْرَةُ *

فَعَمَلْتُ بِالْخَبَرِ الْمَأْثُورِ : «إِذَا اشْتَدَّتِ الْأُمُورُ * عَلَيْكُمْ بِأَصْحَابِ الْقُبُورِ" (P: л. 41b:

.14-16)

4. A+A B+B A+A –

"أَرَعَفْتُ أَنْفِي آيَةَ رَعْفِهِ * وَ لَأَمْرِمَا جَزَعَ قَصِيرٌ أَنْفَهُ * وَ خَذِيئَتَهَا يَدَمُّ

الرُّعَافِ * وَ لَفَعْتُ بِهَا عَنْ مَوْلِي وَ أَوْثَقْتُ الْأَطْرَافَ * وَ جَعَلْتُهُ كَالْقَتِيلِ

الْمُضَرَّجِ بِدِمَائِهِ * الْمَزْمَلِ فِي رِدَائِهِ" (P: л. 29a: 9-12).

5. A+B A+B –

"وَ هِيَ أَنِّي دَخَلْتُ مِصْرَ كَلِيلًا حَسِيرًا * لَا أَمْلِكُ نَقِيرًا وَ لَا قِطْمِيرًا * وَ

كَانَ يَوْمِي عَبُوسًا قَمْطَرِيرًا * وَ «الْغَرِيبُ كَالْأَعْمَى وَ لَوْ كَانَ بَصِيرًا"

.(P: л. 28a: 1-3)

В макамах ал-Хамазāнī, известного также своими посланиями (рисāла), начало стихов никогда не отмечается – их узнавание в тексте, по его замыслу, очевидно, должно доставлять особое удовольствие эрудированному читателю [Hāmeen-Anttila 2002, с. 52]. Что касается макама ал-‘Аббāса, то, скорее всего, он сам сочинил стихи для своих макама. Единственное стихотворное заимствование встречается у ал-‘Аббāса в «Куфийской» макаме (№ 7), в которой он цитирует стихи известного поэта ал-Вавы Дамасского²⁴⁶. Использование ал-‘Аббāсом стихотворения именно сирийского поэта²⁴⁷ не обязательно указывает на сирийское

²⁴⁶ Абӯ-л-Фарадж Муҳаммад ибн Аҳмад ал-Ғассāнī, известный как ал-Ва’ва’ ад-Димашқī (ум. 980). См. о нём работу И.Ю. Крачковского [Крачковский 1914].

²⁴⁷ См. ссылку № 3 в работе И.Ю. Крачковского [Крачковский 1914, с. 40].

происхождение автора макама, так как отрывки из стихов ал-Вавы цитировались в средневековые очень часто, они встречаются даже в сборнике «Тысячи и одной ночи», большая часть которого принадлежит культурной традиции Египта (в редакции XIV–XVI вв. и последующей).

Маркёром перехода от прозы к стихам у ал-‘Аббаса служат несколько традиционных для макама и, в целом, для арабской прозаической литературы формул: «ва’аншад...» («и он декламировал...»); «ва қала бадїхан...» («и он сказал экспромтом...»); «...ва хува йуншид...» («...декламируя...»). Продолжение прозаического текста после стихов как правило обозначается либо стандартными формулами: «ва қала ар-рāvī...» («и сказал рассказчик...») – в случае, если повествование продолжает автор; «ва қала ...» («и он сказал...») – если далее следуют слова одного из действующих персонажей; либо же просто каким-либо глаголом для описания дальнейшего действия и введения дополнительных обстоятельств в повествование.

Соотношение поэзии и прозы в макамах ал-‘Аббаса обусловлено в первую очередь их сюжетным содержанием. В макамах сугубо риторических общее количество стихотворных вставок может составлять практически половину всего текста (напр., в «Басрийской»). В тех же макамах, где сюжет превалирует над риторикой (напр., в «Египетской»), стихи занимают лишь 1/5 текста.

Название	Проза и саж‘ %	Стихи %
№ 1 «Законоведная»	68.5	31.5
№ 6 «Египетская»	77.6	22.4
№ 11 «Басрийская»	53.4	46.6

Количественное соотношение поэзии и прозы во всём сборнике ал-‘Аббаса в среднем составляет три к семи соответственно. При сравнении этих данных с данными, приводимыми по макамам ал-Хамазāнī и ал-Ҳарїрї С.Г. Парижским [Парижский 2011, с. 27], заметна тенденция к постепенному увеличению общего

количества стихов в сборниках макам у каждого последующего автора на 7-8% за счёт сокращения прозаической части.

Автор	Проза и саж‘%	Стихи %
ал-Хамазāнй	85	15
ал-Ҳарйрй	77	23
ал-‘Аббāс	70	30

Можно сказать, что ал-Хамазāнй использует язык, характерный для жанра посланий, но более простой в сравнении с ал-Ҳарйрй по лексическому уровню, а его саж‘ ритмически отшлифован; в макамах ал-Ҳарйрй язык чрезвычайно изысканный (в некоторых из них он ухитряется использовать контраст между лексикой высокого и низкого стилей в речах персонажей), рифмующиеся отрезки саж‘а в тексте тщательно подобраны; ал-‘Аббāс старается «следовать» за ал-Ҳарйрй, но при этом, к сожалению, значительно ему уступает – язык и слог его макам не столь изящны, хотя и изобилуют поэтическими украшениями и употреблением редких значений слов; многие слова, стоящие в конце отрезков саж‘а, не несут полезной нагрузки для повествования, и используются явно только ради рифмообразования²⁴⁸. Эти недостатки свидетельствуют о напряжении и усилиях, с которыми ал-‘Аббāсу давалось написание макам, о чём он, в прочем, сам открыто сообщает в одной из традиционных самоуничижительных форм в предисловии к сочинению:

²⁴⁸ «فَإِذَا هُوَ رَجُلٌ مِنْ حَيِّ طَيِّءٍ * وَ عَلَيْهِ سِيَمَى الْعِيِّ وَ الطَّيِّ» («...и оказалось, что он человек из племени **Тай** и у него признаки утомления и голода») (Р: л. За: 13-14). Т.е. обозначение племени, к которому принадлежит герой, приводится только ради рифмы.

«مِنْ أَنَّ الْحُكْمَ يُنْفَذُ ظَاهِرًا لَا بَاطِنًا فِي مَذْهَبِ مُحَمَّدِ بْنِ إِدْرِيسٍ * وَ يُنْفَذُ ظَاهِرًا وَ بَاطِنًا فِي مَذْهَبِ أَبِي حَنِيفَةَ النَّفِيسِ» («...поскольку по мазхабу Мухаммада Ибн **Идрйса** решение исполняется явно и не скрытно, а по мазхабу Абӯ Ҳанйфы **драгоценного** – [и] явно, и скрытно») (Р: л. 4b: 3-5). Здесь совершенно очевидно, что прилагательное в конце второго отрезка приводится только ради рифмы.

«...иногда мне удавалось нанизать ожерелье, а иногда [я] ошибался и бил [себя] по щёкам» (л.2а: 15-16).

По мнению Б.Я. Шидфар, макамы ал-Ҳарӣрӣ в отношении языкового оформления являются плодом своего времени – эпохи расцвета синкретической арабо-мусульманской культуры, покоящейся на основах рационализма, для которой характерно преклонение перед словом, способным выразить тончайшие и разнообразнейшие оттенки мысли [Шидфар 1974, с. 86-90, 100-107]. Этим объясняется и такой специфический признак макама: украшенной речи героя в них всегда отводится центральная роль, это обязательный элемент любой хитроумной проделки. Действительно, стремление к украшению стиля иногда перерастает в самоцель; однако это не единственная и, как показывают цифры, отнюдь не самая главная функция макамы как жанра [Долинина 2010, с. 42].

При чтении макама ал-‘Аббаса, может показаться, что риторические и стилистические украшения в большинстве из них играют роль первого плана, а сюжету придано лишь второстепенное значение. Отдавая себе отчёт в том, что такая расстановка акцентов не отвечает современному литературному вкусу, исследователь должен все-таки поостеречься видеть в ней лишь «словесное акробатство» и сознательную установку «внимания на форму, а не на содержание» [Крымский 1971, с. 371, 369]. Дело в том, что в эпоху средневековья в литературе и науке о ней особое внимание уделялось слову, однако без нанесения ущерба содержательности в угоду формализму. «Словесное» было наиболее адекватной сферой для приложения индивидуально-авторских усилий в литературе, обращённой к осмыслению «истинности бытия» [Куделин 2003, с. 218].

Язык авторов производит разное впечатление: в описаниях природы (ночь, гроза, звёзды, буря, дождь, молнии)²⁴⁹ ал-‘Аббас, как уже говорилось, находит возможность показать своё стилистическое мастерство. Ал-Ҳарӣрӣ делает это при

²⁴⁹ Здесь используются примеры из «Законоведной» макамы ал-Ҳарӣрӣ (№ 15) и ал-‘Аббаса (№ 1).

описании людских пороков (скупость, обман), также уделяя внимание изяществу иносказаний (финики, сливки, еда)²⁵⁰ и разнообразию самой лексики. Следует отметить, что ал-‘Аббās подбирает несколько неестественные рифмы и созвучия слов²⁵¹, за счёт этого ощущается натянутость речи его героев и тяжеловесность слога, чего нельзя сказать о харириевских героях.

3.6 Сюжеты в макамах ал-‘Аббāса

3.6.1 Следование канону. Заимствование сюжетов

Многообразие сюжетов, представленных в классических макамах, обусловило использование жанра для самых разных целей в его постклассический и современный период развития. Если изначально задачи жанра более или менее вписывались в рамки классического адаба, то есть авторы макама, развлекая, обучали комплексу этических норм посредством гармоничного сочетания серьёзного и шутливого (*ал-джидд ва-л-хазл*), то в последующем макамы отошли от этой цели. В этом отношении они последовали за эволюцией адаба, основной тенденцией в котором стало либо пренебрежение серьёзным (*ал-джидд*), либо полное игнорирование шутливого (*ал-хазл*) [Brockelmann 1986, с. 109]. Особая пропорция из авантюрных (ок. 70-80%) и риторических элементов (ок. 20-30%), характерная для макама ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī, в макамах ал-‘Аббāса нарушается в пользу риторики (ок. 75%), за счёт утраты ироничного подхода (ок. 25%). В следующей таблице наглядно показано соотношение плутовских и риторических сюжетов в сборниках классических авторов и ал-‘Аббāса, обосновывающее данное положение.

²⁵⁰ «Я сказал:

Ты добудешь мне всадника распрекрасного на седле самом сладостном и того, кто самым полезным другом считается, но с самым вредным спутником знается.

Над моими словами долго он размышлял и наконец, сказал:

— Полагаю, что сына пальмы ты подразумеваешь и пищу ягнёнка к нему добавляешь».

²⁵¹ Например, см. прим. № 303, 402 и п. 3.5.

Автор	Общее количество	Риторические	Плутовские	Процентное отношение
ал-Хамазāнī ²⁵²	52	9	42	19/81
ал-Ҳарйрī ²⁵³	50	15	35	30/70
ал-‘Аббāс	25 (+1) ²⁵⁴	19	6	76/24

Что касается оригинальности макал ал-‘Аббāса, то, по мнению Я. Хямен-Аттилы, их сюжеты и персонажи полностью заимствованы у ал-Ҳарйрī, за исключением макамы № 2 («Румийская»), которая принадлежит к традиции романтических макал [Hämeen-Anttila 2002, с. 345]. С его точкой зрения нельзя безусловно согласиться, уже хотя бы потому, что сюжеты не одной, а целых четырёх макал ал-‘Аббāса не встречаются в сборниках ал-Хамазāнī и ал-Ҳарйрī (№ 2, 6, 15, 20), не говоря уже об использовании им некоторых «новых» мотивов²⁵⁵.

В арабской теории о «заимствовании», изложенной в одном из сочинений Ибн ал-Му‘тазза (861-908), существуют определённые условия, при которых «заимствование»²⁵⁶ «прощается». Допущение «заимствования» обуславливается изменением и обязательным улучшением заимствуемого мотива автором-последователем: в результате мотив должен стать либо более ясным, либо получить более выразительное речевое оформление [Куделин 2003, с. 179]. Подход с

²⁵² По данным А.А. Долининой [Долинина 1999, с. 19].

²⁵³ По данным А.А. Долининой [Долинина 2010, с. 35].

²⁵⁴ При подсчёте не учитывается макама № 2 («Румийская»), сюжет которой не имеет связи с остальным циклом.

²⁵⁵ Об этом будет сказано в п. 3.6.2.

²⁵⁶ В своей работе А.Б. Куделин приводит для этого понятия арабский термин «сариқа» («воровство, кража»; поздн. «плагиат»); Б.Я. Шидфар обозначает его как «аҳз» («взятие»; поздн. «заимствование») [Шидфар 1974, с.188-189].

этой точки зрения к анализу творчества ал-‘Аббāса был бы наиболее адекватным и объективным.

Ал-‘Аббāс в своём сочинении не просто заимствует сюжеты и мотивы у своего предшественника, как считает Я. Хямен-Аттила, но соблюдает при этом описанный выше принцип каноничности. Он, согласно арабской теории «заимствования» варьирует сюжет, реализуя свою интерпретацию мотивов, зачастую развивая мотивы в самостоятельный сюжет. И если вопрос об улучшении ал-‘Аббāсом этих мотивов является спорным, то наличие интересных новшеств в его сборнике не вызывает сомнений, как и ценность его вклада в традицию жанра макамы.

Сюжеты, заимствованные ал-‘Аббāсом у ал-Ḥарйрī и использованные им в качестве основы для своих макам, делятся на четыре типа²⁵⁷:

1. Плутовские-комические;
2. Риторические-нравоучительные – центральное место в таких сюжетах занимает пространная проповедь Абū-л-Фадла (например, «Халебская», № 4);
3. Филологические-эстетические – в макамах с «филологическим» уклоном сюжет отходит на задний план, главное место в них занимают решение популярных грамматических загадок («Грамматическая», № 23), демонстрация словестного мастерства (например, полиндромы – «Оборотная», № 19; чередование глухих и звонких согласных в стихах – «Вавилонская», № 9) и графические приёмы, основанные на особенностях арабского алфавита (например, стихи, в которых используются буквы только с диакритическими знаками или наоборот

²⁵⁷ В сборнике имеются сюжеты, относящиеся сразу к двум, но не более того, типам, совместимых по характеру содержания (1/2, 2/3, 3/4). Например, сюжет; «Басрийской» макамы (№ 11) – тип 1 и 2; макамы «О неукрашенном и украшенном», № 16 – 2 и 3; «Вавилонской» макамы (№ 9) – тип 3 и 4.

без них²⁵⁸ – «Макама о неукрашенном и украшенном», № 16), т.е. все виды филологических изысков, которые до этого были введены ал-Ҳарӣрӣ в жанр макамы (см. арабский текст макам ал-Ҳарӣрӣ №№ 6, 23, 46 и т.д.).

4. Панегирические – действие таких сюжетов разворачивается на приёме у знатного лица (эмира), которого Абӯ-л-Фадл восхваляет в стихах и прозе (например, «Дирхамская», № 17 и «Вавилонская», № 9).

Особого внимания заслуживают сюжеты первого типа (плутовские-комические), благодаря которым классические макамы (а зачастую и весь жанр) безосновательно приравнивают к европейской плутовской новелле²⁵⁹. Анализ реализации обмана на разных уровнях в плутовских макамах, до сих пор не проводившийся в отечественных исследованиях, является ключом к пониманию причины жанрового «отчуждения» классических сборников макам в постклассический период, а также иллюстративным материалом для выводов, представленных во второй главе данной работы. Обман в классических макамах по нравственно-этическому уровню имеет три варианта реализации:

1. Главный герой, прикидываясь праведником, произносит красноречивую проповедь, за которую получает награду, после чего предаётся греховным увеселениям²⁶⁰ (например, проповедь на похоронах в «Басрийской» макаме, № 11 у ал-‘Аббāса и «Савской», № 11 у ал-Ҳарӣрӣ). Такое лицемерное поведение героя можно назвать самое большое плутовством, но никак не преступлением или даже мошенничеством, поскольку слушателей никто не заставляет платить лже-проповеднику. Наоборот, со-

²⁵⁸ См. исследование А.Б. Куделина «Средневековая арабская графическая культура: от изобразительных фигур к рисуночному письму» [Куделин 2003, с. 240-243].

²⁵⁹ А. Мец, Х. Гибб, Х. Вернет, Дж. Монроу и т.д.

²⁶⁰ Сюда же относятся макамы смешанного типа (1/2), в которых главный герой использует трюки с переодеванием, чтобы разжалобить слушателей и получить от них подаяние.

здаётся впечатление, что они видят истинное лицо плута, но готовы одарить его уже за одну только красоту его речей.

2. Главный герой занимается мелким мошенничеством вдвоём с товарищем, дурачит судью (қадї) или наместника (валї), ведя друг с другом разыгранный спор (у ал-‘Аббаса «Сайдавидская», № 7; «Пятнистая», № 13; «Праздничная», № 14; у ал-Харїрї «Маарийская», № 8; «Пятнистая», № 26; «Поэтическая», № 23; «Тебризская» № 40). Хотя обман всегда раскрывается, герой все равно получает вознаграждение за своё красноречие, проявленное в притворной перепалке. В данном случае плутовство носит менее безобидный характер²⁶¹, чем в случае с лицемерной проповедью, но также имеет комический эффект.
3. В этом варианте главный герой совершает низкие в моральном плане поступки, чтобы обманным путём присвоить имущество своей жертвы (у ал-Харїрї – продажа на рынке свободного «невольника», «Забидская», № 34; отравление гостей гашишем на свадьбе, «Васитская», № 29; соблазнение героем наместника при помощи собственного сына²⁶², «Рахбийская», № 10; вымогательство денег на похороны несуществующего покойника, «Мейафарикинская», № 40; кража меча у повествователя, «Девичья», № 43).

Примечательно, что у ал-Харїрї, в меньшей степени у ал-Хамазāнї, главный герой идёт на откровенное мошенничество, в то время как герой ал-‘Аббаса в своих проделках никогда не выходит за рамки первых двух вариантов, представленных выше. Характерным примером реализации обмана у ал-Харїрї по треть-

²⁶¹ Герой даёт ложные обвинения в присутствии должностного лица, что считается явным нарушением норм мусульманского права.

²⁶² Здесь второй вариант реализации обмана (одурачивание на пару похотливого наместника) из-за отягчающих обстоятельств (красивый сын героя служит в качестве приманки) переходит в третий.

ему варианту²⁶³ служит «Васитская» макама (№ 29), в которой Абӯ Зайд выступает в роли сводни. Узнав о денежных затруднениях ал-Хāриса ибн Хаммāма, он предлагает ему жениться на девушке из состоятельной семьи и тем самым решить все свои проблемы, на что тот с радостью соглашается, даже ни разу не увидев невесты²⁶⁴. Во время празднования свадьбы Абӯ Зайд угощает гостей сладостями, смешанных с гашишем, и, дождавшись пока все потеряют сознание от наркотического опьянения, бессовестно грабит их и благополучно скрывается с добычей.

Всюду, где заимствуемый у ал-Хāрирī сюжет предполагает аморальный поступок центрального персонажа, ал-‘Аббās изменяет его таким образом, чтобы он, даже расходясь с религиозной моралью, все же являлся по своей сути лишь плутовством, а не наказуемым преступлением. Для примера можно привести «Румийскую» макаму (№ 8): Абӯ-л-Хайр предприняв желанное путешествие в Византию, становится свидетелем продажи на рынке прекрасной рабыни. Во время оживлённых торгов в толпу вокруг рабыни и её хозяина проникает некий старец в чёрной чалме и начинает описывать недостатки женщин, в противовес приводя им достоинства продаваемой невольницы. Постепенно его речь переходит в религиозную проповедь, которая вызывает восхищение у окружающих и становится поводом для обильного вознаграждения старика. Собрав добычу, старик немедленно уходит, преследуемый Абӯ-л-Хайром. В итоге он обнаруживается кутящим в винной лавке, а при опознании выясняется, что это был Абӯ-л-Фадл. В этой макаме ал-‘Аббās задействовал мотивы сразу из двух макам ал-Хāрирī, объединив их в едином сюжете: торги на невольничьем рынке составляют основу сюжета

²⁶³ У ал-Хамазāнī см. «Мосульскую» макаму, № 21 [Долинина 1999, с. 90-94].

²⁶⁴ Следует отметить, что во всех мошеннических случаях при участии Абӯ Зайда, ал-Хāрис ибн Хаммām становится жертвой обмана лишь по причине собственной наивности и алчности. Так, в «Забидской» макаме (№ 34) на рынке невольников он, не вникая в рассудку, покупает у незнакомца (Абӯ Зайд) по недостоверно низкой цене превосходного юношу (сын Абӯ Зайда), который в итоге на поверку оказывается свободнорождённым мусульманином, а значит свободным.

«Забидской» макамы (№ 34)²⁶⁵, а описание достоинств и недостатков женитьбы на девушке и на женщине встречается в «Девичьей» (№ 43).

В тех макамах ал-Харйрй, в которых обман реализуется как обыкновенное плутовство (1 или 2 вариант), ал-‘Аббас заимствует сюжет полностью без изменений. Так, например, в сборниках обоих авторов одиннадцатые по счёту макамы имеют совершенно одинаковый сюжет²⁶⁶.

Интерпретируя в «Савской» макаме (№ 11) центральную часть – благочестиво-обличительную речь Абу Зайда в прозе и стихах на кладбище, содержащую призыв отказаться от беспечности, не прельщаться радостями бренного мира и задуматься о смерти и посмертном воздаянии, Г.Э. Грюнебаум усматривает в ней дидактическую направленность, ибо, как он утверждает, каждая фраза старика имеет аналог в мусульманской теологической и назидательной литературе и все её мотивы можно найти в проповедях и благочестивых историях мусульманских проповедников [Грюнебаум 1981, с. 188]. Контраст между высокой религиозной этикой и вульгарным своекорыстием проповедника дискредитирует весь пафос назидания и обращает его в свою противоположность.

В сборнике ал-‘Аббаса внимание привлекает намеренное «облагораживание» «плутовских» сюжетов, заимствуемых им полностью из макам ал-Харйрй, в которых плутовство не реализуется, а лишь подразумевается его принципиальная возможность. Например, в «Законоведной» макаме ал-Харйрй (№ 15)²⁶⁷ со слов Абū Зайда кажется, что он собирается провести каким-либо образом старика, встреченного им на рынке. Однако далее видно, что он честно выполняет своё обязательство и диктует ответ на загадку²⁶⁸, о правильности которого можно су-

²⁶⁵ См. прим. № 263.

²⁶⁶ Интересно, что макама с аналогичным сюжетом встречается и в сборнике «Маджма‘ ал-бахрайн» Нāсйфа ал-Йāзиджй («ал-мақāма ал-‘ақйқиййа», № 3). См. перевод [Крымский 1906, с. 322-328; Крачковский 1923, с. 31-34].

²⁶⁷ Содержание макам см. в конце п. 3.3.

²⁶⁸ Содержание загадки см. ниже в п. 3.6.3.

доть по реакции старика, – тот не стал требовать компенсацию за предоставленное Абӯ Зайду угощение. Таким образом, в этой макаме ал-Ҳарӣрӣ лишь намекает на тему плутовства, но, по сути, она отсутствует в сюжете, уступая место демонстрации красноречия героя²⁶⁹. В «Законоведной макаме» ал-‘Аббāса (№ 1) Абӯ-л-Фадл с лёгкостью решает законоведную загадку для собрания учёных только ради одной демонстрации своего ума и красноречия. Таким образом, данный сюжет в обработке ал-‘Аббāса полностью утрачивает потенциальную возможность реализации плутовского элемента и становится сугубо риторическим.

3.6.2 Отклонение от традиционного канона

В сборнике ал-‘Аббāса также имеется небольшое количество макамов, в которых используются нетрадиционные сюжеты, в классических сборниках до этого не встречавшиеся. По характеру сюжета они чётко делятся на три типа:

1. Вульгарные – «Египетская» (№ 6);
2. Романтические – «Византийская» (№ 2);
3. Нравоучительные – «О жадности и довольстве малым» (№ 20), «Туркменская» (№ 15).

Такие макамы, благодаря особенностям своих сюжетов, по объёму больше других (традиционных) приблизительно в полтора-два раза. Так, например, текст «Византийской» макамы (№ 2) занимает 8,5 листов²⁷⁰, при том, что в сборнике минимальный объём макамов с традиционными сюжетами – 2,5 лл., максимальный – 4,5 лл.

В вульгарном сюжете «Египетской макамы»²⁷¹ ал-‘Аббāса мы наблюдаем вариацию мотива, задействованного в пьесе Ибн Дāнийāла «Ṭайф ал-хайāl»

²⁶⁹ В сборнике ал-Ҳарӣрӣ макамы подобного типа количественно уступают плутовским [Долина 2010, с. 35].

²⁷⁰ Р: лл. 76-16а; V: лл. 56-16а.

²⁷¹ «Ал-мақāма ал-мисриййа», № 6. Текст данной макамы и её перевод с комментариями см. в приложении.

(см. п. 3.1). Рассказчик Абӯ-л-Ҳайр, повстречав главного героя Абӯ-л-Фадла во время путешествия, узнаёт очередную историю о его приключениях: прибыв в Каир без средств к существованию, Абӯ-л-Фадл бродит по нему наугад в поисках пропитания. Там его встречает местная сводня, которая предлагает ему остепениться и жениться на её дочери. Абӯ-л-Фадл сразу не верит в столь выгодное для него предложение и просит предъявить ему девушку, чтобы убедиться, что его не обманывают. Увидев красавицу воочию, Абӯ-л-Фадл с радостью соглашается на брак. Однако после обряда бракосочетания и церемонии снятия покрывала с невесты, в брачных покоях его взору предстаёт пожилая дева, полная изъянов. Поняв, что его обманули, Абӯ-л-Фадл при помощи вульгарной уловки, избегает пут неугодного ему брака и уплаты денежной компенсации за развод. Хитрость и изворотливость Абӯ-л-Фадла вызывают восторг и восхищение у Абӯ-л-Ҳайра.

В «Васитской» макаме²⁷² ал-Ҳарӣрӣ также присутствует мотив обманной свадьбы, только в качестве сводни-мошенницы выступает сам Абӯ Зайд (главный герой). Узнав о денежных затруднениях своего друга ал-Ҳариса ибн Хаммама (повествователь), Абӯ Зайд предлагает ему жениться на состоятельной невесте и тем самым решить все свои проблемы, на что тот с радостью соглашается, до конца не веря в свою удачу. Во время свадебного празднования Абӯ Зайд угощает гостей сладостями, смешанными с наркотиком, и, дождавшись, пока все потеряют сознание от наркотического опьянения, бессовестно обворовывает их.

Примечательно, что и у ал-Ҳарӣрӣ, и у ал-‘Аббаса, в отличие от пьесы Ибн Данийала, женитьба выступает в качестве лёгкого и быстрого решения финансовых затруднений персонажей, однако, в обоих случаях «женихи» становятся жертвами обмана и ничего не приобретают.

Таким образом, в произведениях ал-Ҳарӣрӣ, Ибн Данийала и ал-‘Аббаса мы наблюдаем варианты одного и того же мотива (обманная свадьба), с той лишь разницей, что авторы ставят перед собой различные художественные задачи: ал-

²⁷² «Ал-мақāма ал-вāситийя», № 29.

Ҳарӣрӣ искусно описывает дерзость и изворотливость, характерные для средневековых плутов (его главный герой-«сват» получает выгоду от своих проделок); Ибн Дәнийāl обличает общественные пороки (его главному герою воздаётся за порочный образ жизни), а ал-‘Аббās демонстрирует хитрость и красноречие своего героя (явно положительного), умение найти выход в сложной для него ситуации.

Можно предположить, с большой долей вероятности, что ал-‘Аббās заимствовал мотив обманной свадьбы из макамы ал-Ҳарӣрӣ и видоизменил его в соответствии с сюжетом пьесы Ибн Дәнийāла (у Ибн Дәнийāла и ал-‘Аббāса сюжет разворачивается в Каире). В макамах ал-‘Аббāса плутовство никогда не переходит в откровенное мошенничество, поэтому, вероятно, он и отдаёт предпочтение более привлекательной с нравственной точки зрения версии, представленной в пьесе Ибн Дәнийāла²⁷³.

«Византийская макама» ал-‘Аббāса относится к традиции романтических макам, которая впервые прослеживается у ‘Алӣ ибн Муҳаммада ‘Алā’аддйна ас-Са‘дӣ (1277-1317) в его единственной известной макаме «Пастбище газелей в описании юношей» («Марāти‘ ал-ғизлāн фӣ ваṣф ал-ғилмāн») [Hāmeen-Anttila 2002, с. 340, 386]. «Пастбище газелей» представляет собой романтическую историю без элементов плутовства, рассказываемую от лица безымянного повествователя, который вводится в сюжет при помощи традиционной для макам начальной фразы. Повествователь описывает свои любовные приключения с привлекательным юношей. Их роман начинается с взаимного увлечения и продолжается до тех пор, пока опекун возлюбленного не узнаёт об их греховной связи и не разлучает их. После разлуки автор пускается в описание красоты возлюбленного

²⁷³ Выбор ал-‘Аббāса, как нам кажется, является примером «отторжения» одной из основных идей классической макамы, причина которого была изложена выше (см. гл. 2, п. 2.2.1) – постклассические авторы макам не пожелали изображать аморального в плане поведения героя в качестве центрального персонажа, выходящего триумфатором из любой сомнительной с моральной точки зрения ситуации.

и своих болезненных любовных переживаний. В конце концов юноша, уже порядком охладевший к повествователю, снова оказывается в пределах его досягаемости, но уговоры сластолюбца возобновить отношения остаются без внимания. Таким образом, макама завершается расставанием героев [ан-Нувайрй, 1997 с. 140-149 цит. по: Hämeen-Anttila 2002, с. 340].

Сюжет «Византийской» макамы разворачивается аналогичным образом вокруг любовной истории, в которой повествователь испытывает чувства к неизвестному юноше, будучи очарованным его красотой. В тексте отсутствуют постоянные герои сборника – Абӯ-л-Хайр и Абӯ-л-Фадл. Повествование ведётся анонимным рассказчиком от первого лица. Это некий судебный служащий, о котором мы узнаём из вводной фразы, представленной безличной формулой:

«Было сообщено со слов одного переписчика, которые красиво пишут акты правительства в государственных судах. Он сказал: Когда испытывала меня судьба служением судейским людям, а я был в расцвете юности и лучшей поре молодости...» (л. 8а: 11-13).

Объект любви рассказчика – четырнадцатилетний византийский юноша, с которым он знакомится во время службы. Несмотря на взаимность чувств рассказчика и юноши, им в итоге приходится расстаться.

Вероятно, именно нетипичная для классических макам тема (однополой любви) побудила ал-‘Аббāса написать к этой макаме отдельное предисловие²⁷⁴, предваряемое басмалой, которая, в принципе, помещается лишь в начале сочинений. Это предисловие служит прелюдией ко всей истории, а также в качестве авторского оправдания на возможные упрёки со стороны читателей – события, описываемые в макаме ал-‘Аббāсом, могут являться частью его биографии. В предисловии он пишет:

«Поистине влюблённость дело принудительное, а не добровольное» (л. 7б: 12-13); «...красота – вещь драгоценная, притягивающая сердца как притягивает

²⁷⁴ См. перевод в приложении (Р: лл. 7б-8а; V: лл. 5б-6б).

железо магнит, и в ней тайна Аллаха вложенная, и нет от принятия её отражения, и нет в спасении от неё [ничего] желательного, в её силки попадают только люди благородства и совершенства» (л. 8а: 4-7); «Если ты не любил, то и не познал, что такое любовь» (л. 8а: 10).

Внимание также привлекает тот факт, что название этой макамы продублировано макамой № 8 («Византийская»), которая написана как раз в соответствии со всеми требованиями жанра макамы. Всё это вместе с отмеченными выше особенностями сюжета и персонажей ставят вопрос о принадлежности макамы № 2 к сборнику ал-‘Аббāса, а также *подлинном* количестве *макам* в его цикле [Hämeen-Anttila 2002, с. 398].

Нравоучительный сюжет макамы «О жадности и довольстве малым» имеет сходство с «Рассказом пятого везира о коварстве женщин» из «Повести о царе, царевице, везирах и невольнице»²⁷⁵, входящей в сборник «1001 ночи» [Средневековые ар. пов. 1982, с. 33-39]. Разорившийся от собственного расточительства юноша поступает на службу в дом к одиннадцати старикам, которые обещают ему щедрую плату, при условии, что он будет о них заботиться, не спрашивая о причине их оплакиваемого горя. По прошествии двенадцати лет, когда из всех стариков в живых остался лишь один, да и тот при смерти, юноша решил узнать о причине горя, постигшего его меценатов. Но в ответ он получил лишь предостережение о таинственной двери в доме, которую нельзя открывать, так как это повлечёт за собой неисчислимые беды. Положившись на волю Аллаха, юноша всё же открыл дверь и сказочным образом оказался в неизвестном ему царстве, в котором правили одни женщины. Попад в это место, юноша, неожиданно для себя, был возведён на престол и обвенчан с царицей. В обмен на обеспеченную жизнь ему было поставлено единственное условие – не открывать уже другую запретную дверь. Но будучи ослеплённым алчностью, юноша отрыл и эту дверь и – снова

²⁷⁵ М.И. Герхард в своём исследовании «1001 ночи» указывает на персидское происхождение этой повести, переложённой, вероятно, в VIII в. и дублирующей «Историю царя Вирд-Хана и его сына Джалиада» (975-985 ночи) из того же сборника [Герхард 1984, с. 358-359].

оказался в обители уже покойных стариков. Лишившись блаженства и надежды его вновь обрести, юноша провёл остаток жизни, как и до него старики, оплакивая своё горе.

В макаме «О жадности и довольстве малым» Абӯ-л-Хайр, желая развеять скуку, отправляется на поиски Абӯ-л-Фадла и находит того весьма опечаленным. Отвечая на просьбу поведать о причине своего горя, Абӯ-л-Фадл произносит нравоучительную речь о необходимости совершать благие дела, а затем рассказывает историю о некоем племени, которое он однажды повстречал в пустыне. Люди этого племени всё время находились в глубокой тоске и печали. Пытаясь узнать о причине их горя, Абӯ-л-Фадл сам волшебным образом перенёсся в сказочную страну, которой правили женщины-джинны. Обитательницы этой страны стали служить ему при условии, что он не станет заглядывать в некий запечатанный кувшин. Проведя три года в достатке, Абӯ-л-Фадл решил пойти на хитрость, чтобы узнать о содержании кувшина. Он начал добиваться близости с предводительницей джинов²⁷⁶, однако она, ссылаясь на текст Корана [16:72], отказала ему из-за разницы в природе их происхождения (он – человек, она – джинн). В ответ Абӯ-л-Фадл объявил, что он является приверженцем ханафитской школы права, а согласно её предписаниям близость подобного рода допускается, на что указывает соответствующий хадис²⁷⁷. Убедившись в настойчивости желания Абӯ-л-Фадла, женщина-джинн отправила его к одной из своих служанок. Однако, выйдя из дома, Абӯ-л-Фадл был внезапно перенесён обратно в пустыню. Только тогда он

²⁷⁶ Какое это имело отношение к запечатанному кувшину, осталось неясным. Можно предположить, что став женой Абӯ-л-Фадла, женщина-джинн должна была бы выдать ему эту тайну как своему мужу.

²⁷⁷ سئل الإمام مالك رضي الله عنه عن نكاح الجن. فقال النبي صلى الله عليه وسلم: "لا أرى به بأساً في الدين ولكن أكره إن توجد امرأة حامله فتدعي أنه من زوجها من الجن فيكثر الفساد".

Желание Абӯ-л-Фадла могло быть удовлетворено, так как сунна пророка Мухаммада в данном случае дополняет и поясняет предписания Корана, а не противоречит им (см. правовую методологию ханафитской школы).

понял, отчего горевали люди из племени, встреченного им в пустыне. Далее Абӯ-л-Фадл сравнивает себя с Адамом, изгнанным из рая, и призывает Абӯ-л-Хайра к благочестию и довольству малым.

Как видно, оба представленных выше сюжета близки по содержанию и отражают одну и ту же мораль – призыв к умеренности в желаниях. Однако заимствуя сказочный сюжет из сборника «1001 ночи», ал-‘Аббās вводит в него новый и необычный по сути элемент – выяснение правовых отношений между людьми и сказочными существами – джиннами.

3.6.3 Правовые реалии в сюжетах макам ал-‘Аббāса

По большому счёту, сборник макам ал-‘Аббāса как памятник позднесредневековой арабской литературы представляет собой источник правовых, филологических, религиозных и исторических реалий в силу многосторонних взглядов их автора, которые в последующем могли бы быть более детально изучены в свете одного из этих аспектов.

Так, например, сюжеты макам ал-‘Аббāса затрагивают области классических мусульманских наук (хадисоведение, грамматика, поэзия, правоведение), по всей видимости, изученные автором в большом объёме (в тексте также встречаются упоминания ал-Байдāвī, ал-Исфарāйīнī, ал-Ва’вы’ ад-Димашқī). Л. Шейхо также отметил, что многие темы, затрагиваемые в макамах ал-‘Аббāса, касаются вопросов ислама (право, хадисоведение, коранические науки) [Шейхо 1924, с. 347-348]. Однако наиболее близкой из них ему, очевидно, приходилось именно мусульманское право. В восьми макамах ал-‘Аббāса из двадцати шести мы обнаруживаем сюжеты, напрямую связанные с мусульманским правом, либо затрагивающие в различной степени правоведческую тематику (№№ 1, 2, 7, 13, 14, 15, 20, 21). В «Законоведной» макаме (№ 1) и в макаме «О грамматических загадках» (№ 21) Абӯ-л-Фадл выступает в роли красноречивого знатока тонкостей мусульманского права – он с лёгкостью решает парадоксальные законоведные загадки. В макаме «О жадности и довольстве малым» (№ 20) он пытается добиться близости

с женщиной-джинном, спекулируя на разнице между постановлениями мусульманских правовых школ. В трёх макамах Абӯ-л-Фадл участник судебного спора (№№ 7, 13, 14). В «Румийской» макаме (№ 2), в принципе не имеющей связи с остальными макамами сборника, так как в ней отсутствуют традиционные персонажи, главный герой служит секретарём в суде, составляя правовые акты.

Интерес представляет не только количество, но и наполнение сюжетных элементов связанных с правом, особенно в тех макамах ал-‘Аббāса, где прослеживается чёткая параллель с макамами ал-Ҳарӣрӣ. Так у обоих авторов в «Законоведной макаме» (№ 1 и № 15) герои макам доказывают своё превосходство над слушателями остроумным решением парадоксального юридического казуса. Зависимость ал-‘Аббāса от ал-Ҳарӣрӣ подчёркивается тем, что у обоих авторов казусы облечены в стихотворную форму, и даже в одном и том же размере. Стихотворный размер ответов, представленных Абӯ-л-Фадлем и Абӯ Зайдом, также совпадает (хафйф).

Суть юридических казусов состоит в следующем: ал-Ҳарӣрӣ приводит в своей макаме парадокс о наследстве, – некто умер, оставив родного брата и жену. У жены тоже имеется брат. При разделе имущества жена и её брат получили свою долю, в то время как родной брат покойного остался ни с чем, но такое решение закону не противоречит.

У ал-‘Аббāса представлен казус из области семейного права – спрашивается, каким образом женщина могла иметь двух мужей в течение суток, не нарушив при этом шариата?²⁷⁸

Уже по содержанию загадки видно, что ал-‘Аббāс проявляет бо́льшую осведомлённость в вопросах мусульманского права, чем ал-Ҳарӣрӣ. Чтобы понять суть ответа ал-Ҳарӣрӣ, вполне достаточно смекалки и бытовых познаний в семей-

²⁷⁸ В данном случае весьма любопытным для сравнения оказывается сюжет персидского средневекового рассказа «Плутовка из Багдада», в котором героиня по имени Дале Мухтār официально заключила брачный контракт сразу с двумя мужьями и более года «дни проводила в любовных утехх с Селимом, а ночи – с Салемом» [Сред. перс. проза 1986, с. 14].

но-родственных отношениях²⁷⁹ (‘ādāt), в то время как в ответе ал-‘Аббāса затрагиваются тонкости мусульманского права, а именно разница в постановлениях мусульманских школ (мазхабов). При этом надо учитывать, что в позднем средневековье было известно множество юридических загадок, наподобие представленной у ал-Ḥарīrī, и ал-‘Аббāс вполне мог задействовать одну из них и в своей макаме. Однако, вместо этого, он, вероятно, из желания продемонстрировать свои знания в области шариата, предпринял попытку собственного, оригинального сюжетного наполнения, при этом следуя в целом композиционному канону, представленному у ал-Ḥарīrī.

Таким образом, наличие в маках ал-‘Аббāса специфической правовой тематики, а также обязательное завершение каждой из них цитированием Корана, о чём уже было сказано выше, позволяют предположить о его профессиональной принадлежности к факихам-хадисоведам²⁸⁰.

²⁷⁹ Ответ см. [Борисов, Долинина, Кирпиченко 1987, с. 80].

²⁸⁰ Фақїх – юрист, знаток мусульманского права, при принятии решений использующий в качестве источника права Коран и сунну.

Заключение

«В контексте средневековой», а значит религиозной, «культуры роль литературы как особого типа текстов определялась тем, что она выступала передатчицей правильно реализованных поведенческих моделей» [Брагинский 1991, с. 20]. Начиная с момента зарождения главной задачей арабо-мусульманской литературы являлось обучение этическим нормам, религиозной морали и культурным ценностям посредством мудрых наставлений, советов и примеров из прошлого и настоящего. Адаб как литературное вежество возник в мусульманской среде и не мыслился вне религиозного контекста. Разработанный средневековый литературный канон включал в себя обязательное сопровождение текста сочинения многочисленными цитатами, в первую очередь цитатами из Корана и других сочинений религиозного характера. Темы и мотивы сочинений, отвечавшие мусульманским этическим нормам, считались вечными и неизменными, допускались лишь вариации внутри литературного канона. То же самое касается формы, способов художественного воплощения темы и идей произведения.

В эпоху расцвета мусульманской средневековой культуры (VIII-XII вв.) особое значение приобрело искусство красноречия, оказавшее неоценимое влияние на развитие арабской и персидской книжной литературы. К этому времени относится становление орнаментальной прозы высокого стиля, обладающей изысканностью, гармоничной организацией фраз, особым набором лексем и риторических приёмов. Произведения в подобном возвышенном стиле изначально создавались для образованного класса аристократов, чиновников и интеллигентов, и нередко были настолько замысловатыми, что для их понимания даже современникам требовались соответствующие комментарии.

В X веке благодаря творчеству ал-Хамазāнī появился новый жанр изысканной прозы – макама, который вобрал в себя все существовавшие прежде литературные канонические элементы – главным образом это изысканный высокий стиль изложения, насыщенный риторическими приёмами;

функционально продуманное смешение прозаических элементов с поэтическими; сочетание развлекательности сюжета с дидактикой. Существенными особенностями макамы, доселе не известной арабской назидательной литературе, стали: открытая установка на вымысел в повествовании (как следствие этого отказ от *исна́да* и использование традиционной вводной фразы с указанием вымышленного повествователя), а также использование низкого в плане морали главного героя, неподдающегося однозначной эстетической оценке из-за сочетания в нём таланта красноречия и вульгарного поведения. Именно благодаря этим особенностям термин «макама» обогатился новым содержанием, обозначив собой первый жанр арабской художественной прозы, который несколько позже обрёл завершённый композиционный и стилевой канон в творчестве ал-Харйрй.

По мнению К. Брокельмана, период между макамами ал-Харйрй (XI в.) и ал-Йазиджй (XIX в.) характеризуется упадком жанра [Brockelmann 1986, с.114]. Учёный указывает на отсутствие в этот период авторов макама, достойных упоминания, и вообще сколько-нибудь значимых художественных прозаических произведений. Несостоятельность попытки арабских литераторов оживить жанр в его канонической форме в XIX веке (за исключением ал-Йазиджй), он объясняет чрезмерной дидактичностью содержания сборников макама и их бессюжетностью.

С таким мнением нельзя полностью согласиться. Макамы, созданные в период между ал-Харйрй и ал-Йазиджй, в принципе известны значительно меньше. В большинстве исследований, рассматривающих жанровые особенности макамы, все выводы базируются почти исключительно на материале сборников классических авторов (ал-Хамазāнй и ал-Харйрй). Таким образом, вполне допустимо, что заключения о природе жанра представляются не полными. Для того чтобы получить более достоверное представление в этой области, необходимо изучить все недавно опубликованные библиографические работы и каталоги рукописных коллекций, а также провести исследования рукописей, содержащих постклассические сборники макама, в тех библиотеках, содержание чьих фондов не было до конца

раскрыто²⁸¹.

Сборник макам ал-‘Аббāса опровергает мысль К. Брокельмана и Ш. Пелла о том, что макамы постклассического периода полностью утратили сюжет. В них действительно наблюдается доминирующее значение дидактики, что, однако, характерно для средневекового литературного канона в принципе. Одним из свидетельств существования канона макамы и в постклассический период является то, что, помимо неотъемлемым базовых элементов жанра, в макамах ал-‘Аббāса сохранились вымысел в повествовании и асоциальный, красноречивый главный герой.

На наш взгляд, последующее воплощение макамы, кажущееся более блеклым в сравнении с моментом её зарождения, связано с недостатком понимания тонкостей идейного содержания классических макам у авторов-последователей и их нежеланием (или неумением) соблюсти все жанровые требования, предъявленные в сборнике ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī. От этого большинство постклассических макам предстают в безжизненной, пустой филологически «отшлифованной» форме. Также, безусловно, свою роль играют довлеющий авторитет адабной литературы, диктующей свои задачи писателям, и несоизмеримость талантов авторов-классиков и их последователей.

Макамы ал-‘Аббāса отличаются устойчивым композиционным построением, достаточной мотивировкой действия, достигающего своей кульминации в момент произнесения главным героем центральной речи. Герой ал-‘Аббāса образован, находчив и умен. Его основным отличием от героев классических макам являются менее безнравственные плутовские проделки, при общем незначительном

²⁸¹ К сожалению, даже в подобных исследованиях могут оставаться упущенными важные сведения и детали. Так в перечне авторов и рукописей макам, составленным Я. Хямен-Аттилой, по непонятной причине отсутствуют какие-либо упоминания о петербургской рукописи В 66, хотя её с лёгкостью можно найти в каталогах рукописей ИВР РАН [Халидов 1986; Халидов 1960]. Не упоминаются в нём и другие рукописи макам из арабского фонда этого института (ал-Ḥавvās, ас-Суйūtī и т.д.).

количестве плутовских сюжетов в сборнике. В макамах ал-‘Аббāса, как и в жанре макамы в целом после ал-Ḥарйрй, возобладали тенденция к упрощению сюжетно-композиционного построения за счёт усиления роли риторического элемента как на формальном, так и на содержательном уровнях.

Заимствуя у ал-Ḥарйрй не только литературную форму, но порой даже построение сюжета и некоторые мизансцены, ал-‘Аббāс попытался создать свой цикл дидактических новелл, выдержанных в традиционном стиле макамы. С точки зрения средневековых арабских филологов подобное заимствование (*ахз*) не считается плагиатом (*сурқа*), поскольку ал-‘Аббāс облекает мысли ал-Ḥарйрй в свои слова [Шидфар 1974, с.188-189]. Он, по мере своих возможностей, пытается следовать образцу ал-Ḥарйрй. Вопрос состоит в том, насколько эти попытки можно считать удачными. Сам ал-‘Аббāс в предисловии к сборнику признаётся в «непосильности задачи», «возложенной» на него ал-Ḥарйрй²⁸², хотя скорее всего это является традиционной формулой, характерной для предисловий к сочинениям подобного типа.

С нашей точки зрения, макамы ал-‘Аббāса определённо обладают художественной и научной ценностью. Проведённый в диссертации анализ их идейного содержания и особенностей композиционного построения подтверждает устойчивость макамого канона в период позднего средневековья. При сравнении макама ал-Ḥарйрй и ал-‘Аббāса со схожим сюжетом видно, как канон варьируется в зависимости от интересов автора, в нашем данном случае, предположительно, факиха-хадисоведа.

Все вышесказанное позволяет нам считать макамы ал-‘Аббāса одним из звеньев в процессе развития жанра. Исследование сборника макама ал-‘Аббāса способствует определению роли макамого канона в позднем средневековье и его связей с задачами традиционной арабской назидательной литературы.

²⁸² Р: л. 2а, 7-8; V: л. 2а, 2-3.

Список использованной литературы

Исследования и критические работы на русском языке:

1. Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации / Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 104-116.
2. Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог / под ред. А. Б. Халидова. – Ч. 1–2. – М.: Наука: ГРВЛ, 1986. – 527, 336 с.
3. Ауэзова З.-А. М. Особенности развития жанра макамы в арабской литературе, XI - XIII вв. – Автореф. канд. дис. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 18 с.
4. Бациева С.М. Арабистика. 1818-1917. Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1972. – С. 270-280.
5. Беляев В.И. Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Академии наук СССР. Учёные записки института востоковедения. – М.: Издательство АН СССР, 1953. Т. VI. – С. 54-103.
6. Бертельс Д.Е. Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Введение. – М.: Наука, 1972. – С. 5-80.
7. Бертельс Д. Е. Из истории создания коллекции арабских рукописей ЛО ИВ АН СССР (по архивным документам) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. – ч. II. – М.: Наука, 1981. – С.116-122.
8. Борисов В.М. Черты гуманизма в макамах ал-Харири // Всесоюзная конференция по проблемам арабской культуры памяти акад. И.Ю. Крачковского: тезисы докладов и сообщений. Памятники письменности Востока LXXIV. – М., 1983. – С. 6-8.
9. Брагинский В.И. Проблемы типологии средневековых литератур Востока: очерки культурологического изучения литературы. – М.: Наука, 1991. – 387 с.

10. Васильева О.В. Нить жемчуга. Иранское книжное искусство XIV-XVII веков в собрании Российской национальной библиотеки. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. – 132 с.
11. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Л.: Художественная литература, 1940. – 649 с.
12. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 358 с.
13. Герхардт М.И. Искусство повествования. Литературное исследование «1001 ночи». Пер. с англ. А.И. Матвеева, пред. И.М. Фильштинского. – М.: Наука, 1984. – 453 с.
14. Грюнебаум Г.Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры / пер. с англ. – М.: Наука, 1981. – 228 с.
15. Демидчик В.П. Мир чудес в арабской литературе XIII-XIV вв.: Закария ал-Казвини и жанр мирабиллий. – М.: Восточная литература, 2004. – 277 с.
16. Долинина А.А. Реализация канона в сюжетах и композиции макам ал-Харири / Долинина А.А. Арабески: Избранные научные статьи. – СПб.: Нестор–История, 2010. – С. 35-43
17. Долинина А.А. Макамы ал-Харири: композиционная структура цикла / Долинина А.А. Арабески: Избранные научные статьи. – СПб.: Нестор–История, 2010. – С. 44-50.
18. Долинина А.А. «Адаб нищих» по макамам ал-Хамадани и ал-Харири / Долинина А.А. Арабески: Избранные научные статьи. – СПб.: Нестор–История, 2010. – С. 51-57.
19. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – 492 с.
20. Иванов В.Б. Учебник персидского языка. – М.: Издательство Московского университета, 1999. – 209 с.
21. Крачковский И.Ю. Ибн ал-Му‘тазз / Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. VI. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1960. – С. 9-280.

22. Крачковский И.Ю. Арабский отдел. Азиатский музей Российской Академии Наук. 1818-1918. Краткая памятка. – СПб., 1920. – С. 8-19.
23. Крачковский Игнатий Юлианович (1883-1951) Биобиблиографический указатель / Отв. ред. Н.В. Колпакова. – СПб.: БАН, 2007. – 232 с.
24. Крымский А.Е. Арабская поэзия в очерках и образцах. – М.: Ю. Вернер, 1906. – 346+24 с.
25. Крымский А.Е. История новой арабской литературы (XIX – начало XX века). – М.: Глав. Ред. восточной , 1971. – 794 с.
26. Куделин А.Б. Автор и традиционалистский канон / Куделин А.Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 170-223.
27. Куделин А.Б. Формульные словосочетания в "Сират 'Антар" / Куделин А.Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 170-223.
28. Куделин А.Б. Средневековая арабская графическая культура: от изобразительных фигур к рисуночному письму / Куделин А.Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 240-254.
29. Куделин А.Б. Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII-XI в.). – М.: Наука (ГРВЛ), 1983. – 260 с.
30. Лебедев В. В. Поздний среднеарабский язык (XIII—XVIII вв.). – М.: Наука (ГРВЛ), 1977. – 91 с.
31. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. – М.: Художественная литература, 1971. – 412 с.
32. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 10-257.
33. Мец А. Мусульманский Ренессанс. – Изд. 2-е. – М.: Наука (ГРВЛ), 1973. – 473 с.

34. Мошин В., Пажич-Грозданович М. Водени знак «Круна са звездом и полумесецом» // Библиотекар, XV, бр. 1. – Београд, 1963. – С. 11-20.
35. Мусульманкулов Р. Саджъ и его историческое развитие в таджикской прозе. – Автореф. канд. дис. – Душ., – 1966.
36. Мюллер А. История ислама. От основания до новейших времён. – Т. 1. – СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева. 1895. – 377 с.
37. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. – М.: Наука, 1976. – 359 с.
38. Николаев В. Водяные знаки оттоманской империи. Т. 1. София: Издание Болгарской академии наук, 1954. 640 с.
39. Парижский С.Г. Соотношение поэзии и прозы в макамах на иврите XII-XIII вв. Автореф. канд. дис. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 35 с.
40. Пелла Ш. Вариации на тему адаба. // Арабская средневековая культура и литература. Сборник статей зарубежных ученых / сост. и предисл. И. М. Фильштинского. – М.: Наука, 1978. – С. 60-76.
41. Полосин Вал. В. Арабские рукописи: плотность текста и её конвертируемость в копиях сочинения // Петербургское востоковедение. Выпуск 5 / Главный редактор И.А. Алимов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. – С. 202-220.
42. Резван Е.А. Коран и его мир. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. – 608 с.
43. Рифтин Б.Л. Типология и взаимосвязи средневековых литератур / Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. – М.: Наука, 1974. – 574 с.
44. Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. – Вып. 11. – СПб.: БАН, 2011. – 112 с.
45. Роузентал Ф. Торжество знания. – М.: Наука (ГРВЛ), 1978. – 376 с.
46. Сенковский О.И. Собрание сочинений. – Т. 3. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1858. – 505 с.

47. Сокровища османских султанов. Из собрания Музея дворца Топкапы, Стамбул. – М.: АзБука, 2010. – 200 с.
48. Тептюк П.С. Вариативность макамого канона в позднем средневековье («Законоведная макама ал-‘Аббāса», XVI в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13, Вып. 4 (декабрь). – СПб., 2012. – С. 69-75.
49. Тептюк П.С. Две рукописи макам ал-‘Аббāса (XVI век) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13, Вып. 2 (июнь). – СПб., 2012. – С. 85-89.
50. Тептюк П.С. Рукопись макам ал-‘Аббāса и её аналог в Австрийской национальной библиотеке // Письменные памятники Востока. № 1(16). – СПб., 2012. – С. 251-258.
51. Тимофеев И.В. Творчество египетского литератора XIII в. Мухаммада Ибн Даниала. Автореф. канд. дис. – М.: МГУ ИСАА, 1975. – 24 с.
52. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. – 2-ое изд. – М., 1982. – 406 с.: ил.
53. Фильштинский И. М. История арабской литературы X–XVIII века. – М.: Наука, 1991. – 725 с.
54. Френ Х.Д. Предварительное донесение о важном обогащении в нынешнем году арабскими, персидскими и турецкими рукописями Азиатского музея С.-Петербургской Академии наук, с показанием расположения оногo, и о прежних его сокровищах // Прибавление к № 98 С.-Пб. вед., 1819. – С. 1-18.
55. Фролов Д.В. Классический арабский стих. История и теория аруда. – М.: Наука, 1991. – 358 с.
56. Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. – М.: Наука (ГРВЛ), 1985. – 301 с., ил.
57. Халидов А.Б. Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. I-II. – М.: ИВЛ, 1960. Вып. I. Художественная проза. – 135 с.

58. Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI-XII вв.). – М.: Наука: ГРВЛ, 1974. – 253 с.
59. Шихалиев Ш.Ш. Торжество святости и красоты: Кораны Дагестана. – М., Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2008. – 166 с., ил.
60. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. Под ред. и с пред. И.Ю. Крачковского. – СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. – 145 с.

На западных языках:

61. Ahlwardt W. Verzeichnisse der arabischen Handschriften. Bd. 7-9, 16-22. – Berlin: A. Asher & co., 1895. Bd. 7. – 806 S.
62. Allen R. Review: Maqama: a History of a Genre // *Journal of Semitic Studies*, 49(2). 2002. – 384-386 p.
63. Allen R., Richards D.S. Arabic literature in the post-classical period. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 458 p.
64. Badawi M.M. Early Arabic drama. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 160 p.
65. Beeston A.F.L. The Genesis of the Maqāmāt Genre // *Journal of Arabic Literature*. – Brill, Vol. 2. (1971), – 1-12 p.
66. Beeston, A.F.L. Al-Hamadhānī, al-Ḥarīrī and the maqāmāt genre / *Abbasid Belles Lettres*. Ed. Julia Ashtiany et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 125-135 p.
67. Blachère R. Histoire de la littérature arabe des origines à la fin du XVe siècle de J.-C. P. – 3 vols. – Paris: Adrien-Maisonneuve, 1952-1966.
68. Blair S. Islamic Calligraphy. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 681 p. ill.
69. Bosworth C. E. The Medieval Underworld. The Banū Sāsān in Arabic Society and Literature. – Vol. I-II. – Leiden: E.J. Brill, 1976.

70. E. J. Brill's First Encyclopaedia of Islam, 1913–1936. Vol. V. L-Moriscos. – Leiden: E.J. Brill, 1993. – P 163.
71. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. – Bd. 1-2. – Weimar: Verlag von Emil Felber, 1898-1902. – Bd. 1. – 528 S.
72. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. – Bd. 1-2. – Weimar: Verlag von Emil Felber, 1902. – Bd. 2. – 714 S.
73. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. – Sb. 1-3. – Leiden: E.J.Brill, 1936-1937. – Sb. 1. – 973 S.
74. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. – Sb. 1-3. – Leiden: E.J.Brill, 1938-1944. – Sb. 2. – 1045 S.
75. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. – Sb. 1-3. – Leiden: E.J.Brill, 1939-1942. – Sb. 3. – 1326 S.
76. Brockelmann C. Maḳāma / E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam, 1913-1936. Vol. V. L-Moriscos. – Leiden, The Netherlands, 1993.
77. Brockelmann C., Pellat Ch. Maqāma / Encyclopaedia of Islam Vol. VI. – Leiden: E.J. Brill, 1986. – 107-115 p.
78. Browne E.G. A Supplementary Hand-List of the Muḥammadan Manuscripts. – Cambridge: At the University Press, 1922. – 348 p.
79. Chabot J.-B. La Littérature Syriacque. – Paris: Bloud & Gay, 1934. – 164 p.
80. al-Chalabī D. Kitāb Makḥṭūṭāt al-Mawṣil. – Baghdad: Maṭba‘at al-Furāt, 1927. – 389 p.
81. Déroche F. Islamic Codicology: An Introduction to the Study of Manuscripts in Arabic Script / Trans. D. Dusinberre & D. Radzinowicz, Ed. M. I. Waley. – Al-Furqān Islamic Heritage Foundation. – London, 2005.
82. Dorn B. A. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg: Buchdruckerei der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1846. – 776 S.
83. Ebied R.Y., Young, M.J.L. Arabic Literature in India: two Maqāmāt of Abū Bakr al Ḥaḍramī // – Studies in Islam. – vol. 15 (January), 1978. – P. 14-20.

84. Flügel G. Die Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien. – Bd. 1-2. – Wien: K.K. Hof- und Staatsdruckerei, 1865. – Bd. 1. – 615 S.
85. Fraehn CH.M. Vorläufiger Bericht über eine bedeutende Bereicherung an Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften, die das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg in diesem Jahre erhalten hat, nebst einigen Andeutungen von der Einrichtung und den sonstigen Schätzen desselben // Beilage zu № 91 der St.-Petersburg Zeitung, 1819. – S. 1-16.
86. Gabrieli F. Adab / Encyclopaedia of Islam. – Vol. I. – Leiden: E.J. Brill, 1954. – P. 175-176.
87. Gacek A. Arabic Manuscripts: A Vademecum for Readers. – Leiden: Brill, 2009. – 342 p.
88. Gacek A. The Arabic manuscript tradition: a glossary of technical and bibliography: supplement. – Leiden: Brill, 2008. – 304 p.
89. van Gelder G. J. al-‘Abbāsī . Encyclopaedia of Islam / Ed. by: Gudrun Krämer, Denis Matringe, John Nawas, Everett Rowson. – Brill Online, 2013.
90. Granja F. Maqāmas y risālas andaluzas. – Madrid: Instituto Hispano-Árabe de Cultura, 1976. – P. 14.
91. Hämeen-Anttila J. Maqama: a History of a Genre. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. – 502 p.
92. Hammer-Purgstall J. Abhandlung über die Siegel der Araber, Perser und Türken. – Wien: C. Gerold & Sohn, 1849. – S. 58.
93. Hammer-Purgstall J. Catalogus codicum arabicorum, persicorum, turcicorum bibliothecae Caesariae Regiae Vindobonensis // Fundgruben des Orients. – Wien: Vindobonae, 1818. – Bd. 6. – P. 261–288.
94. Hammer-Purgstall J. Catalogus codicum arabicorum, persicorum, turcicorum bibliothecae Caesariae Regiae Vindobonensis // Fundgruben des Orients. – Wien: Vindobonae, 1811. – Bd. 2. – P. 286–306, 403–418.

95. Hammer-Purgstall J. Codicia arabicos, persicos, tursicos bibliothecae Caesareo-Regiopalatiane-Vindobonensis. Vindobonae, 1820. – 68 S.
96. Hammer-Purgstall J. Hammer-Purgstall's Handschriften (arabische, persische, türkische). – Wien: Gedruckt bey Carl Gerold, 1840. – 584 S.
97. Hartman M. Hāfiz Ibrāhīm / Essays in Arabic Literary Biography: Studien und Texte zur Literatur des Orients / – 3. 1850-1950. – Ed. by Allen R. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. – 395 S.
98. Jacquet M.E. Mélanges malais, javanais et polynésiens : N° III. Bibliothèque malay // Nouveau Journal Asiatique. – Fév., 1833. – P. 97-132, 222-267.
99. Katsumata N. The Style of the Maqāma: Arabic, Persian, Hebrew, Syriac // Arabic and Middle Eastern Literatures. – Vol. 5. No. 2, 2002. – P. 117-137.
100. Kilito A. al-Adab wa-l-irṭiyāb. – al-Dār al-Bayḍā': Dār tūbqāl lit-tibā'a wa-n-nashr, 2007. – P. 80.
101. Kilito A. Al-Ghā'ib: dirāsa fī maqāma lil-Ḥarīrī. – ad-Dār al-Bayḍā': Dār tūbqāl lit-tibā'a wa-n-nashr, 1987. – P. 94.
102. Kilito A. Le genre séance: Une introduction // Studia Islamica, XLIII, 1976. – P. 25-51.
103. Loveday H. Islamic Paper: a Study of the Ancient Craft. – London: Don Baker Memorial Fund, 2001. – P. 90.
104. Malti-Douglas F. Maqāmāt and Adab: "Al-Maqāma al-Maḍīriyya" of al-Hamadhānī // Journal of the American Oriental Society. – Vol. 105, No. 2. Apr. - Jun., 1985. – P. 247-258.
105. Massah R., Negahban F. 'Abd al-Raḥīm Al-'Abbāsī. Encyclopaedia Islamica. Editors-in-Chief: Wilferd Madelung, Farhad Daftary. – Brill Online, 2013.
106. Moosa M. The origins of modern Arabic Fiction. – 2nd ed. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1997. – 455 p.
107. Neuwirth A. Al-Ḥarīrī's Travel in Search of Distraction: al-Riḥla fī ṭalabi l-istiṭrāf // Tropes du voyage, Le voyage dans la littérature arabe, I. Départs, Annali di Ca'

- Foscari, XLVIII, 3, Serie orientale, 40. – Venezia: Studio Editoriale Gordini, 2009. – P. 39-50.
108. Polosin Val.V. Ibn Muqla and the Qur'ānic Manuscripts of Oblong Format // *Mélanges de l'Université Saint-Joseph (Beyrouth)*. – Vol. LIX, 2006, – P. 309-317. ill.
 109. Ibn al-Qiftī. *Ta'rīkh-i Ḥukamā'* / ed. by J. Lippert. – Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1903. – 499 S.
 110. Ostle R.C. *Studies in modern Arabic Literature*. Ed. Ostle R.C. – Warminster: Aris & Phillips, 1975. – 202 p.
 111. Roger A. Review: *Maqama: a History of a Genre* // *Journal of Semitic Studies*. – 49(2). 2002. – P. 384-386.
 112. Rosen V. *Notices Sommaires des Manuscrits Arabes du Musée Asiatique*. – Saint-Pétersbourg: Eggers & Co. et J. Glasounof <...> commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences, 1881. – 256 p.
 113. Rosenthal F. *Knowledge Triumphant: The Concept of Knowledge in Medieval Islam*. – Leiden: Brill, 2007. – 355 p.
 114. Rousseau J. L. *Catalogue d'une Collection de Cinq Cents Manuscrits Orientaux*. – Paris: Imprimerie de le Normant, 1817. – 53 p.
 115. Ibn Sharaf al-Qayrawānī. *Mas'āil al-intiqād* // *Questions de Critique Littéraire*. Éd. C. Pellat. – Alger: Editions Carbonel, 1953. – 127 p.
 116. Schlottmann K., Joseph von Hammer-Purgstall. – Zürich: Meyer & Zeller, 1857. – 65 S.
 117. Tarchouna M. *Les marginaux dans les récits picaresques arabes et espagnols* // *Faculté des Lettres et Sciences Humaines, sixième série, Philosophie-Littérature*, vol. 22. – Tunis: Université de Tunis, 1982. – 555 p.
 118. *Three Shadow Plays by Muhammad Ibn Daniyal*. Ed. Paul Kahle. – Cambridge: Gibb Memorial Trust, 1992. – 196 p.
 119. Yoltar-Yildirim A. A 1498-99 Khusraw Va Shīrīn: Turning the Pages of an Ottoman Illustrated Manuscript // – Vol. 22. – Muqarnas: Brill, 2005. – P. 95-109.

На восточных языках:

120. Зайдан Дж. Та'рих ад-даб ал-луға ал-'арабийя. – 4 дж. 1910-1913. – ал-Қахира: Мағба' ал-Хилал, 1914. дж. 4. – 294 с.
121. Закариййа, Абӯ-л-Хусайн Аҳмад ибн Фāрис. Му'дjam макāйис ал-ллуға. – Дār ал-Джайл, 1999. – 174 с.
122. Ибрāхймī Х.Ф. Мақāmэ-нивйсī дар адабиййāt-и фāрсī о та'сīр-и мақāmāt-и 'арабī дар āн. – Тихрāн: Дāнишгāх-и Тихрāн, 1346.
123. Yāqūt. Irshād al-Arīb ilā Ma'rifat al-Adīb / ed. by D. S. Margoliouth. – Vol. 1-7. – London: Luzac, 1931. Vol. VII. – 366 p.
124. Ибн ал-Қифтī, 'Алī ибн Йусūф. Инбāх ар-рувā 'алā анбāх ан-нухā. дж. 1-4. Тахқīқ Муҳаммад Абӯ-л-Фадл Ибрāхйм. – ал-Қахира: Дār ал-фикр ал-'арабī; Байрūt: Му'ассасат ал-кутуб ал-сақāфиййа, 1986. – дж. 3. – 414 с.
125. Маджāнī-л-адаб фī хадā'иқ ал-'араб. I-VI./ Шейхо Л. – Байрūt: Мағба'ат āбā'а ал-мурсилīн ал-йасуи'йīн, 1957. – дж. VI.
126. ан-Нувайрī, Аҳмад. Нихāйат ал-'араб фī фунūн ал-адаб. – ал-Қахира: Визāрат ас-сақāфа ва-л-иршād ал-қавмī, ал-му'ассаса ал-мисриййа ал-āмма ли-т-та'лīф ва-т-тарджама ва-т-тибā'а ва-н-нашр, 1997. – 333 с.
127. ар-Райшахрī, Муҳаммад. Мīзāн ал-ҳикма. – дж. 1. – Байрūt: Дār ал-ҳадīs, 1996. – 787 с.
128. Расā'ил Ибн Абī-л-Хиṣāl ал-Андалусī. Тахқīқ Муҳаммад Ридвāн ад-Дāййа. – Димашқ: Дār ал-Фикр, 1988. – 752 с.
129. ас-Са'āлибī, Абӯ Манṣūr. Йатīмат ад-дахр фī маҳāсин ахл ал-'аср. – ал-Қахира, 1956. – дж. IV.
130. ath-Tha'ālibī. Yatīmat ad-dahr fī shu'arā' ahl al-'aṣr. – I-IV. – Damascus: Dār al-kutub al-'ilmiyya, 1886. – Vol. III. – 333 p.
131. Ибн Таймиййа, Аҳмад. Маджмӯ' фатāвā. – ал-Мадīна: Визāра ал-шу'ўн ал-ислāмиййа, 2004. – 464 с.
132. Хāдджī Халīфа. Кашф аз-зунūн 'ан асāмī-л-кутуб ва-л-фунūн. – 1-2. – Байрūt: Дār ал-кутуб ал-'илмиййа, 1992.

133. Ҳасан А.Х. Адаб ал-кудйа фй-л-‘аср ал-‘аббасӣ. – ал-Лазикиййа: Дār ал-ҳивār, 1986. – 255 ҷ.
134. ал-Ҳусрӣ, Ибрāхӣм. Захр ал-ādāб ва Ҷамар ал-албāб. Шарҳ Зақӣ Мубārак, таҳқӣқ Муҳаммад ‘Абдалҳамӣд. – Байрӯт: Дār ал-Джйл, 1972. – дж. 1.
135. Шейхо Л. Шу‘арā’ ан-насрāниййа ба‘д ал-ислām. – Дж. I-X. 1859-1927. – Байрӯт: Матба‘ат ābā’a ал-мурсилйн ал-йасуи‘ийн, 1924. – Дж. IX. – (288) 395 ҷ.

Словари:

136. Гиргас В.Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. – СПб.: Диля, 2006. – 928 с.
137. Ягелло И.Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. – Ташкент: Электр.-пар. типо-литография Штаба Туркест. военного округа, 1910. – 1815 с.
138. Lane E.W. An Arabic-English Lexicon. – 8 vol. – Beirut: Libraire du Liban, 1968.
139. Реинхарт Дози. Такмила ал-ма‘āджим ал-‘арабиййа. – 11 дж. – Бағдād: Дār ал-шу’ўн ас-Ҷақāфа, 1978-2000.
140. Муҳаммад Ибн Манзӯр. Лисāн ал-‘араб. – 6 дж. – Байрӯт: Дār Ҷадир, 1955-1956.
141. Са‘йд ал-Ҳӯрӣ аш-Шартўнӣ. Ақраб ал-мавāрид фй фуҶаҳ ал-‘арабиййа ва аш-шавāрид. – 3 дж. – Байрӯт: Матба‘ат ābā’a ал-мурсилйн ал-йасуи‘ийн, 1889.

Источники и переводы на русском языке:

142. Ибн Абд Раббихи. Чудесное ожерелье / пер., предисл. и коммент. Б. Я. Шидфар. – М.: Художественная литература, 1985. – 480 с.
143. Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы. Пер. с араб. А.А. Долининой и Вл.В. Полосина. Отв. ред. Б.Я. Шидфар. – М.: Наука, 1983. – 142 с.

144. Ауэзова З.-А. М. Особенности развития жанра макамы в арабской литературе, XI - XIII вв. / Дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. – СПб., 1993. – 211 с.
145. Ватвāt, Рашīд ад-дйн. Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хадā'иқ ас-сихр фй дақā'иқ аш-ши'р) / Пер. с перс., исследование и ком. Н.Ю. Чалисовой. – М.: Наука, 1985. – 324 с.
146. Гордлевский В.А. Анекдоты о ходже Насреддине / Пер. с тур. В.А. Гордлевского. – М.: Издательство восточной литературы, 1957. – 274 с.
147. ал-Джахиз. Ибн Абд Раббихи. Книга о скупых. Чудесное ожерелье / Пер., предисл. и коммент. Х.К. Баранова. – М.: Художественная литература, 1985. – 477 с.
148. ал-Джахиз. Книга о скупых / Пер. с араб., предисл. и примеч. проф. Х.К. Баранова, под ред. И. М. Фильштинского. – М.: Наука, 1965. – 287 с.
149. Крачковский И. Ю. Абу-л-Фарадж ал-Вава Дамасский: материалы для характеристики поэтического творчества. – Петроград: Типография Императорской академии наук, 1914. – 378+156 с.
150. Крачковский И.Ю. Новозаветный апокриф в арабской рукописи 885-886 года по р. Хр. // Византийский временник. – т. XIV, вып. 2/3. – СПб., 1909. – С. 246-272.
151. Крачковский И.Ю. Проповедник: макама шейха Насыфа ал-Йазыджи. Пер. с ар. И.Ю. Крачковского // Восток: журнал литературы, науки и искусства. – Книга вторая. – М.-Петроград: Всемирная литература, 1923. – С. 31-34.
152. Ибн аль-Мукаффа. Калила и Димна / Пер. с араб., предисл. и коммент. Б. Шидфар. – М.: Художественная литература, 1986. – 303 с.
153. Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (ал-Му'джам фи ма'айир аш'ар ал-'аджам). Ч. II. О науке рифмы и критики поэзии / Пер. с перс., исслед. и коммент. Н.Ю. Чалисовой. – М.: Восточная литература, 1997. – 470 с.
154. Средневековые арабские повести и новеллы / Пер. с араб. Р.М. Алиева. Пред. Б.Я. Шидфар. – М.: Наука, 1982. – 399 с.

155. Средневековая персидская проза / Пер. с перс., сост. Н.Ю. Чалисова, пред. Н.Б. Кондырева. – М.: Правда, 1986. – 480 с.
156. Тептюк П.С. «Законоведная макама» ал-‘Аббаса по рукописи В 66 из фонда ИВР РАН (XVI в.) // Письменные памятники Востока. № 1(16). – СПб., 2013. – С. 233-240.
157. Тысяча и одна ночь: Собрание сказок: в 8 т. / пер. и ком. М.А. Салье, ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2007.
158. ал-Хамазани Бади‘ аз-Заман. Макамы / Пер. с араб. А. А. Долининой, З.М. Ауэзовой. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 228 с.
159. Альхаризи Йехуда. Тахкемони. Еврейские средневековые плутовские новеллы / Пер. с ивр. В. Лазариса. – М.: Лабиринт, 2013. – 608 с.
160. ал-Харири Абу Мухаммед аль-Касим. Макамы / Пер. с араб. В. М. Борисова, А. А. Долининой, В. Н. Кирпиченко. – М.: Наука, 1987. – 267 с.
161. ал-Харири, Абу Мухаммед ал-Касим. Макамы: арабские средневековые плутовские новеллы / Пер. В.М. Борисова, А.А. Долининой, В.Н. Кирпиченко. – М.: Наука, 1978. – 220 с.

На западных языках:

162. Cheikho P. L. Chrestomathia Arabica cum Lexico Variisque Notis. Editio Secunda Emendata. – Beryti: Typographia Patrum Societatis Jesu, 1910-1911. – 488 S.
163. Karmalī A. Al-Maqāmāt al-Naṣrāniyya li Ibn Mārī // Al-Machriq. Troisième Année. – Beyrouth: Imprimerie Catholique, 1900. – P. 591-598.

На арабском языке:

164. аз-Замахшарӣ М. ал-Мақамāt. – Маср: ал-Маṭба‘ ал-‘Аббасиййа, 1984. – 257 с.
165. Ибн Мārī, Йахйā ибн Са‘йд. Мақамāt: тахқйқ ва дирāса Нāдир Муṣāвира. – Кафр қара‘: Дар ал-худā ли-ṭ-ṭибā‘ ва ан-нашр, 2006. – 531 с.

166. ас-Суйūtī А. ал-Мақāmāt. – Байрūt: Дār ал-кутуб ал-‘илмиййа, 1986. – 127 қ.
167. ас-Суйūtī А. ал-Мақāmāt. – Құстантїниййа: Матба‘ат Құстантїниййа, 1880. – 101 қ.
168. ас-Суйūtī А. Шарх мақāmāt Джалālуддїн ас-Суйūtī. 1-2. Тахқиқ Самїр Махмūd ад-Дурӯбї. – Байрūt: Му‘ассасат ар-рисāла, 1989.
169. as-Suyūṭī. Maqāmāt: al-adabīyya wa-ṭ-ṭibbīyya. Ed. Muhammad Ibrahim Salim. – Al-Qahira: Maktabat Ibn Sina, 1988. – 272 S.
170. ал-Хамазāнї, Бадї‘ аз-Замāн. Мақāmāt Бадї‘ аз-Замāн ал-Хамазāнї. Шарх Муҳаммад ‘Абдо. – ал-Қāхїра: Дār ал-Фадїла, 2004. – 265 қ.
171. ал-Хамазāнї, Бадї‘ аз-Замāн. Шарх мақāmāt Бадї‘ аз-Замāн ал-Хамазāнї. Муҳаммад ‘Абдалхамїд. – Байрūt: Дār ал-кутуб ал-‘илмиййа, 1979. – 485 қ.
172. ал-Хамазāнї, Бадї‘ аз-Замāн. Кашф ал-маāнї ва-л-байāн ‘ан расā’ил Бадї‘ аз-Замāн. – Байрūt: Матба‘ат ābā’a ал-йасуи‘їйн 1890. – 545 қ.
173. ал-Харїрї, Абӯ Муҳаммад. ал-Мақāmāt. Тахқиқ: Йўсїф Бақā’ї. – Байрūt: Дār ал-кутуб ал-лубнāнї, 1981. – 427 қ.

Электронные ресурсы:

174. Hatifi. Khusrau and Shirin / The Metropolitan Museum of Art, 69.27. – Режим доступа на 20.04.2013: http://www.metmuseum.org/collections/search-the-collections/140009411?rpp=15&pg=1&rndkey=20130420&high=on&ft=* &deptids=14 &what=Watercolors|Binding&img=41#fullscreen.
175. Younansardaroud H. Eine syrisch-christliche Maqāme von `Abdīšō` bar Brīkā: Ein Beitrag zur nahöstlichen Maqāmenliteratur / Deutsche Forschungsgemeinschaft. – Режим доступа на 20.04.2013: <http://www.geisteswissenschaften.fu-berlin.de/izma/forschung/abgeschlossen/maqame/index.html>.

176. ал-‘Амилӣ Муҳаммад ибн ал-Ҳасан ал-Ҳурр. Тафсӣл васә’ил аш-шй’а илā таҳсӣл масә’ил аш-шарй’а. дж. 15. ҷ. 241 (№ 20387). – Режим доступа на 27.04.2013: <http://www.yasoob.com/books/html/m012/10/no1053.html>.
177. ат-Тармизӣ Муҳаммад ибн ‘Йсә. Сунан ат-Тармизӣ: Китāб ад-давāt: Бāб фй фадл ат-тавба ва ал-истигфār. ҷ. 509-510 (№ 3535) – Режим доступа на 20.04.2013: <http://hadith.al-islam.com/Page.aspx?pageid=192&BookID=26&TOCID=1986>.
178. ат-Тармизӣ Муҳаммад ибн ‘Йсә. Сунан ат-Тармизӣ: Китāб тафсӣр ал-қурāн: Бāб ва мин сӯра банй исрā’йл. ҷ. 288 (№ 3148) – Режим доступа на 20.04.2013: <http://hadith.al-islam.com/Page.aspx?pageid=192&BookID=26&PID=3073>.
179. ат-Тармизӣ Муҳаммад ибн ‘Йсә. Сунан ат-Тармизӣ: Китāб Ҷифа ал-қийāма ва ар-рақā’иқ: Бāб минху. ҷ. 918 (№ 2460) – Режим доступа на 20.04.2013: http://library.islamweb.net/newlibrary/display_book.php?bk_no=2&ID=1617&idfrom=2377&idto=2445&bookid=2&startno=7.
180. ал-Бухārй Муҳаммад ибн Исма’йл. Ҷаҳйх: Китāб ад-давāt: Бāб қаул лā ҳавл ва лā кувва иллā биллā. ҷ. 218 (№ 6046). – Режим доступа на 27.04.2013: <http://hadith.al-islam.com/Page.aspx?pageid=192&BookID=24&TOCID=3584>
181. ал-‘Амирй Аҳмад ибн ‘Абдалкарйм. ал-Джадд ал-ҳасйс фй байāн ма лайс биҳадйс: Бāб ал-хā’. (№ 151). – Режим доступа на 27.04.2013: http://library.islamweb.net/hadith/display_hbook.php?bk_no=1830&pid=640753&hid=151.

Приложения

1. Образцы текста рукописи В 66 и её перевод с комментариями

а. Введение к рукописи

المَقَامَةُ الْفِقْهِيَّةُ

(л. 1b) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ نَحْمَدُكَ اللَّهُمَّ عَلَى مَا بَلَّغْتَنَا مِنَ الْبَلَاغَةِ * وَ²⁸³ سَوَّغْتَ لَنَا مِنَ الصَّنَاعَةِ وَالصِّيَاغَةِ * وَ عَلَى مَا أَلْهَمْتَنَا مِنَ التَّبْيَانِ الْبَدِيعِ * وَ الْبُنْيَانِ الرَّفِيعِ * وَ عَلَى مَا دَلَّلْتَ لَنَا مِنْ جَوَامِحِ الشُّوَارِدِ * وَ دَلَّيْتَنَا عَلَيْهِ مِنْ لَوَائِحِ الْفَوَائِدِ * وَ مَا أَرَشَفْتَنَا بِهِ مِنْ سَوَافِحِ الْمَوَارِدِ * وَ أَشْرَفْتَنَا عَلَيْهِ مِنْ سَفَحِ الْمَقَاصِدِ * وَ نَشْكُرُكَ عَلَى مَا عَلَّمْتَنَا مِنْ نَوَائِغِ الْحِكَمِ * وَ نَعْمَتَنَا بِهِ مِنْ سَوَائِغِ النِّعَمِ * وَ نُصَلِّي عَلَى أَفْصَحِ مَنْ نَطَقَ بِالضَّادِ وَ الدَّالِّ * وَ مَنْ هُوَ إِلَى الْخَيْرِ هَادٍ وَ عَلَى الْحَقِّ دَالٌّ * سَيِّدِنَا مُحَمَّدٍ الَّذِي أَحْمَدُ الضَّلَالَ بِأَحْمَدِ الْخِصَالِ * وَ عَلَى سَائِرِ صَحْبِهِ وَ الْأَلِّ * مَا طَلَعَ هِلَالٌ وَ لَمَعَ آل * وَ بَعْدُ :

فَإِنَّ الْمَقَامَاتِ الْحَرِيرِيَّةَ أَشْهَرُ مِنْ أَنْ تُذَكَّرَ * (л. 2a) وَ أَكْبَرُ مِنْ أَنْ تُكَبَّرَ * وَ قَدْ حَدَثَ قَصَبَ السَّبْقِ فِي مِضْمَارِ الْبَلَاغَةِ وَ الْمُبَالَغَةِ * وَ كَلَّتْ فِيهَا الْبَصَائِرُ وَ الْأَبْصَارُ * فَهِيَ مَا بَيْنَ

²⁸³ Здесь и далее слитный союз «و» пишется через пробел со следующим за ним словом. Подобное написание является основным в обеих рукописях.

رَائِعَةٌ وَ زَائِعَةٌ * لِأَنَّ الْحَرِيرِي أَدْهَشَ²⁸⁴ كُلَّ نَاسِجٍ عَلَى مَنَوَالِهِ * وَ حَيْرَ كُلَّ عَابِرٍ فِي مَسْلَكِ مَقَالِهِ
 * حَيْثُ اخْتَرَعَ وَ اسْتَوْعَبَ * وَ اقْتَرَحَ وَ اسْتَصَوَّبَ * وَ قَدْ كَلَّفَنِي مَنْ لَا أُطِيقُ رَدَّهُ * وَ لَا
 أَسْتَطِيعُ صَدَّهُ * أَنْ أَقْفُو إِثْرَهُ * وَ أَتْلُو خَبْرَهُ * لِيُورِقَ لِي فِي رَوْضِ الْغِرَاسِ عُودَ * وَ يَشْرُقَ لِي
 فِي أَفْقِ الْكَمَالِ سُعُودَ * وَ لَعُمْرِي إِنَّهُ تَكْلِيفُ مَا لَا يُطَاقُ * تَعْجِزُ النَّفْسُ بِالْأَمْرِ الشَّقِّ *
 فَتَطْلِفُ عَلَيْهَا بِلَطَافَةٍ * وَ ارْتَدَيْتُ فِيهَا بِلِفَافَةٍ * وَ قَنَعْتُ مِنَ الْبَحْرِ بِالْوَشْلِ * وَ مِنْ الْغَزِيرِ
 بِالنَّزْرِ الْأَقْلِّ * وَ قَدْ تَطَفَّلَ قَبْلِي الْمَوْصِلِي وَ الْقَوَّاسِ * وَ كُلُّ رَمَى وَ لَمْ يُصِْبْ وَ أَخْطَأَ الْقِيَاسَ
 * وَ لِسَانُ الْحَالِ يُنَادِي فِي النَّادِي * لِلرَّايِحِ وَ الْغَادِي :

كَمْ عَاشِقٍ قَدْ مَاتَ حَوْلَ خِيَامِنَا * أَسَفًا وَ لَمْ يَظَرْفْ بِكَشْفِ الْبُرْقِعِ²⁸⁵
 فَأَنْشَأَتْ مَقَامَةً * فِي كُلِّ فَنٍّ مَقَامَةً * وَ مَا مَقَامَاتِي إِلَّا كَبَارِقَةٍ فِي أَنْوَارِ صُبْحَةٍ * أَوْ كَشَرَارَةٍ
 مِنْ نِيرَانٍ قَدَحَةٍ * فَتَارَةً أَحْظَى بِنَظْمِ الْعُقُودِ * وَ تَارَةً أَخْطَى فَأَلْطِمُ الْخُدُودَ * وَ لَكِنَّ عَيْنَ الرِّضَاءِ
 قَاصِرَةٌ * وَ عَيْنَ الْحَسَدِ بَاصِرَةٌ * وَ لَا غَرَوْ فَإِنَّ الْإِنْشَاءَ ثَمَرَةُ الْعَقْلِ * وَ نَتِيجَةُ الْفَضْلِ * وَ مُبْدِئُهُ
 (л. 2b) لَا يَخْلُو مِنْ قَادِحٍ وَ مَادِحٍ * وَ مُغْرِضٍ وَ مُسَامِحٍ * وَ كَفَى الْحَاسِدَ قَوْلُهُ صَلَّى اللَّهُ عَلَيْهِ وَ
 سَلَّمَ وَ هُوَ أَفْصَحُ الْعَرَبِ * «إِنَّ الْحَسَدَ يَأْكُلُ الْحَسَنَاتِ كَمَا تَأْكُلُ النَّارُ الْحَطَبَ».

²⁸⁴ Здесь и далее Р – петербургская рукопись, V – венская рукопись. В Р дана ошибочная форма «اوَهش». (л. 2a: 3). Описка. В V над словом в этой же форме стоят три точки (л. 1b: 15).

²⁸⁵ Стихотворный размер *кāmил*.

وَضَمَّنَتْهَا جِدًّا وَهَزَلًا * وَقَوْلًا جَزَلًا * وَأَيَاتَ قِرَائِيَّةَ * وَأَحَادِيثَ نَبَوِيَّةَ * وَأَمْثَلًا غَرِيْبَةً
 * وَمَسَائِلَ فَفْهِيَّةَ وَنَحْوِيَّةَ * وَنُكَاتٍ دَقِيقَةَ * وَأَبْيَاتَ رَقِيقَةَ * وَتَجْنِيسَاتٍ لَفْظِيَّةَ * وَ
 تَأْسِيسَاتٍ مَعْنَوِيَّةَ * وَأَحَاجِي وَأَلْغَا * وَمُعَمِّيَاتٍ وَأَرْمَازًا * وَتَجَنَّبْتُ عَنِ اللُّغَاتِ الَّتِي تَنْفُرُ
 مِنْهَا الطَّبَاعُ * إِلَى الَّتِي لَا تَمُجُّهَا الْأَسْمَاعُ * بَلْ تَقْبَلُهَا الْأَفْهَامُ * وَيَعْقِلُهَا الْخَاصُّ وَالْعَامُّ *
 عَلَى أَنَّ أَهْلَ هَذَا الْعَصْرِ فِي صَمَمٍ عَنِ سَمَاعِ الْأَسْجَاعِ * وَمَنْ أَسْمَعَهُمْ فَقَدْ كَلَّفَهُمْ ضِدَّ
 الطَّبَاعِ * لِإِنْهَمَا كِهِمُ عَلَى الدُّنْيَا وَالتَّفَاخُرِ * وَارْتَبَاكِهْمُ فِي حُبِّ التَّكَاثُرِ.
 وَسَمَّيْتُ الرَّأَوِيَّ أَبَا الْخَيْرِ بَنَ الْحَارِثِ * وَالرَّوِيَّ عَنْهُ أَبَا الْفَضْلِ بَنَ الْوَارِثِ * وَتَرَكْتُ
 الْإِقْتِصَارَ الْمُخِلَّ * وَالتَّطْوِيلَ الْمُمِلَّ * وَسَلَكْتُ أَمْرًا وَسَطًا فِي ارْتِبَاطِهَا * عِلْمًا بِأَنَّ خَيْرَ الْأُمُورِ
 أَوْسَاطُهَا * وَخَتَمْتُ كُلَّ مَقَامَةٍ بِآيَةٍ * إِشَارَةً إِلَى النِّهَايَةِ * لِيَرَى تَالِيَهَا نَفْعًا وَهُدًى * وَلِئَلَّا
 يَكُونَ وَسُدًى * وَاللَّهُ الْمُسْتَعَانُ * وَعَلَيْهِ التُّكْلَانُ .

Перевод

(л. 1b) Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Воздаём Тебе хвалу, Господи, за то красноречие, которое ты дал нам, и за ремесло и искусство, которое ты сделал для нас доступным, и за то, что внушил нам из чудесного изложения, и формы высокой, и за то, что ты подчинил нам из непокорных [коней] редкостных выражений и ниспослал нам признаки смыслов, и дал нам испытать из бьющих источников, и возвысил нас над подножием наших стремлений. Благодарим Тебя за то, что обучил нас выдающейся мудрости и даровал нам обширное благоденствие. Мы молимся за самого красноречивого [из арабов], который [пра-

вильно] произносит буквы «дāд» и «зāl», и к добру направляет и на истину указывает – за нашего господина Мухаммада, который посрамил заблуждение самыми восхваляемыми качествами, и за всех его сподвижников и Семью²⁸⁶, пока восходит месяц и сверкает мираж²⁸⁷. **А далее:**

Воистину макамы ал-Ҳарӣрӣ настолько знамениты, что не нуждаются в упоминании (л. 2а) и настолько значительны, что не нуждаются в возвеличивании. Они овладели пальмой первенства на ристалище красноречия и многословия, перед ними бессильны проницательность и разумение, а их [смысл] и отклоняется, и ускользает [от восприятия], поскольку ал-Ҳарӣрӣ поразил всякого, кто стремился ему подражать, и привёл в смущение всякого толкователя пути его речи, так как он придумывал, охватывал, измышлял и находил правильное. И поручил мне тот, кому я не способен возразить и не могу отказать²⁸⁸, чтобы я пошёл по его следам и последовал его опыту, чтобы покрылось для меня листьями в саду саженьцев дерево и взошли бы для меня над горизонтом совершенства звезды благополучия. Клянусь моей жизнью это поручение того, что [для меня] невозможно, немошна [моя] душа в таком деле трудном, и я добавил им изящества и оделся в них как в покрывало, и удовлетворился каплей из моря, или из обилия ничтожной частью, а прежде меня за это пытались взяться некрошено ал-Мауҗилӣ и ал-Қаввāс²⁸⁹, каждый стрелял, да не попал²⁹⁰, и не достиг следования образцу. Язык обстоятельств вызывает повсюду ко всякому проходящему утром и вечером:

Сколько влюблённых умерло вокруг наших палаток

От сожаления, что не преуспели в приоткрытии покрывала.

И я сочинил макамы по всем правилам макамы и мои макамы не что иное как проблеск в лучах рассвета или как искры от света огнива, иногда мне удава-

²⁸⁶ Т.е. семью пророка Мухаммада.

²⁸⁷ Т.е. пока длится эфемерная, мирская жизнь.

²⁸⁸ Т.е. тот, кто, вероятно, заказал написание данного сборника макам.

²⁸⁹ Здесь имеются ввиду два автора писавших в жанре макамы.

²⁹⁰ Қаввāс в переводе с арабского – лучник. Здесь явная насмешка.

лось нанизать ожерелье, а иногда я ошибался и бил [себя] по щёкам, однако глаз удовлетворения близорук, а глаз зависти видит далеко и нет [в том] ничего удивительного. Поистине сочинительство творение разума и плод дарования, создатель его (л. 2b) не свободен от порочащего и восхваляющего, корыстного и великодушного. Лучше всех сказал о завистнике Он²⁹¹, да благословит Его Аллах и да приветствует, а Он самый красноречивый из арабов: «Зависть пожирает благие дела как огонь пожирает дрова».

Я наполнил их серьёзными и шутливыми [речами], красноречивыми словами и аятами из Корана, хадисами Пророка, арабскими пословицами, вопросами законоведческими и грамматическими, шутками тонкими и стихами изящными, словесными уподоблениями и смысловыми основами, головоломками и иносказаниями, загадками и намёками, и я сторонился тех слов, от которых бежит естество, [выбирая] те, которых не отвергает слух, но, напротив, воспринимают умы, и понимают [люди] знатные и простые, однако, люди этой эпохи глухи к благозвучию саж‘а, и тот, кто их заставляет слушать [саж‘], обременяет их [тем], что противно их естеству из-за их увлечённости [благами] земного мира и расстройства их [умов] из-за любви к изобилию.

Назвал я рассказчика Абӯ-л-Хайр ибн ал-Х̣арис, а того, о ком он рассказывал, – Абӯ-л-Фадл ибн ал-В̣арис, и я отказался от портящих [рассказ] сокращений и утомительных длиннот, и пошёл по срединному пути в их²⁹² составлении зная, что лучшие дела – срединные. Я завершил каждую макаму стихом Корана в качестве указания на [её] окончание, и чтобы получали читающие её пользу и руководство и чтобы [чтение] не было напрасным. Аллах – тот, кого просят о помощи, на него мы полагаемся.

²⁹¹ Т.е. пророк Мухаммад.

²⁹² Т.е. макам.

а. Введение к «Румийской» макаде, № 2

المَقَامَةُ الرُّومِيَّةُ

(л. 7b) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ الْحَمْدُ لِلَّهِ الَّذِي جَعَلَ فِي الْعَرَبِ الْكَرَمَ وَالْفَصَاحَةَ *
 وَ طَبَعَ الرُّومَ عَلَى الشَّفَقَةِ وَالْمَلَاخَةِ * وَ مَيَّزَ بَعْضَهُمْ عَلَى بَعْضٍ فِي الْأَشْكَالِ وَالرُّسُومِ *
 فَلِكُلِّ مِنْهُمْ جُزْءٌ مَقْسُومٌ وَ قَدَرٌ مَعْلُومٌ * وَ زَيْنَ الْحُسْنِ بِالْإِحْسَانِ * وَ أَوْقَعَ الْقُلُوبَ فِي مَصَايِدِ
 الْحِسَانِ * وَ جَعَلَ أَحْشَاءَ الْعُشَّاقِ * هَدَفًا لِأَسْهَمِ الْأَحْدَاقِ * وَ سَلَّطَ جَيْشَ الْجُنُونِ وَ الدَّعَجِ *
 عَلَى سَلْبِ الْأَرْوَاحِ وَ الْمُهْجِ * وَ أَرْسَلَ يَبْضَ الْعُيُونِ السُّودِ وَ رِمَاحَ الْقُدُودِ السُّمْرِ * إِلَى إِغَارِهِ
 الْعَقْلِ وَ نَهَبِ الْعُمْرِ * وَ قَضَى عَلَيَّ²⁹³ عَلَى الْعُشَّاقِ بِالتَّدَلُّلِ وَ السُّؤَالِ * وَ لِأَهْلِ الْحُسْنِ
 بِالتَّرَفِّهِ وَ الدَّلَالِ * وَ الصَّلَوةِ وَ السَّلَامِ عَلَى سَيِّدِ الْعَجَمِ وَ الْعَرَبِ * الَّذِي قَالَ «يَحْشُرُ الْمَرْءَ مَعَ
 مَنْ أَحَبَّ»²⁹⁴ * وَ عَلَى آلِهِ وَ أَصْحَابِهِ * الْمُتَخَلِّقِينَ بِآدَابِهِ * وَ بَعْدُ:

فَإِنَّ الْعِشْقَ أَمْرٌ إِضْطِرَارِيٌّ * وَ لَيْسَ بِاخْتِيَارِيٍّ * يَتَبَلَّى اللَّهُ مِنْ عِبَادِهِ * مَنْ شَاءَ غَايَةَ
 إِسْعَادِهِ * فَهُوَ (л. 8a) طَرِيقٌ مَجَازِيٌّ يُوصِلُ إِلَى الْحَقِيقَةِ * وَ لَا يَخْرُجُ مَنْ رَاعَى حُدُودَهُ عَنْ
 الطَّرِيقَةِ * وَ مَنْ تَحَلَّى فِيهِ بِالْعِفَافِ * فَقَدْ سَلَكَ جَادَةَ الْإِنْصَافِ * وَ عَدَلَ عَنْ مَهَامَةِ الْعِيِّ وَ

²⁹³ Скорее всего, здесь описка, нежели упоминание зятя Пророка 'Али, поскольку после восхваления Аллаха традиционно следует восхваление пророка Мухаммада.

²⁹⁴ Хадис [ат-Тармизй, с. 509-510].

الْغِيَّ * وَ مَنْ خَافَ اللَّهَ أَخَافَ [اللَّهُ] مِنْهُ كُلَّ شَيْءٍ²⁹⁵ * وَ لَا رَيْبَ فِي أَنَّ الْحَسْنَ شَيْءٌ نَفِيسٌ *
يَجْذِبُ الْقُلُوبَ كَمَا يَجْذِبُ الْحَدِيدَ الْمَغْنَاطِيسُ * وَ فِيهِ سِرُّ اللَّهِ مُودِعٌ فَلَيْسَ لِأَخْذِهِ مَدْفَعٌ * وَ لَا
فِي النَّجَاةِ مِنْهُ مَطْمَعٌ * لَا يَقَعُ فِي أَشْرَاكِهِ إِلَّا أَهْلُ الْفَضْلِ وَ الْكَمَالِ * وَ لَا يَسْتَوِلِي إِلَّا عَلَى
فُحُولِ الرُّجَالِ * وَ مَنْ كَانَ رَقِيقَ الطَّبَاعِ * عَسَرَ عَلَيْهِ الْإِمْتِنَاعُ * وَ مَنْ كَانَ جِلْفًا جَافِيًا * كَانَ
بِمَعْزِلٍ عَنْهُ نَائِيًا * وَ خَرَجَ عَنِ الْخُلُقِ الْإِنْسَانِيَّ * وَ دَخَلَ فِي الْخُلُقِ الْحَيَوَانِيَّ * كَمَا قِيلَ:
إِذَا أَنْتَ لَمْ تَعْشَقْ وَ لَمْ تَذَرِ مَا الْهَوَى * فَقُمْ وَ اعْتَلِفْ تَبْنًا فَأَنْتَ حِمَارٌ²⁹⁶.
وَ قَدْ رُوِيَ (л. 8b) عَنْ أَحَدِ أَرْبَابِ الْقَلَمِ الَّذِينَ يُنَمَّقُونَ وَثَائِقَ الْأَحْكَامِ * فِي مَجَالِسِ
الْحُكَّامِ * أَنَّهُ قَالَ...

Перевод

(л. 7b) Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Хвала Аллаху, который наделил арабов благородством и красноречием, и сотворил византийцев [склонными] к состраданию и красоте, и сделал их отличными друг от друга по манерам и чертам. Для каждого из них доля определённая и мера известная. Он украсил красоту украшением и ввергнул сердца в силки красавиц, и сделал нутро влюблённых мишенью для стрел пристальных взглядов, и дал волю войску безумия и чернооких в пленении душ и сердец, и послал девушек – [обладательниц] чёрных глаз и талий стройных как смуглые копья для нашествия на разум и похищения жизни, и повелел влюблённым [жить] в покорности и мольбе, а красавицам и красавцам в роскоши и изнеженности. Благословение и мир над господином персов и

²⁹⁵ Хадис [ал-‘Амилӣ, с. 241].

²⁹⁶ Стихотворный размер *тавиль*.

арабов, который сказал: «[Господь] соединит мужчину с тем, кого он любил [в этой жизни]», * и над его семьёй и сподвижниками, перенявшими его добродетель. А далее:

Поистине влюблённость состояние вынужденное, а не добровольное, которым Аллах испытывает из рабов своих, кого захочет, [надеясь] вершиной счастья. Это (л. 8а) путь иносказательный, ведущий к истине, и не отклоняется тот, кто блюдет его границы, от этого способа действия, а тот, кто украсился на нём добродетелью, уже вступил на путь справедливости²⁹⁷ и отошёл от пустыни слабости и заблуждения, и тот, кто будет страшиться Аллаха, Аллах заставит всех страшиться его. И нет сомнения в том, что красота – вещь драгоценная, притягивающая сердца как притягивает железо магнит, и в ней тайна Аллаха вручаемая, и нет [способа] избежать её принятия, и нет в спасении от неё [ничего] желательного, в её силки попадают только люди благородные и совершенные. Она овладевает только мужественными людьми, и тот, кто нежен от природы, тому труден отказ от [любви], а тот, кто не отёсан и груб, далёк от неё и избегает – он вышел из человеческого состояния и вошёл в состояние животное, подобно тому, как сказано:

«Если ты не любил, то и не познал, что такое любовь. Иди и питайся соломой, ибо ты – осёл».

Было сообщено со слов одного из писцов, которые красиво пишут акты правительства в государственных судах, что он сказал...

²⁹⁷ В обеих рукописях конечная «фā'» написана над «алиф»; в V. это никак не обоснованно.

В. «Законоведная» макама, № 1

المَقَامَةُ الْفِقْهِيَّةُ

رَوَى أَبُو الْخَيْرِ بْنُ الْحَارِثِ * فِيمَا حَكَاهُ عَنْ أَبِي الْفَضْلِ (Л. 3a) بَنِ الْوَارِثِ * قَالَ :

- أَرَقْتُ ذَاتَ لَيْلَةٍ مُحَلُولِكَةَ الْحِجَابِ * مُحَلُولَةَ نِطَاقِ السَّحَابِ * مَعْقُودَةَ الْأَجْفَانِ
يَحَاجِبِ يَوْمَ الْحِسَابِ * وَقَدْ أَفْعَمَ سَيْلُ الْوَادِي * وَ التَّقَمَ اللَّقَمَ وَ النَّادِي * وَ تَخَضَّبَ صَارِمُ
الْبَرْقِ بِدَمِّ الشَّفَقِ * وَ طَرَدَ أَذْهَمُ الظُّلَمَاءِ أَشْهَبَ الْقَلَقِ * وَ انْتَحَبَ الرَّعْدُ عَلَى مِيَّتِ الرَّغَامِ وَ
الصَّخْرِ * كَانَتْحَابِ الْخُنَسَاءِ عَلَى صَخْرٍ * فَلَمَّا آذَنَ حَرْبُ الْجُنْحِ * بِالْبَشَائِرِ وَ الصُّلْحِ * وَ صَحَا
بِالْصَّفَاءِ * مَرَأَى السَّمَاءَ * وَ تَقَسَّعَ عَنْ صَفْحَةِ الْبَدْرِ الْغَمَامِ * كَمَا أُمِيطَ عَنْ مَحَاسِنِ الْحَسَنَاءِ
اللُّثَامِ * وَ تَرَصَّعَتْ بِالنُّجُومِ كُلَّةِ الْخُرْقَاءِ * تَرْصِيعَ الدَّنَائِيرِ فِي الْحُلَّةِ الزَّرْقَاءِ * وَ تَغَيَّرَ الْحَالُ *
مِنْ عَاطِلٍ إِلَى حَالٍ * وَ جَادَ النَّوْءُ * بِالضَّوْءِ * وَ حَادَ الْمَحْوُ * عَنْ الصَّحْوِ * وَ حَامَ النَّسْرُ
الطَّائِرَ * عَلَى غُرَابِ الْحَنْدِسِ الْعَاكِرِ * إِرْتَاخَتْ النَّفْسُ إِلَى مَنْ يُطَارِحُ طَرِيحَهَا * وَ يُعَلِّلُ بِالْمَسَاءِ
مَرَّةً صَحِيحَهَا .

فَبَيْنَمَا أَنَا آمِنٌ مِنَ الطَّوَارِقِ * إِذْ طَرَقَ الْبَابَ طَارِقٌ * فَفَتَحْتُ لَهُ الْبَابَ * وَ أَدْخَلْتُهُ رُحَابَ
التَّرْحَابِ * فَإِذَا هُوَ رَجُلٌ مِنْ حَيِّ طِيٍّ * وَ عَلَيْهِ سِيْمَاءُ الْعِيِّ وَ الطِّيِّ * قِمَصَانُهُ بِالْيَةِ * وَ

أَحْمَصُهُ حَافِيَةً * فَحَمَدْتُ اللَّهَ تَعَالَى عَلَى أَنْعَمِهِ الْمُسْتَفَادَةِ * إِذْ لَمْ يَتَخَلَّفْ الْمُرَادُ عَنِ الْأَرَادَةِ * وَ

نَبَدْتُ مِنْ غَمِّ الْإِسْتِيحَاشِ إِلَى مَنْ يُؤْنَسُ * كَمَا نُبِدَ مِنْ بَطْنِ الثُّونِ يُؤْنَسُ * وَقُلْتُ لَهُ :

- مَرَحَبًا (л. 3b) بِالْخَاطِرِ * وَ الزَّائِرِ الزَّاهِرِ ! أَخَصَبْتَ مَحَلًّا * وَ خَضَلْتَ مَحَلًّا * وَ

أَنْسَتَ الْوَحْشَةَ * وَأَنْسَيْتَ الدَّهْشَةَ .

وَ أَمَعَنْتُ فِيهِ النَّظَرَ * وَ اسْتَدَلَلْتُ عَلَى الْعَيْنِ بِالْأَثَرِ * وَ تَأَمَّلْتُهُ وَ هُوَ عِنْدِي مَاكِثٌ * فَإِذَا

هُوَ أَبُو الْفَضْلِ بْنُ الْوَارِثِ * فَزِدْتُ بِهِ التَّرْحَابَ * وَ أَحْسَنْتُ لَهُ الْخِطَابَ * وَ قَدَّمْتُ إِلَيْهِ مَا

تَهَيَّأَ مِنَ الْأُدْمِ وَ الْكُسْرِ * وَقُلْتُ لَهُ :

- خَيْرُ الطَّعَامِ مَا حَضَرَ !

وَ سَأَلْتُهُ عَنْ سَبَبِ طُرُوقِهِ فِي الدُّجَى * وَ خُفُوقِهِ فِي السَّيْرِ بِالْوَجَا .

فَقَالَ :

- سَأُنَبِّئُكَ بِشَيْءٍ مِنَ الْعَجَابِ * جَلَّ عَنْ رُتْبَةِ الْإِرْتِيَابِ * كُنْتُ مُتَسَنِّمًا هَضْبَةً بَعْضِ

الشُّعُوبِ * وَ مُتَسَنِّمًا بِهَا هُبُوبَ الْجُنُوبِ * وَ عَنْ الْمَضَالِجِ مُتَجَافِيًا²⁹⁸ الْجُنُوبِ * وَ الْأَسْحَارُ

مُتَّارِجَةً * وَ الْأَنْوَارُ مُتَبَلِّجَةً * فَكَأَنِّي مِنْ إِنْتِشَائِي * شَرَبْتُ الْحُمِيَّ * وَ هَبَّتِي فِي الثَّرَى وَ هِمَّتِي فِي

الثَّرِيَّا .

²⁹⁸ В V это слово дано в форме «جافي» (л. За: 19), из грамматического контекста видно, что это ошибка.

فَسَمِعْتُ جَمَاعَةً يَتَنَادِمُونَ * وَ عَلَى الزَّمَنِ الْغَايِرِ يَتَنَدَّمُونَ وَ يَقُولُونَ :

- قَدْ خَلْتُ الدِّيَارَ * فَمَا فِيهَا دِيَارٌ * وَ تَعَطَّلْتُ الْمَدَارِسَ * فَهِيَ كَالرَّوَامِسِ الدَّوَارِسِ * وَ
الْكُتُبُ بُكَّتَتْ * وَ الْخُطْبُ خُبَّتْ * وَ الْأَنْوَارُ خَبَّتْ * وَ الْأَحْرَارُ كَتَّتْ * فَلَا عَالِمَ يُفِيدُ * وَ لَا
عَامِلَ يُجِيدُ²⁹⁹ * وَ لَا فَاضِلَ يُحِيبُ * لَا كَامِلَ يُصِيبُ * وَ انْقَطَعَتْ الرِّسَائِلُ * وَ سُدَّ بَابُ
الْمَسَائِلِ * وَ رُدَّ السَّائِلُ عَنِ الْجَوَابِ * وَ صَدَّ الْخَاطِبُ عَنِ الْخِطَابِ * (л. 4a) انْقَرَضَ الْعِلْمُ وَ
أَهْلُهُ * وَ اعْتَرَضَ الْجَهْلُ وَ غُفِلَ * وَ حَالَتْ الْفُتُوَّةُ * فَلَا حَوْلَ وَ لَا قُوَّةَ³⁰⁰.
فَقُلْتُ لَهُمْ :

- مَتَى حَدَّثْتُ هَذِهِ الْأُمُورَ * حَتَّى شَبِهَتْ الْقُصُورُ بِالْقُبُورِ ؟ لِمَاذَا³⁰¹ تَجَارُونَ * وَ لِمَاذَا
تَرْجُونَ³⁰² ؟ أَمَا سَمِعْتُمْ قَوْلَ سَيِّدٍ وَلَدٍ تِهَامَةٍ * «الْخَيْرُ فِيَّ وَ فِي أُمَّتِي إِلَى يَوْمِ الْقِيَامَةِ»³⁰³ ؟ أ
تَقْطَعُونَ الْأَمَلَ بِالْيَاسِ * وَ تَتَوَقَّعُونَ الضَّرَّ وَ الْبَأْسَ ؟ فَادْعُونِي إِلَى كَشْفِ الْغُمَّةِ * فَعَسَى أَنْ
أَكُونَ لَكُمْ رَهْمَةً .

²⁹⁹ В Р и V это слово дано в форме «مجيد» (в Р не очень разборчиво, л. 3б: 15); судя по грамматической форме слова, с которым оно должно рифмоваться («يفيد»), форма «يجيد» более уместна.

³⁰⁰ Хадис [ал-Бухārй, с. 218].

³⁰¹ В Р дана форма «ماذا» (л. 4a: 3). Это описка, так как в V явно читается «لماذا» (л. 3b: 11).

³⁰² В данном случае глагол имеет огласовку II-ой породы (а не I-ой) ради таджнйса с идущим ранее глаголом «تجارون».

³⁰³ В V это слово с опiskой «القيمة» (л. 3б: 12). Пропущена буква.

فَقَالُوا :

- سُؤَالٌ فِقْهِي * وَ مَقَالٌ كُنْهِي * أَوْرَدَهُ أَعْلَمُ الْفُضْلَاءِ * عَلَى أَفْضَلِ الْعُلَمَاءِ * فَأَلْبَسَ
الْإِبْلَاسَ * وَ كَانَتْ بِضَاعَتُهُ الْإِفْلَاسَ * وَ كَانَ الْجَاهِلُ بِهِ كَالْخُنْفَسَاءِ * كُلَّمَا تَحَرَّكَ فَسَا³⁰⁴. فَنَحْنُ
فِي الْحَسَرَاتِ عَلَى مَنْ فَاتَ * وَ كَانَ وَاضِحَ الْبَيِّنَاتِ * كَاشِفَ الْغَامِضَاتِ .

فَقُلْتُ :

- أَوْرَدُوهُ³⁰⁵ عَلَيَّ * وَ أَلْقَوْهُ إِلَيَّ ! فَقَدْ سَقَطْتُمْ عَلَى اللَّقَطِ * وَ دَعَوْتُمْ الْبَطَّ إِلَى الشُّطِّ.
فَنَظَرَ بَعْضُهُمْ إِلَى بَعْضٍ يَتَغَامِزُونَ * وَ عَلَيَّ يَتَهَامِزُونَ * وَ بِيَّ يَسْتَهْزِئُونَ *³⁰⁶ ثُمَّ نَاوَلُونِي
رُقْعَةً مَكْتُوبًا فِيهَا :

مَا يَقُولُ الْفَقِيهُ مِنْ غَيْرِ مَيِّنٍ * فِي فَتَاةٍ³⁰⁷ تَزَوَّجَتْ بَعْلَيْنِ ؟
وَاحِدٌ قَدْ أَتَى جِهَارًا وَثَانٍ * قَدْ أَتَاهَا سِرًّا مَدَى الْمَلَوَيْنِ
وَ لِكُلٍّ³⁰⁸ بِالْشَّرْعِ قَدْ حَلَّ وَطِئٌ * فَهِيَ زَوْجٌ مَوْطُوعَةٌ الْإِثْنَيْنِ

³⁰⁴ В обеих рукописях у идущего ранее слова «خنفساء» ради рифмы с глаголом «فسا» опущена конечная *хамза*.

³⁰⁵ В **Р** читается «اورده» (л. 4а: 11). Вероятно, это описка, так как в **V** дано более подходящее по контексту «اوردوه» (л. 3б: 18).

³⁰⁶ В **Р** (л. 4а: 13) и **В**. (л. 4а: 2) у третьей корневой буквы этого глагола опущена подставка для *хамзы*.

³⁰⁷ В **Р** дана форма «فتات» (л. 4а: 14), но из контекста видно, что это ошибка.

³⁰⁸ В **V** это слово написано неразборчиво (л. 4а: 5).

وَهِيَ ذَاتُ الْبَعْلَيْنِ جَهْرًا وَ سِرًّا * وَ النِّكَاحُ الْمَذْكُورُ لَيْسَ بِشَيْنٍ³⁰⁹

(л. 4b) فَقُلْتُ :

- وَ مُنْشِئِ الْأُمَمِ وَ بَارِئِهَا * لَقَدْ دَرَأْتُمْ الْقَوْسَ إِلَى بَارِيهَا ! هَذِهِ مَسْئَلَةٌ أَوْضَحُ مِنْ
الشَّمْسِ * وَ أَبَيْنُ مِنَ الْأَمْسِ . مُخْتَلَفٌ فِيهَا بَيْنَ الْحَنْفِيَّةِ وَ الشَّافِعِيَّةِ * مُقَرَّرَةٌ فِي الْقَوَاعِدِ
الْأُصُولِيَّةِ * مِنْ أَنَّ الْحُكْمَ يُنْفَذُ ظَاهِرًا لَا بَاطِنًا فِي مَذْهَبِ مُحَمَّدٍ بْنِ إِدْرِيسٍ * وَ يُنْفَذُ ظَاهِرًا وَ
بَاطِنًا فِي مَذْهَبِ أَبِي حَنِيفَةَ النَّفِيسِ * وَ أَنْشَدْتُهُمْ وَ إِلَيْهِ أَرْشَدْتُهُمْ :

يَا سُرَاةَ الْكَمَالِ فِي الْخَافِقِينَ * وَ هُدَاةَ الثَّقَاتِ فِي الدَّارِينَ
صُورَةُ الْأَمْرِ أَنَّ هَذِهِ³¹⁰ فَتَاةٌ * قَبَحَتْ بِالشَّقَاقِ مِنْ بَعْدِ زَيْنٍ
وَادَعَتْ بِالطَّلَاقِ كَذِبًا وَ مِينًا * وَ اسْتَقَرَّتْ عَلَيْهِ بِالشَّاهِدِينَ
فَقَضَى حَاكِمٌ وَ هُوَ حُكْمٌ * نَافِذٌ ظَاهِرًا عَلَى الطَّرَفَيْنِ
ثُمَّ بَعْدَ الثُّبُوتِ صَارَ سِوَاهُ * زَوْجُهَا فَهِيَ رَبَّةُ الزَّوْجَيْنِ
وَ إِسْتَمَرَ النِّكَاحُ جَهْرًا لِهَذَا * وَ لِهَذَا سِرًّا مَدَى الْمَلَوَيْنِ
وَ هُوَ قَوْلٌ مُوجَّهٌ وَ عَلَيْهِ * مَذْهَبُ الشَّافِعِيِّ فِي الْقَوْلَيْنِ

³⁰⁹ Стихотворный размер хафйф.

³¹⁰ В V явно читается «هذي» (л. 4а: 14).

إِنْ أَتَاهَا الْمَوْلُودُ مِنْ بَعْلِهَا * فَلَهُ الْإِثْرُ جَازٌ مِنْ أَبَوَيْنِ

فِيحْفَظُوا مَا أَجَبْتُ عَنْهُ وَكُونُوا * فِيهِ مُسْتَمْسِكِينَ بِالرَّاحَتَيْنِ .

فَلَمَّا رَعُوا جَوَابِي * وَرَاعَهُمْ صَوَابِي³¹¹ * شَبَّتْ بِهِمْ نَارُ الْحَسَدِ * وَكَادُوا يُوثِقُونِي

بِحَبْلِ مِنْ مَسَدٍ * فَخِفْتُ وَاخْتَفَيْتُ مِنْهُمْ فِي عَرِينٍ * وَقُلْتُ :

- لَا يُحْسَدُ إِلَّا الْعَرِينُ !

وَهِمْتُ هَارِبًا * وَإِلَى النَّجَاةِ (л. 5a) دَاهِبًا * وَ مَا قَصَدْتُ إِلَّا حِمَاكَ الدِّيَّ يَحْمِينِي وَ

يَكْفِينِي * إِلَى حِينٍ تَكْفِينِي * وَلَيْسَ لِي سِوَاهُ مَلْجَأٍ وَ لَا مَنَجَى * فَهُوَ مَرْجِعُ مَنْ صَدَّ وَ مَنْ جَاءَ.

فَقُلْتُ لَهُ :

- يَا أَبَا الْفَضْلِ وَ أَخَا الْعَدْلِ * وَ جَامِعُ الشَّمْلِ وَ وَاسِعُ الْبَدْلِ * أَنَا كُنْتُ أَرْقَبُ قُرْبِكَ *

لِاسْتَمْطَرِ سُحْبِكَ * لِسُؤَالِ عَرَضٍ * إِسَاءَةَ الْغَرَضِ . وَ أَوْرَدْتُ عَلَيْهِ الْأَجُوبَةَ الرَّائِجَةَ وَ الْكَاسِدَةَ

فِي تَفْسِيرِ قَوْلَةِ تَعَالَى : "وَ إِنْ خِفْتُمْ أَنْ لَا تَعْدِلُوا"³¹² فَوَاحِدَةً .

(л. 6a) قَالَ الرَّأَوِيُّ :

³¹¹ В V читается «خطابي» (л. 4b: 3).

³¹² В V дана ошибочная форма «تعدوا» (л. 4b: 12). Пропущена буква.

– فَحَارَ لُبِّي مِنْ بَدَاهَتِهِ وَ نَبَاهَتِهِ * وَ نَزَاهَتِهِ وَ فُكَاهَتِهِ * فَلَا زَالَ يُؤْنِسُنِي يُؤْنِسُنِي بِالْأَحَادِيثِ
 الصَّحَاحِ * وَ الْأَعَارِيبِ الْفُصَّاحِ * وَ قَطَعْنَا الْعَيْشَ الْأَخْضَرَ * فِي قِطْعٍ مِنَ اللَّيْلِ الْأَسْوَدِ * حَتَّى
 بَدَا الصَّبَاحُ الْأَزْرَقُ * وَ أَذَاقَنِي الْمَوْتَ حِينَ³¹³ شَتَّتَ شَمْلَنَا وَ فَرَّقَ * وَ قَدْ قَامَ يَهْتَزُّ وَ يَعْجِبُ * وَ
 يُغْرِبُ فِي بَلَاعَتِهِ وَ يُعْرِبُ * وَ وَلَّى مُدْبِرًا وَ لَمْ يُعَقِّبْ³¹⁴.

Перевод

Законоведная макама.

Рассказывал Абӯ-л-Хайр ибн ал-Х̣āрис, среди того, что он поведал (л. 3а) об Абӯ-л-Фадле ибн ал-Вāрисе. Он сказал:

– Однажды мне не спалось под чёрным покрывалом ночи, с распушенным поясом туч, веки которой были сомкнуты стражем Дня расчёта³¹⁵. Поток пересохшего русла наполнился [водой] и поглотил середину [дороги], [и доступ] к собранию. Меч молнии окрасился кровью вечерней зари, тёмный мрак погнал пепельную зарю³¹⁶, а гром взрыдал над мёртвым прахом и скалами, подобно рыданиям ал-Хансы над Ҷахром³¹⁷. Когда же возвестила ночная война о радости и мире³¹⁸, и стала ясной поверхность небес, и рассеялись тучи, открыв поверхность луны, словно было убрано покрывало с прелестей красавицы, и всё небо украсилось звёздами как динары украшают голубое одеяние, и изменилось положение от

³¹³ В V у этого слова стоят две точки.

³¹⁴ В P на полях рядом с этой строкой приписка «قوبلت» (л. ба: 13).

³¹⁵ Т.е. ночная тьма была непроницаемой. *День расчёта* – День Страшного суда (Коран [38:15,25; 40:28]).

³¹⁶ Чёрный [ворон] мрака прогнал пепельных [қап̄а] зари. *Қап̄а* – род куропаток, рябки.

³¹⁷ Знаменитая древнеарабская поэтесса из племени банӯ сулайм, оплакивавшая в стихах гибель своих братьев, – Ҷахра и Му‘āвии.

³¹⁸ Т.е. ночная гроза стала утихать.

неукрашенного к украшенному, и сквозь облако стал щедро проникать свет, удалились тёмные пятна³¹⁹, [открыв] ясное небо и воспарил Орёл³²⁰ над вороном мрачной тьмы, – [тогда] возжелала [моя] душа [найти] того, кто разделит её радость и развеселит этим вечером её сущность на какой-то срок.

[И вот], в то время как я был [у себя дома] в безопасности от несчастий, в дверь внезапно постучал ночной гость. Я открыл ему и ввёл его [в дом] с полным радушием. Оказалось, что он человек из племени Тай, а у него признаки утомления и голода. Одежда его [была] ветхой, а пятки босые. [Тогда] я вознёс хвалу Богу Всевышнему за его милости приобретаемые, так как не отстало желаемое от желания и был я извергнут из скорби одиночества в положение того, кто осчастливлен приходом, подобно тому, как был извергнут из чрева кита Иона³²¹. И я сказал ему:

³¹⁹ Тёмные пятна на луне, т.е. тучи.

³²⁰ Орёл (Aquila) – экваториальное созвездие, известное ещё шумерским астрономам. Самая его крупная звезда – α Орла (Альтаир – от арабского «ан-наسر ал-тāир») входит в астеризм *Коромысло весов* — легко идентифицируемая на небе конфигурация трёх главных звёзд созвездия Орла, расположенных в ряд на небольшом расстоянии друг от друга. Это звёзды γ (Таразед), α (Альтаир) и β (Альшаин) Орла. Также α Орла входит в *летне-осенний треугольник* (треугольник из трёх ярких звёзд) — наиболее заметный астеризм северного полушария небесной сферы, хорошо наблюдаемый летом и осенью в средних широтах северного полушария: Вега (α Лиры), Денеб (α Лебедя) и Альтаир (α Орла). Таким образом, события в данной макаме могли происходить только в летне-осенний период.

³²¹ Согласно библейскому рассказу, пророк Иона (ар. Йўнус) по велению Бога должен был отправиться в Ниневию и проповедовать там, убеждая людей не совершать зла. Но Иона ослушался и, убегая «от лица Господня», сел на корабль, отплывавший в другую страну. Когда корабль был в пути, на море поднялась буря, и только после того, как корабельщики бросили Иону в волны, «утихло море от ярости своей». Тогда по воле Бога большой кит проглотил Иону, «и был Иона во чреве кита три дня и три ночи», после чего в целостности доставлен на берег [Книга пророка Ионы, гл. 1, стих 1-16, гл. 2, стих 1-11], [Коран, 37:140-145].

– Добро пожаловать (л. 3b) гостю и посетителю прекрасному! Ты сделал плодородной засуху и окропил место, [в которое пришёл]³²², рассеял одиночество и заставил позабыть смущение.

В то время как он у меня пребывал я внимательно присматривался к нему и положился на [своё] зрение, чтобы [составить о нём] впечатление, и оказалось, что это Абӯ-л-Фадл ибн ал-Вāрис. Я увеличил к нему радушие и обратился с красивой речью, подал ему то, что имелось в [доме] из приправленного кушанья и кусков хлеба. Я сказал ему:

– Лучшая пища та, которая имеется [в наличии]³²³!

И я расспросил его о причине его прихода ночью и следовании по пути до стёртости в подошвах.

Он сказал:

– Я сообщу тебе нечто удивительное, что [по положению] выше всякого подозрения. Восходил я на возвышенность по одной из горных дорог и дышал на ней ветром южным, и был далёк от [возможности] прилечь на ложе. Зори были пурпурными, и огни сияли³²⁴. Я опьянел [от воздуха], будто испив хмельного напитка, тело моё было на влажной земле, а мои мысли – в Плеядах.

[Тут] я услышал [людское] собрание, которое вело беседу и сожалело о прошедших временах. Они говорили:

– Опустели дома и не стало в них обитателей, прекратили действовать школы, как заброшенные могилы остались они. Книги оспариваются, [тексты] проповедей затаптываются, огни [знания] погасли, а благородные упали в грязь. Не [найти] учёного, который мог бы принести пользу, действующего, делающего [своё] дело хорошо, благородного, который бы откликнулся, и образованного, ко-

³²² Т.е. проявил щедрость.

³²³ Т.е. «лучше у меня ничего нет».

³²⁴ ...огни сияли. – Сияли звёзды.

торый бы ответил верно. Прекратилось сочинение посланий³²⁵, закрылись ворота вопрошаний, отказывается в ответе вопрошающему, а в проповеди – проповедующему. (л. 4а) Выродилась наука и её племя, невежество и невнимательность встали на её пути, исчезла доблесть. Нет мощи и силы [кроме как у Аллаха]!

И я спросил их:

– Когда произошли эти события, так что дворцы стали похожи на могилы? Что [это] вы позволяете и на что надеетесь? Разве вы не слышали слова господина уроженцев *Тихāмы*³²⁶: «Добро во мне и в моей общине до самого дня Страшного суда»³²⁷. Неужели вы сменяете надежду на отчаяние и ожидаете [только] вред и убытки? Призовите же меня к снятию [покрывала] печали, и может быть, я буду для вас мелким дождиком.

И они сказали:

– [Это] юридический вопрос и изречение глубокое по смыслу, которое представил самый учёный из благородных самому благородному из учёных, и только привёл его в отчаяние, товаром его было банкротство, а не знающий [толком ответа на этот вопрос] подобен навозным жукам: всякий раз как они шевелятся, [только] больше издают зловоние. Мы в тоске по тому, кто покинул [нас], а он был дающим ясные объяснения и открывающим сокровище³²⁸.

Я сказал:

– Представьте мне [этот вопрос] и задайте его! Вы натолкнулись на то, что вы ищете и зазвали утку на берег.

³²⁵ Т.е. послания в жанре *тарāсуль*, популярные в кругу литераторов, чиновников и образованной знати.

³²⁶ ...господина уроженцев *Тихāмы*... – пророк Мухаммад. *Тихāма* – область на Аравийском полуострове. Хадис «رسول الله قال: أنا سيد ولد آدم يوم القيامة ولا فخر» [ат-Тармизй, с. 288].

³²⁷ Хадис с ненадёжной цепью передатчиков (*ḍa‘īf*) [ал-‘Амирий].

³²⁸ Из контекста макамы не ясно о ком в данном случае идёт речь. Возможно, что здесь имеется в виду конкретное историческое лицо.

Посмотрели они друг на друга, перемигиваясь, обо мне злословя и насмехаясь надо мной, затем вручили мне записку, в которой было написано [следующее]:

*Что скажет факих без обмана о девушке вышедшей замуж за двух
мужей?*³²⁹

*Первый пришёл открыто, а второй пришёл к ней скрытно на срок дня и но-
чи,*

*Но по закону каждому разрешено и она — жена имевшая сношение с дву-
сношение мя,*

*И поэтому у неё два мужа: явный и но упомянутый брак не является бесче-
тайный, стьем.*

(л. 4b) Я сказал:

— Клянусь народов творцом и их создателем, вы вернули лук к его изготовителю. Этот вопрос яснее, чем солнце, понятней, чем вчерашний день. Противоречие в нём между ҳанафитским и шафи‘итским мазхабами³³⁰, утверждёнными правовыми нормами, поскольку по мазхабу Муҳаммада Ибн Идрйса³³¹ решение исполняется явно и не скрытно, а по мазхабу Абӯ Ҳанйфы³³² драгоценного — [и] явно, и скрытно.

И я продекламировал им [ответ] и к тому направил их:

³²⁹ Ср. с выражением из «1001 ночи»: «...какой толе позволяет женщине выйти замуж за двоих...?», ночь № 265 [Тысяча и одна ночь 2007, с. 463].

³³⁰ Официально принятые в исламе правовые школы, которые отличаются методологией, используемой при выведении норм мусульманского права, вследствие чего, по одному и тому же спорному вопросу ими могут быть приняты разные решения.

³³¹ Муҳаммад Ибн Идрйс аш-Шафи‘и (767-820) — основатель шафи‘итского мазхаба, родился в Газе, Палестина, автор работ «ар-Рисāла», «Китāб ал-Умм».

³³² Абӯ Ҳанйфа ан-Ну‘мāн Ибн Сāбит Ибн ан-Ну‘мāн (699-767) — основатель ҳанафитского мазхаба, последователями которого являются большинство современных мусульман. Родился в городе Куфа, автор работ «ал-Маҳāриджд фй-л-фиқх», «ал-Фиқх ал-Ақбар».

*О, вожди совершенства на Востоке и Западе **
И предводители достойных в двух мирах!
*Вид этого дела таков, что эта девушка **
Стала отвратительной из-за этого разногласия после того как была хороша.
*Она согласилась на развод фиктивный и притворный **
И подтвердила его при двух свидетелях.
*И вынес решение судья, и это решение **
Требующее явно исполнения для двух сторон.
*Затем, после утверждения, появился помимо него **
Её муж, и она оказалась госпожой двух мужей.
*Продолжался брак открыто для этого, **
А для того скрытно на срок дня и ночи,
*И это речение, принимаемое во внимание, против него **
шафитский мазхаб в обоих высказываниях.
*Если же у неё будет ребёнок от двух мужей, **
То ему дозволено наследство от двух отцов.
*Запомните то, что я ответил об этом, **
И держитесь за это обеими ладонями.

Когда же они приняли к сведению мой ответ, и поразило их моё благоразумие, вспылал в них огонь зависти, и они были готовы связать меня верёвкой из пальмовых волокон. Я испугался и спрятался от них в густом лесу и сказал:

— Завидуют только опережающему!³³³

И я блуждал поспешно, к избавлению (л. 5а) направляясь, и устремился напрямик к твоему убежищу, которое защитит меня и избавит от нужды до поры, когда меня завернут в белый саван. Не было у меня другого прибежища и никакого спасительного места, а это пристанище [всякого] отверженного и приходящего.

³³³ В данном случае имеется виду, что обычно зависть возникает по отношению к людям выдающимся и способным, т.е. к «аринйна».

И я сказал ему:

– О, Абӯ-л-Фадл, брат справедливости собиратель целостности и обширный щедростью, я ожидал твоей близости, чтобы молить о дожде твои тучи для [решения] вопроса, касающегося неправильного стремления. И я представил ему ответы популярные и не очень о толковании слов Всевышнего «...а если боитесь, что будете несправедливы, то на одной»³³⁴.

(Далее на двух листах³³⁵ приводится филологическое и юридическое толкование в стихах и прозе приведённого выше коранического айата о многожёнстве. Суть толкования сводится к спору о вариантах прочтения слова «вахйда». При толковании герой приводит мнения ал-Байдāvī³³⁶ и его комментатора (*ал-мухшӣ*) ‘Исāмаддина ал-Исфарāййнӣ³³⁷).

(л. 6а) Сказал рассказчик:

– И был поражён мой разум его находчивостью и образованностью, безупречностью и остроумием. Он не прекращал занимать меня хадисами достоверными и выражениями красноречивыми. Мы прекрасно провели время³³⁸ [в течение] тёмной части ночи, пока не занялась голубая заря и не дала мне попробовать вкус смерти, которая рассеяла наше единение и разлучила [нас]. И [вот] он уже поднялся, шутя и [меня] удивляя, проявляя безмерность [своего] красноречия и чрезмерность, и покинул [мой дом] и [больше] не вернулся.

³³⁴ [Коран, 4: 3].

³³⁵ Р: л. 5а: 6 – 6а: 8; V: л. 4b: 12 – 5b: 13.

³³⁶ ‘Абдаллах ибн ‘Умар ал-Байдāvī (1203–1286), известный комментатор Корана [Brockelmann 1898, с. 530].

³³⁷ ‘Исāмаддин Ибрāхїм ибн Муḥаммад ‘Арабшāх ал-Исфарāййнӣ (ум. 944/1536) [Brockelmann 1937, с. 417].

³³⁸ Это место дословно переводится как «зелёная жизнь», т.е. прекрасное времяпровождение [Lane 1865, с. 756]. Здесь идёт игра слов, обозначающих цвет: «العيش الأخضر» (зелёная жизнь), «الليل الاسود» (чёрная ночь), и «الصباح الازرق» (голубая заря).

г. «Египетская» макама, № 6

المَقَامَةُ الْمِصْرِيَّةُ

(л. 27a) رَوَى أَبُو الْخَيْرِ بْنُ الْحَارِثِ * فِيمَا حَكَهُ عَنْ أَبِي الْفَضْلِ بْنِ الْوَارِثِ * قَالَ :

- قَدْ ضَعْتُ دُرْعًا * فَسَحْتُ فِي فَسِيحِ الْأَرْضِ أَسْعَى * لِأَشْرَحَ صَدْرِي * وَ أَسْرَحَ خَطْرِي
 * فَتَسَلَّقْتُ إِلَى ذُرْوَةِ³³⁹ الطَّرِيقِ * وَ سَلَكْتُ كُلَّ فَجٍّ عَمِيقٍ * وَ أَوْغَلْتُ فِي السَّيْرَانِ * وَ تَلَقَّيْتُ
 الرُّكْبَانَ * فَإِذَا بِقَافِلَةِ الرُّكْبِ الْمِصْرِيِّ * فَابْتَهَجَ بِهَا سِرِّي * وَ انْتَهَجَ إِلَيْهِ يُسْرِي * فَأَقْبَلَ مِنْهَا أَخِي
 أَبُو الْفَضْلِ * وَ اجْتَمَعَ³⁴⁰ بِهِ الشَّمْلُ * فَقُلْتُ لَهُ :

- مَرَحَبًا بِالْخِلِّ الْأَقْدَمِ * قَدْ قَدَمْتَ خَيْرَ مَقْدَمٍ * لَعَلَّكَ أَسْفَرْتَ فِي سَفَرِكَ عَنِ الْمَعَاشِ * وَ
 فُزْتَ فِي قَطْعِ الْمَفَازَةِ بِالْإِنْتِعَاشِ * (л. 27b) وَ أَنْتَ عَالِمٌ بِأَنَّ الْمُسَافِرَ * عَنِ الْعَجَائِبِ مُسَافِرٍ * وَ
 قَدْ آنَسَ مَنْ حَضَرَ وَ أَوْحَشَ مَنْ غَابَ * وَ الْأَسَدُ³⁴¹ لَا يَفْتَرِسُ حَتَّى يُفَارِقَ الْغَابَ * وَ الْمَاءُ إِذَا
 مَكَثَ يَمْلُحُ أَجْلَاهُ * وَ إِذَا جَرَى تَعَذَّبَ أَمْوَاغُهُ * وَ لَوْ لَمْ تَسِرِ اللَّالِئُ مِنَ الْبُحُورِ * لَمَا حَلَّتْ وَ

³³⁹ В V дана ошибочная форма «ذرة» (л. 26b: 1). Пропущена буква.

³⁴⁰ В P дана ошибочная форма «اجتمعوا» (л. 27a: 15). Исходя из контекста, глагол должен стоять в форме ед. числа.

³⁴¹ В P дана ошибочная форма «الاسر». (л. 27b: 2). Описка.

تَلَأَلَتْ فِي النُّحُورِ * وَ غُبَارُ السَّيْرِ وَ النَّقْلَةِ * خَيْرٌ مِنْ زَعْفَرَانِ الْإِقَامَةِ وَ الْعُطْلَةِ * لَكِنَّ الْحُرَّ
عَزِيزٌ فِي كُلِّ دَارٍ * وَ الشَّمْسُ فِي كُلِّ بَرْوجٍ³⁴² لَهَا أَنْوَارٌ .

فَقَالَ :

- مَهْ ! الْغَرِيبُ مَيِّتُ الْأَحْيَاءِ * كَالْغَرَسِ³⁴³ الَّذِي لَمْ تُحْيِهِ دِيْمَةُ الْحَيَاءِ * وَ قَدْ فَقَدَ شُرْبَهُ وَ
ثِمَارَهُ * وَ أَدْرَكَهُ ذُبُولُهُ وَ زَمَانُهُ³⁴⁴ * وَ فَارَقَ مَنْ يَأْلَفُهُ وَ يُمَانِيهِ * وَ أَشْكَلَ عَلَيْهِ صُحْبَتُهُ³⁴⁵ مَنْ لَا
يُشَاكِلُهُ * وَ السَّائِرُ إِلَى بَلَدَةٍ أَسِيرٌ أَعْلَاجِهَا * وَ هُوَ غَرِيبٌ وَ لَوْ رُغِبَ فِي عُسْرِهَا وَ خَرَاجِهَا * لَا
شُعْتُ³⁴⁶ ذَاتَكَ بِوَعَثَاءِ السَّفَرِ * إِذْ هُوَ قِطْعَةٌ مِنْ سَقَرٍ³⁴⁷ * وَ لَوْ لَمْ يَكُنْ عُقُوبَةً لِلْإِنْسَانِ * لَمَّا
حَدَّ الزَّانِي³⁴⁸ وَ غَرَبَ عَنْ الْأَوْطَانِ * فَإِنَّهُ يُعَاقِبُ بِالتَّغْرِيبِ³⁴⁹ عَنْ مَوْطِنِهِ وَ عَنْ مَأْلُوفِهِ * وَ
مَعْرُوفِهِ وَ مَأْمَنِهِ * وَ كَفَاهُ بِدَهْشَةِ دُخُولِهِ الْبَلَدِ * وَ ذِلَّةِ ارْتِيَادِ الْمَنْزِلِ مَا يَلْقَاهُ مِنَ النَّكَدِ * وَ

³⁴² В V дана ошибочная форма «برج» (л. 26b: 12). Пропущена буква.

³⁴³ В P (л. 27b: 7) и V (л. 26b: 13) ясно читается форма «الفرس», не имеющая смысла в данном контексте. Форма «الغرس» представляется здесь более уместной.

³⁴⁴ В V дана ошибочная форма «زماره», на что также указывают поставленные над ней чёрными чернилами три точки (л. 26b: 14). В P приводится форма «زمان». Форма с добавлением местоимения 3-го лица, ед. ч., м. р. дана мною здесь с учётом рифмующихся парных отрезков садж'а.

³⁴⁵ В V дана ошибочная форма «صحبة» (л. 26b: 15). Опущено местоимение 3-го лица, ед. ч., м. р.

³⁴⁶ В обеих рукописях у слова имеется одинаковая огласовка «شُعْتُ» (P: л. 27b: 11; V: л. 26b: 17).

³⁴⁷ В P у этого слова ошибочно поставлен определённый артикль. Под строкой более мелким шрифтом дописана та же форма, но уже без артикля (л. 27b: 12).

³⁴⁸ Прочтение этого места затруднительно.

³⁴⁹ В обеих рукописях слово «التغريب» было исправлено на «التغريب». В V над этим словом чёрными чернилами поставлены три точки (P: л. 27b: 13; V: л. 26b: 19).

اسْتَلْقِحْ طَلَاَحَ مَسَامِعِكَ الْقَارَّةَ بِرِيَّاحِ أَخْبَارِ سَارِيَةٍ³⁵⁰ * غَيْرِ سَارَةٍ عَنْ قِصَّةِ غَرِيبَةٍ * تُرْسَمُ³⁵¹
 بِالْخَنَاجِرِ عَلَى الْخَنَاجِرِ * (л. 28a) وَ تُرْقَمُ بِالْإِبْرِ عَلَى الْمَحَلِّجِ * وَ هِيَ أَنِّي دَخَلْتُ مِصْرَ كَلِيلًا
 حَسِيرًا * لَا أَمْلِكُ نَقِيرًا وَلَا قِطْمِيرًا³⁵² * وَ كَانَ يَوْمِي عَبُوسًا قَمَطِيرًا * وَ «الْغَرِيبُ كَالْأَعْمَى»³⁵³
 وَ لَوْ كَانَ بَصِيرًا³⁵⁴ * فَطَفِقْتُ أَخِيطُ بِهَا خَبْطَ عَشَوَاءَ * وَ³⁵⁵ تَغَشَّانِي الْخَطْبُ وَ الشَّعَوَاءَ *
 فَالْمَحْتَنِي عَجُوزٌ قَدْ أَظْهَرَتْ سِيَمَاءَ السَّرَاجَةِ وَ الْعِبَادَةَ * وَ اشْتَمَلَتْ بِالسُّبْحَةِ وَ السَّجَادَةِ³⁵⁶ * وَ
 قَدْ أَلْبَسَهَا الْكِبَرَ كُبْرًا * وَ أُكِيرَتْ مَكْرًا وَ كِبْرًا * فَلَمَّا رَأَيْتَنِي³⁵⁷ مِمَّنْ يُقَدِّمُ رَجُلًا * وَ يُؤَخِّرُ³⁵⁸
 أُخْرَى

قَالَتْ لِي :

³⁵⁰ В V над этим словом чёрными чернилами поставлены три точки (л. 27a: 3).

³⁵¹ В P у слов «غريبة ترسم» полностью отсутствуют диакритические точки (л. 27b: 17).

³⁵² Перефразированная цитата из Корана [35:13].

³⁵³ В P слово перенесено со строки на строку (كَا_لْأَعْمَى) (л. 28a: 2-3).

³⁵⁴ Арабская пословица.

³⁵⁵ В P диттография, предлог «وَ» написан два раза подряд (л. 28a: 3-4).

³⁵⁶ В P дана неверная форма «السجارة» (л. 28a: 5). Ср. в рукописи написание буквы «ج» и «ر» строкой ниже (л. 28a: 6).

³⁵⁷ В обеих рукописях дана ошибочная форма «رأيتني» («ты меня увидел/а») (P: л. 28a: 6; V: л. 27a: 11). Судя по контексту, здесь следует читать «رأنتني» («она меня увидела»).

³⁵⁸ Примечательно, что в обеих рукописях дана форма «أخري» (P: л. 28a: 7; V: л. 27a: 11), т.е. у «ي» стоят точки, которых быть не должно.

- أَظُنُّكَ غَرِيبًا * فَهَلَّا رَغِبْتَ أَنْ تَكُونَ³⁵⁹ لِي نَسِيبًا * وَأَزْوَاجَكَ ابْتَنَّا لِي تَكُونَ حَرْثُكَ *
 وَ تَلَمْ شَعْنَكَ * وَ تَضُمُّ رَفَثَكَ * وَ تَرْمُ رَثَّكَ * وَ تَجِمُّ³⁶⁰ عَثَّكَ * وَ لَا تَتِمُّ عَلَى يُسْرِكَ³⁶¹ * وَ لَا
 تَذُمَّكَ عَلَى عُسْرِكَ * وَ تَكُونَ فِي الدَّارِ مِنَ الْجَوَارِ * وَ تَرَعَى ذِمَّةَ الْجَوَارِ * وَ تُعِينُكَ عَلَى الدَّهْرِ
 وَ لَا تُعِينُ الدَّهْرَ عَلَيْكَ³⁶² * وَ تَدْفَعُ عَنْكَ الْعَنَاءَ وَ تَسُوقُ³⁶³ الْغَنَاءَ إِلَيْكَ .
 فَقُلْتُ لَهَا :

- أَلَيْتُ عَلَى نَفْسِي * أَنَّهُ لَا³⁶⁴ أَتَزَوَّجُ إِلَّا مِنْ خَوَاصِ جِنْسِي * وَ النَّظَرُ قَبْلَ إِقْطَافِ
 الثَّمَرِ³⁶⁵ * مَطْمَحُ الْوَطْرِ وَ مَلْمَحُ الْفَكْرِ³⁶⁶ * وَ الْإِخْتِبَارُ قَبْلَ الْإِخْتِيَارِ وَ الْإِعْتِقَادُ بَعْدَ الْإِنْتِقَادِ وَ
 السُّنَّةُ لِكُلِّ مَنْ أَرَادَ الزَّوْاجَ * أَنْ يَرَى الْيَدَيْنِ وَ الْوَجْهَ * وَ لَوْ فِي ظُلْمَةِ الدَّاجِ * عَلَى ضَوْءِ
 السَّرَاجِ * هَرَبًا مِنَ الْعُرُورِ * وَ رَهْبًا مِنَ الْعُرُورِ .
 قَالَتْ :

- وَ لَمْ تُصَدِّقْنِي * وَ قَدْ بَرِئْتُ مِنَ الرَّيْبِ وَ رَبِّي .

³⁵⁹ В Р дана ошибочная форма «يكون» (л. 28а: 6).

³⁶⁰ В обеих рукописях дана непонятная форма «تَجِمُّ» (Р: л. 28а: 9; V: л. 27а: 14).

³⁶¹ В V дана форма «سرك» (л. 27а: 14) (Р: л. 28а: 9).

³⁶² Выражение из сказок «Тысячи и одной ночи». См. прим. № 408.

³⁶³ В Р дана ошибочная форма «تسرق» (л. 28а: 12).

³⁶⁴ В Р частица отрицания «لا» пропущена (л. 28а: 12-13).

³⁶⁵ В Р дана ошибочная форма «الثمر» (л. 28а: 13).

³⁶⁶ В Р дана ошибочная форма «الفك» (л. 28а: 14).

(л. 28b) قُلْتُ :

- بَلَى وَ لَكِنْ لِيَطْمَئِنَّ قَلْبِي .

فَأَبْرَزْتُ لِي عَذْرَاءَ ذَاتُ ثَنِيَا غُرٌّ * تَبَسُّمٌ مِنْ عُقُودِ الدَّرِّ * رَبَّةٌ حِجَالُ * تَتَهَادِي كَالْحِجْلِ *
و تُرْدِي الْأَسَدَ * بِقَامَةٍ كَالْأَسَلِ * مِنْ وَرَائِهَا رِدْفٌ يَتَرَجَّرُ³⁶⁷ كَالزُّبُقِ³⁶⁸ * وَ لَهَا كَفٌّ أَبْيَضٌ مِنْ
الْعَاجِ وَ أَصَابِعُ كَأَصَابِعِ الزُّبُقِ * وَ طَرْفٌ أَوْطَفُ * وَ خَصْرٌ مُخْطَفُ * وَ خَدٌّ أُسَيْلُ * عَلَيْهِ عَرَقُ
الْحَيَاءِ يَسِيلُ * وَ قَدْ كَغُصْنِ الْبَانِ * وَ نَهْدٌ أَطْلَعُ الرَّهَانَ³⁶⁹ * قَدْ عَدَّهَا مِنَ الْعَيْنِ الْكَوَاعِبِ * وَ
لَوْ اهْتَدَى لِدَعَاهَا مِنَ الْكَوَائِبِ * فَأَحْيَتْ قَوَادِي حِينَ حَيْتُ بِدِيَاكَ الْمُحْيَا³⁷⁰ * وَ تَقَلَّدَتْ دُمِّي
حِينَ تَقَلَّدَتْ بِالثُّرَيَّا * فَقُلْتُ :

- يَا حَبَّذَا الْعَقْدُ !

وَ أَسْرَعْتُ بِالنَّقْدِ * وَ هِيَ أَحْضَرَتْ الْقَاضِيَّ وَ الشُّهُودَ * وَ أَنْجَزَتْ الْعَقْدَ الْمَوْعُودَ * وَ
أَحْرَزَتْ النَّقْدَ الْمَوْجُودَ * وَ كَانَ الْأَمْهَارُ * عَلَى أَلْفِ دِينَارٍ * وَ قَامَ الْفَرَحُ وَ النِّشَارُ * عَلَى الْأَهْلِ

³⁶⁷ В Р дана ошибочная форма «يترجج» (л. 28b: 3).

³⁶⁸ В Р красными чернилами закрашена нижняя внутренняя часть лигатуры «كأ» (л. 28b: 3).

³⁶⁹ В V над этим словом чёрными чернилами поставлены три точки (л. 27b: 11), что служит обозначением ошибочной записи. Значение данной формы и близких к ней вариантов, найденные в словарях, не подходят здесь по контексту.

³⁷⁰ В Р дана ошибочная форма «المحا» (л. 28b: 8).

وَالْأَحْضَارُ * فَلَمَّا تَمَحَّصَتِ الضُّوءُ عَنِ الْغِشَاءِ وَالِدَعْوَةِ * وَ لَفْظَتْ³⁷¹ عَنِ الثَّمَرَةِ الْعَجْوَةِ *
 وَ تَفَرَّقَتِ النُّسُوءُ * وَ جَمَعَتْنَا الْخُلُوءَ بَعْدَ ضَوْضَاءِ الْجُلُوءِ * وَ دَخَلْتُ عَلَيْهَا * وَ صَوَّيْتُ بِالنَّظَرِ
 إِلَيْهَا * رَأَيْتُ امْرَأَةً كَرَوَاءَ دَقِيقَةِ السَّاقَيْنِ * شَمَطَاءَ³⁷² مُنْتَفِخَةَ الْعَيْنَيْنِ * لَخْنَاءَ مُنْتَنَةِ الْإِبْطَيْنِ³⁷³
 * قَبِيحَةَ شَرِّهَاءَ * عَانِسًا ضَبَّهَاءَ * دَمِيمَةَ الصُّورَةِ * عَظِيمَةَ الْقُوَّةِ * فَاقْشَعَرَّ جَسَدِي * (л. 29a) وَ
 اكْفَهَرَّ خَلْدِي * وَ تَوَلَّى عَلَيَّ الْغَضَبُ وَ تَوَالَى * إِذَا بُدِّلْتُ الْآرَامُ بِالسَّعَالِي * وَ قَدْ قُلْتُ فِيهَا
 بَدِيهًا :

لَوْ يُمَسِّخُ الْقِرْدَ عَلَى مُسَخَّةِ * مَا كَانَ إِلَّا دُونَ صُورَتِهَا³⁷⁴
 هَذِي الَّتِي قَبَحَهَا رَبُّهَا * فِي وَجْهِهَا مِنْ تَحْتِ قُورَتِهَا .
 وَ نَدَمْتُ حَيْثُ لَا يَنْفَعُ النَّدَمُ * وَ اسْرَرْتُ فِي تَذْيِيرِ الْحِيلَةِ وَ تَنْوِيرِ الظَّلَمِ * وَ
 قُلْتُ لَهَا مُتَهَمِّكًا³⁷⁵ عَلَى سَبِيلِ الْإِشْتِغَالِ³⁷⁶ :
 - يَا بَدِيعَةَ الْجَمَالِ وَالشَّارَةِ³⁷⁷ * وَ رَقِيقَةَ الْخِصَالِ وَالْإِشَارَةِ * هَلْ مِنْ مَاءٍ لِإِسْبَاغِ
 الْوُضُوءِ وَالْإِسْتِرَاحَةِ ؟

³⁷¹ В Р дана ошибочная форма «لفظت» (л. 28b: 13).

³⁷² В Р дана ошибочная форма «شمكاء» (л. 28b: 15).

³⁷³ В Р красными чернилами закрашено замкнутое пространство в букве «ط» (л. 28b: 16).

³⁷⁴ Стихотворный размер *сарī* ‘.

³⁷⁵ В V дана ошибочная форма «متهمكما» (л. 28a: 10).

³⁷⁶ В Р у этого слова отсутствуют диакритические точки.

فَأَشَارَتْ بِالرَّاحَةِ³⁷⁸ إِلَى الْمَحَلِّ وَالسَّاحَةِ * فَنَهَضْتُ مِنْ فَوْرِي * وَ أَخْفَيْتُ وَطْنِي³⁷⁹

و طَوْرِي * وَ قَطَعْتُ مِنْ طَرْفِ عَمَّتِي * قِطْعَةً أَجْلُو بِهَا غُمَّتِي * وَ أَرَعَفْتُ أَنْفِي آيَةَ

رَعْفِهِ * وَ لِأَمْرٍ مَا جَزَعَ قَصِيرٌ أَنْفَهُ³⁸⁰ * وَ خَدَيْتُهَا بِدَمِ الرُّعَافِ * وَ لَفَعْتُ بِهَا عَنْ مَوْلِيَّ وَ

أَوْثَقْتُ الْأَطْرَافَ * وَ جَعَلْتُهُ كَالْقَتِيلِ الْمُضْرَجِ بِدِمَائِهِ * الْمَزْمَلِ فِي رِدَائِهِ * وَ أَتَيْتُهَا مُبْتَدِرًا

* وَ أَرَيْتُهَا آيَةً مُفْتَدِرًا * وَ قُلْتُ لَهَا :

- وَ الَّذِي حَرَّمَ السِّفَاحَ * لَا طَاقَةَ لِي عَلَى النِّكَاحِ³⁸¹ * وَ لَا تَزَوَّجْتُ إِلَّا مَنْ مُعَالِجٍ

دَاءٍ * وَ يُعَاجِلُ بِدَوَاءٍ * وَ لَكَ الثَّوَابُ الْجَمُّ * لِأَنِّي كَالْأَجَمِّ * وَ انْشَدْتُهَا بِالْأَرْتَجَالِ * وَ

أُحِلَّهَا عَلَى الْمُحَالِ :

أَعْيَى الْأَطِبَّاءُ دَائِي * وَ مَا لَهُ مِنْ دَوَاءٍ³⁸²

فَطَيْبِيهِ وَ طَيْبِي * نَفْسًا لِأَجْلِ شِفَائِي

فَالْأَجْرُ فِيهِ عَظِيمٌ * يَوْمَ النَّدَا وَ الْجَزَاءِ

³⁷⁷ В Р дана форма «الشارة» (л. 29а: 6). В V дана неверная форма «البشارة» » (л. 28а: 11).

³⁷⁸ В Р дана ошибочная форма «بالراحة» (л. 29а: 7).

³⁷⁹ В обеих рукописях дана неверная с точки правил правописания подставки для хамзы форма «وطوي» (Р: л. 29а: 8; V: л. 28а: 13).

³⁸⁰ Известная арабская пословица. См. прим. № 414.

³⁸¹ В Р красными чернилами закрашена нижняя часть буквы «ح» (л. 29а: 13).

³⁸² Стихотворный размер *муджтасс*.

(Л. 29b) فَإِنْ بَرِئْتُ سَرِيعًا * وَزَالَ عَنِّي عِنَائِي

أَعْطَيْتُكَ الْمَالَ * وَالرُّوحَ كُلَّهُ بِرِضَائِي

حَتَّى نَعِيشَ جَمِيعًا * فِي غِبْطَةٍ وَهْنَاءَ

فَكَتَّمِي السِّرَّ إِنِّي * أَخَافُ كَشْفَ الْحَيَاءِ³⁸³.

فَخَرَجْتُ مِنَ الْخُلُوةِ صَارِخَةً * وَهِيَ فِي غَيْرِ ضَرَمٍ نَافِخَةٍ * وَرَاغَتْ كَالْتُّعْلُبَانِ * وَ

عَارَتْ عَلَى أُمِّهَا كَالْتُّعْبَانِ * وَأَلْقَتْ إِلَى تِلْكَ الْمَاكِرَةِ أَنْ إِصْهَرِي مِنْهُ الْمُصَاهِرَةَ وَصَلَتْ :

- الطَّلَاقُ , الطَّلَاقُ .

فَقُلْتُ :

- لَا فِرَاقَ * إِلَّا بِإِرْجَاعِ الصَّدَاقِ * فَإِنَّ هَذِهِ الْعَيْنَ * أَخَذَتْهَا بِالْدَيْنِ * وَالدَّائِنُ

خَصْمٌ أَلَدٌ³⁸⁴ * لَيْسَ لَهُ عَنِّي مَرَدٌ³⁸⁵ .

فَأَعْمَلْتُ الْحِيلَةَ فِي إِرْجَاعِ الْمَهْرِ * وَبُخُوتٍ مِنْ ظُلْمَةِ الْقَهْرِ * وَلَمَّا بَانَ الْبَيِّنُ *

أَرَادُوا إِصْلَاحَ الطَّرْفَيْنِ * فَقُلْتُ لَهُمْ :

³⁸³ В Р дана форма «الحباء» (Л. 29b: 2), в V – «الخباء» (Л. 28b: 7).

³⁸⁴ В Р конечная буква «د» написана очень неразборчиво, получается нечто вроде «آله» (Л. 29b: 7).

³⁸⁵ В Р конечная буква «د» написана очень неразборчиво, получается нечто вроде «مرء» (Л. 29b: 7). Ср. с прим. № 383.

- عَيْنِي إِلَيْكُمْ * «فَمَنْ اعْتَدَى عَلَيْكُمْ فَاعْتَدُوا عَلَيْهِ بِمِثْلِ مَا اعْتَدَى عَلَيْكُمْ»³⁸⁶.

وَقَدْ نَظَّمْتُ فِي هَذِهِ الْوَاقِعَةِ قَصِيدَةً * لِمَا قَصَدَتْهُ جَامِعَةٌ :

دَخَلْتُ مِصْرَ وَ عَنَدِي * كَرَبٌ أَقَاسِيهِ وَحَدِي³⁸⁷

وَ غُرْبَةٌ وَ انْتِزَاحٌ³⁸⁸ * عَنْ كُلِّ إِلْفٍ وَ نِدٍّ

وَ صَادَفْتَنِي³⁸⁹ عَجُوزٌ * مَكَارَةُ ذَاتُ زُهْدٍ

قَالَتْ أَرَاكَ غَرِيبًا * عَرَاكَ أَعْظَمُ وَجْدٍ

هَلَا³⁹⁰ أَهَادِيكَ خَوْدًا * تَزْهُو بِقَدٍّ وَ خِدٍّ

وَ الْقَدُّ أَرْطَبُ غُصْنٍ * وَ الْخِدُّ أَطْيَبُ وَرْدٍ

تَنَالُهَا بِنِكَاحٍ * خَالِي السَّفَاحِ وَ عَقْدٍ

يَحُلُّو لَكَ الْحَالَ فِيهَا * بِحِفْظِ عَيْشٍ وَ عَهْدٍ

فَقُلْتُ سَمْعًا وَ طَوْعًا * وَ كَيْفَ لَا وَ هُوَ قَصْدِي

³⁸⁶ Коран [2: 194].

³⁸⁷ Стихотворный размер *муджтасс*.

³⁸⁸ В Р дана ошибочная форма «انتزاج» (л. 29b: 11).

³⁸⁹ В Р дана ошибочная форма «ضادفتني» (л. 29b: 12).

³⁹⁰ При данной, хотя и правильной с грамматической точки зрения, огласовке нарушается стихотворный размер. Для его соблюдения должна быть использована форма без ташдйда – «هَلَا».

فَأَبْرَزْتُ لِي رَدَاحًا³⁹¹ * كَالْبَدْرِ فِي بُرْجِ سَعْدٍ

بِالْحَلِيِّ وَالْدُرِّ زَيْنَتْ * (л. 30a) مِنْ فَوْقِ³⁹² صَدْرٍ وَ نَهْدٍ

تَفْتَرُّ عَنْ عَقْدِ دُرٍّ * وَ عَنْ حَبَابٍ وَ شَهْدٍ

وَ عَنْ أَقَاحٍ وَ طَلْحٍ * وَ عَنْ عُذُوبَةٍ وَرْدٍ³⁹³

فَقُلْتُ أَهْلًا وَ سَهْلًا * يَا حَبْدًا وَ يُوَيْي³⁹⁴

فَأَسْرَعْتُ لِي بِقَاضٍ * وَ شَاهِدِينَ وَ جُنْدِي³⁹⁵

وَ أَحْكَمُوا الْعَقْدَ شَرْعًا * بِالْأَلْفِ مِنْ خَيْرِ نَقْدٍ

وَ مُذْ³⁹⁶ دَخَلْتُ عَلَيْهَا * فِي خِلْوَةِ الْعُرْسِ وَحْدِي

³⁹¹ В обеих рукописях дана форма «رداحا» (P: л. 29b: 17; V: л. 29a: 4).

³⁹² В P дана ошибочная форма «فوق» (л. 30a: 1).

³⁹³ В P это слово дано с определённым артиклем (л. 30a: 17), однако в случае постановки определённого артикля нарушается стихотворный размер; в V артикль отсутствует (л. 29a: 6).

³⁹⁴ В V над этим словом чёрными чернилами поставлены три точки (л. 29a: 7).

³⁹⁵ Для сохранения стихотворного размера необходимо облегчение удвоения согласного у данного слова – «جُنْدِي». Форма единственного числа употреблена также, в некотором роде в ущерб смыслу, для того чтобы выдержать размер.

³⁹⁶ В P дана ошибочная форма «من» (л. 30a: 4).

تَبَدَّلْتُ لِي وَجَاءَ³⁹⁷ * عَنْ الْغَزَالِ³⁹⁸ بِقَرْدٍ
 رَأَيْتُ شُمُطَانَ شَامِتٍ * يُمِيسُ لِي وَشَيْ بُرْدٍ
 مِنْ نَسْلِ يُجُوجٍ³⁹⁹ فَزَتْ * إِلَى مِنْ خَلْفِ سَدِّي
 فَقُمْتُ حَيْرَانَ عَنْهَا * وَمَذَّ عَزَمْتُ بِجَهْدِي
 جَازَيْتُ مَكْرًا بِمَكْرٍ * مُشَاكِلاً بِالتَّعَدِّي
 كَيْدُ النِّسَاءِ عَظِيمٌ * أَذَابَ عَظْمِي وَجِلْدِي
 وَاللَّهِ لَوْ لَمْ يَغْنِيَنِي * لَمَّا ظَفِرْتُ بِرِفْدِي
 فَالْحَمْدُ⁴⁰⁰ لِلَّهِ رَبِّي * عَلَى فِرَاقِي وَبُعْدِي
 فَإِنْ يُنَابِكَ دَهْرٌ * وَقَدْ صَدِئْتُ بِصَدٍّ
 * فَلَا تُظْفَرَ خَوْدًا * بِالْعَجْزِ عَنْ كُلِّ رَدٍّ
 فَاسْتَجِرْ مِنْ رَدٍّ كَيْدًا * فِي سَخَرٍ وَاشٍ وَضَدٍّ.

قَالَ الرَّأَوِي :

³⁹⁷ В обеих рукописях ради сохранения стихотворного размера дана грамматически неверная для данного контекста форма «جَاءَتْ» (P: л. 30a: 5; V: л. 29a: 9).

³⁹⁸ В P слова «عن الغزال» написаны чрезвычайно неаккуратно, получилось нечто вроде «نحر الطرل» (л. 30a: 5).

³⁹⁹ См. прим. № 422.

⁴⁰⁰ В P дана ошибочная форма «فالمهد» (л. 30a: 10).

فَقُلْتُ لَهُ⁴⁰¹ :

– مَا أَوْسَعَ فِكْرَكَ وَأَفْظَعَ⁴⁰² مَكْرَكَ الْمَتِينِ⁴⁰³ * فَتَوَلَّى تَالِيًا «وَمَكْرُوا وَمَكَرَ اللَّهُ وَاللَّهُ خَيْرُ

الْمَاكِرِينَ»⁴⁰⁴

Перевод

Египетская макама.

(л. 27а) Рассказывал Абӯ-л-Хайр ибн ал-Хāрис, среди того, что он поведал (л. 3а) о Абӯ-л-Фадле ибн ал-Вāрисе. Он сказал:

– Стало мне скучно [в городе], и я отправился в путешествие по просторам земли, стремясь порадоваться и развеяться, и я взбирался на вершины дорог [горных] и входил в каждую глубокую долину. Далеко я зашёл в странствованиях и повстречал всадников, и оказалось, что это караван всадников египетских. Возликовала от того моя душа и последовало за ним моё облегчение, и явился из каравана мой брат Абӯ-л-Фадл и посредством его соединилось разъединённое, и я сказал ему:

– Добро пожаловать, друг давнишний! Ты прибыл наилучшим прибытием! Вероятно, ты приобрёл в своём путешествии средства на жизнь и преуспел при пересечении пустыни в отдохновении. (л. 27б) Ты знаешь, что странник чудесные вещи открывает [в пути]. Тот, кто присутствует – развлекает, а тот, кто отсутствует – скучать заставляет. Лев не растерзает [добычу], пока не покинет чашу. Вода, если застаивается, то усиливается её солёность, а если бежит, то становятся прес-

⁴⁰¹ В Р дана форма «فَقْلَتْهُ» (л. 30а: 13), в V – «فَقْلْتُ لَهُ» (л. 29а: 17).

⁴⁰² В обеих рукописях дано непонятное слово «أَفْضَعَ» (Р: л. 30а: 13; V: л. 29а: 17). Скорее всего, здесь нужно читать «أَفْظَعَ».

⁴⁰³ Очевидно, что слово «الْمَتِينُ» использовано здесь только ради рифмы. «Крепкий» – один из эпитетов Аллаха.

⁴⁰⁴ Цитата из Корана [3:54].

ными её волны, и если бы не выходил жемчуг из морей, тогда бы он не украшал и не сверкал на шее, а пыль от ходьбы и передвижения лучше шафрана проживания [на одном месте] и бездействия, однако благородный человек – ценен в каждой стране, а солнце – свет его в каждом созвездии. Он [же] сказал:

– Достаточно! Странник что мёртвый среди живых, он подобен дереву, которого не оживляет дождевое облако, когда оно уже лишилось своего сока и своих плодов, и постигло его увядание и его время, и оно разлучилось с тем, кто дружил с ним и походил на него, и в тягость ему дружба с непохожим на него. Прибывающий в какой-либо город чужаком является пленником его простонародья, даже если соблазнится его десятиной и поземельным налогом. Да не рассыплешься ты из-за трудностей пути, поскольку это часть преисподней. И если бы [это] не было наказанием для человека, тогда бы он не ограничивал [свою сущность] и покинул бы родину, но поистине его мучает удаление от родины и от привычного, знакомого и безопасного для него, и ему достаточно вместе с потрясением от прибытия в страну и от унижения поиска жилища, тех тягот, которые он встречает. Проси, чтобы оплодотворилась непригодность твоего слабого слуха ветрами известий дующих, [но] не радующих, о необыкновенной истории, начертанной кинжалами на гортани (**л. 28а**) и выведенной иглами на краях глаза⁴⁰⁵, а она о том, как я прибыл в Каир усталый, утомлённый. Не было у меня ни бороздки [на косточке от финика], ни плёнки [от него]⁴⁰⁶, и дни мои были суровыми, грозными, а «чужеземец подобен слепому, даже если он и видит»⁴⁰⁷. Начал я бро-

⁴⁰⁵ ...и выведенной иглами на краях глаза... – Расхожее выражение из сказок «1001 ночи»: «Моя повесть такова, что, будь она написана иглами в уголках глаза, она стала бы назиданием для поучающихся», ночи №№ 1, 7, 10, 12, 17, 37, 233, 290, 301, 626, 730, 948 [Тысяча и одна ночь 2007].

⁴⁰⁶ Т.е. ни гроша в кармане. Перефразированная цитата из Корана «وَالَّذِينَ تَدْعُونَ مِنْ دُونِهِ مَا يَمْلِكُونَ» – «...а те, кого вы призываете помимо Него, не владеют и финиковой кожицей» [35:13]. Также см. [4:53, 124].

⁴⁰⁷ Арабская пословица.

дить по нему наудачу и покрыло меня несчастье и опустошение, и [вот] заметила меня старуха, на лице её – миловидность и благочестие, несущая чётки и [молитвенный] коврик. Она выглядела почтенно, но [внутри её] было сокрыто коварство и высокомерие, когда же увидела, что я из тех, которые делают один шаг [вперёд], а один назад⁴⁰⁸, она сказала мне:

– Мне кажется, что ты – чужеземец. Не хотел бы ты стать моим зятем? Я женю тебя на одной из моих дочерей, она будет твоей пашней и соберёт воедино твою разобщённость. Соединит [в себе] удовлетворение твоих плотских желаний, починит твоё разорванное [платье] и заполнит то, что изъедено молью, не будет сплетничать о том, что у тебя разорвано, и не осудит тебя за твоё трудное положение, будет [всегда] в доме поблизости и соблюдёт долг перед соседями, поможет тебе против судьбы и не поможет судьбе против тебя⁴⁰⁹, отстранит от тебя неприятности и доставит к тебе богатство.

Я сказал [ответил] ей:

– Я поклялся себе, что возьму в жёны только из благородных рода моего. Осмотр перед сбором плодов – желанен и мысль приходящая [в голову]; проверка предшествует выбору, а убеждение следует за испытанием⁴¹⁰. Есть обычай для каждого, кто хочет жениться – увидеть руки и лицо [невесты], хоть в темноте мрака, при свете лампы во избежание заблуждения и опасаясь обмана.

Она сказала:

⁴⁰⁸ Т.е. проявляют нерешительность. Устойчивое выражение, широко известное на Ближнем Востоке «يقدم فيه رجلا ويؤخر عنه أخرى», аналог в русском языке «топтаться на месте». Ср. с названием работы В.И. Ленина, ставшим крылатой фразой, «Шаг вперёд, два шага назад».

⁴⁰⁹ Расхожее выражение из сказок «Тысячи и одной ночи», приписываемое изначально второму праведному халифу ‘Умару ибн ал-Хаттāбу (634–644), в котором даётся характеристика благопристойной жены. Ночь № 61 [Тысяча и одна ночь 2007, с. 152].

⁴¹⁰ Т.е. перед тем как выбрать что-либо, необходимо это тщательно осмотреть, дабы убедиться в верности своего решения, а не действовать вслепую.

– Ты мне не веришь, а я избегаю дел сомнительных, клянусь моим Господом!

(л. 28b) И я сказал:

– Да, [доверяю], но пусть моё сердце успокоится.

И она показала мне девушку обладательницу передних зубов блестящих, улыбающуюся ожерельем жемчужным, владелицу [ножных] колец, покачивающуюся [при ходьбе] словно куропатка, и сражающую льва фигурой [стройной] как тростник. Позади неё подрагивают ягодицы, словно ртуть, руки её белые [как] слоновая кость, а пальцы словно лепестки жасмина, взгляд [её падает] из под густых бровей, талия – тонкая, щёки – гладкие, на них пот стыдливости, стан как ветвь ивы, перси [её] видней чем <...>⁴¹¹, она принадлежит к лучшим из девиц, а если [нужно] отыскать верный путь, то призови её вместо светил, и оживился мой <...>, когда я <...> от этого личика и взыграла во мне кровь, когда она опоясалась Плеядами.

Я сказал:

– Как хорош уговор!

И я поспешил с уплатой, а она⁴¹² привела судью и свидетелей, и выполнила уговор обещанный, и получила деньги наличные, а махр [за девушку] был более тысячи динаров⁴¹³. Начались веселье и разговоры среди народа и гостей. Когда же стал заметен свет из-под покрывала [ночи] и [слышен] призыв [на молитву], и я выплюнул косточки плодов, и женщины разошлись, а нас оставили в уединении после [радостных] криков при снятии покрывала [с новобрачной]. [Когда] я вошёл

⁴¹¹ См. прим. № 368.

⁴¹² Т.е. старуха.

⁴¹³ Примечательно раннее сообщение героя о том, что он прибыл в Каир без каких-либо средств. См. прим. № 405.

к ней и устремил к ней взгляд, я увидел кривоногую женщину⁴¹⁴, седую с выпученными глазами, вонючую со зловонными подмышками, отвратительную, прожорливую старую деву, отвратительного вида, с огромным лбом. Содрогнулось моё тело (л. 29а) и стало сумрачно у меня на душе. Овладел мною гнев непрекращающийся, когда заменилась газель на ведьму, и я сказал об этом экспромтом [стихи]:

*Если попытаться изменить вид обезьяны,
то ничего не получится кроме её собственного [обезьяньего] вида.
Это та, которую Господь сотворил безобразной
лицом от самого лба.*

Я раскаялся, когда уже не приносит пользу раскаяние и принялся в тайне [обдумывать] как устроить хитрость и осветить [мрак] несправедливости. Я сказал ей, делая озабоченный вид:

– О, чудо красоты и [обладательница] внешности прекрасной, утончённых свойств и достоинств, есть ли вода для полного омовения и облегчения?

И она указала ладонью на [место] в помещении и во дворе. Я тот час вскочил и утаил [от неё] своё впечатление и [душевное] состояние. Оторвал я от края своей чалмы кусок [ткани], [чтобы] обнаружить своё горе, и так сдавил свой нос, что из него потекла кровь, не зря Қасйр отрезал нос свой⁴¹⁵, и я обмазал эту ткань

⁴¹⁴ В данном случае ноги женщины сравниваются с ногами страуса. Слово, редко встречающееся в арабской поэзии; «كرواء» (кривоногая, с тонкими ногами) синоним «دقيقة الساقين» [Закариййā 1999, с. 174].

⁴¹⁵ Арабская пословица, применяемая к хитрому человеку, нанёсшему себе какое-либо увечье ради достижения желаемой цели. Предание гласит, что в середине третьего столетия после Р. Х. у Джазймы ал-Абраша, – вождя нескольких арабских племён, кочевавших по обоим берегам нижнего Евфрата, был верный слуга – Қасйр ибн Са‘д ибн ‘Умар ал-Лахмй. Когда Джазйма был предательски убит Зенобией (Заббā’), – царицей Пальмиры, Касйр пошёл на хитрость, желая отмстить за смерть своего господина: он отрезал себе нос, и явившись к Зенобии, обвинил приемника убитого Джазймы – ‘Умара ибн ‘Адди, в самоуправстве. Зенобия поверила словам

натёкшей кровью, и завернул в неё своего «господина»⁴¹⁶, и связал [её] концы и я сделал его подобно убиенному, обagrённому собственной кровью и закутанному в собственную одежду. Я пришёл к ней поспешно, и показал ей его в соответствующем виде, и сказал ей:

— Клянусь тем, кто запрещает прелюбодеяние, у меня нет сил на брак, и я женюсь только на той, кто вылечит недуг и поспешит с [приготовлением] лекарства. Тебе [причитается] награда щедрая, потому что я словно безрогий. И я продекламировал ей экспромтом [стихи], внушая её невозможное:

<i>Бессильны лекари перед моим недугом</i>	<i>и нет для него снадобья,</i>
<i>Излечи его и успокой</i>	<i>ради моего исцеления,</i>
<i>И вознаграждение за то великое</i>	<i>в День щедрости и воздаяния.</i>
(л. 29b) <i>И если поправлюсь быстро,</i>	<i>и прекратится для меня моё мучение,</i>
<i>Я отдам тебе имущество</i>	<i>и душу всю её с удовольствием,</i>
<i>Чтобы мы жили совместно</i>	<i>в радости и благополучии.</i>
<i>Сохрани же мою тайну, поскольку я</i>	<i>боюсь раскрытия постыдного.</i>

И она вышла из комнаты [где мы оставались наедине], крича, без пламени пышущая, и увильнув как лиса, набросилась с упрёками на свою мать как гадюка и сказала этой обманщице: «Выплавь из него [этот] брачный союз!»⁴¹⁷ И она прокричала:

— Развод, развод!

Я же сказал:

Қасіра и приняла его к себе на службу. Спустя некоторое время, войдя в полное доверие к Зенобии, Касір тайно впустил войско ‘Умара ибн ‘Адди в её крепость, тем самым отомстив за смерть хозяина. Подробнее см. [Мюллер 1895, 11-13].

⁴¹⁶ Т.е. гениталии.

⁴¹⁷ Т.е. «заставь его со мной развестись». Здесь игра слов: «**صهر**» — выплавка, плавка; «**صهر**» — брачный союз.

– Расставание бывает только при возвращении [выплаченного] приданого. Воистину, эти деньги ты получила в долг, а кредитор, [что] враг заклятый – нет ему спасенья от меня. И я пустил в дело уловку для возвращения махра и [избавления] счастья от мрака принуждения. Когда обнаружилась [неизбежность] развода, они захотели сторон примирения, и я сказал им:

– Вот вам моё убеждение: «Тот, кто покушается на вас, нападите же на него, как он напал на вас»⁴¹⁸. И я сложил по этому случаю касыду и поведал обо всём том, что я имел целью:

<i>Я вошёл в Каир в</i>	<i>горести, перенося в одиночестве</i>
<i>Жизнь на чужбине и удаление</i>	<i>от всех товарищей и [себе] подобных.</i>
<i>И повстречала меня случайно</i>	<i>мошенница – обладательница [притвор-</i>
<i>старуха</i>	<i>ного] благочестия.</i>
<i>Она сказала: Мне кажется, что</i>	<i>тебя постигло великое обретение!</i>
<i>ты – чужеземец.</i>	
<i>Не одарить ли тебя молодой де-</i>	<i>гордящейся [своими] станом и щёками,</i>
<i>вушкой,</i>	
<i>А стан что свежайшая ветвь,</i>	<i>а щёки – ароматнейшая роза</i>
<i>На ней сможет жениться</i>	<i>свободный от порочащих связей и согла-</i>
	<i>шения</i>
<i>Улучшится в этом твоё положе-</i>	<i>[и исчезнет] забота о пропитании и обе-</i>
<i>ние</i>	<i>та выполнении.</i>
<i>Тогда я сказал: Слушаюсь и пови-</i>	<i>и как же [сказать] нет, [ведь] это моя</i>
<i>нуюсь.</i>	<i>цель и устремление,</i>

⁴¹⁸ Коран [2: 194].

И предъявила мне тяжело гру- словно полная луна в созвездии Са'д⁴¹⁹.
 жёную верблюдицу
 Драгоценностями и жемчугом (л. 30а) поверх груди и персей,
 украсилась
 Выказывая при улыбке ожерелье росу⁴²⁰ и мёдовые соты,
 жемчужное,
 Цветы хризантемы и акации⁴²¹, и сладость розы.
 Тогда я сказал: Добро пожало- Как хороша! И мне по вкусу.
 вать!
 Тогда старуха поспешила ко мне свидетелями и воином,
 с судьёй,
 И они скрепили договор по шариату в тысячу полновесных монет.
 Когда же я вошёл к ней в покои невесты один,
 Она изменилась для меня и явилась вместо газели обезьяна⁴²².
 Я увидел перезревший финик, зло- идущий ко мне [на встречу] раскачиваясь
 радствующий, в цветистом плаще
 Из потомков Гога⁴²³, вселяя ужас в меня от самой земли

⁴¹⁹ Имеется в виду одна из так называемых «стоянок» луны, то есть тех звёзд, около которых луна, по учению арабских астрономов, последовательно останавливается в каждый из двадцати восьми дней лунного месяца. Ночь № 454. [Тысяча и одна ночь 2007, с. 56-57]. Двадцать четвёртая из этих звёзд, Бета Водолея (β Aquarii), ярчайшая тройная звезда в созвездии Водолея, имеет традиционное название Садальсууд (от арабского «са'д ал-су'ūd») – «счастливая из счастливейших». Ей дано такое название, поскольку Солнце вступает в это созвездие с наступлением марта, когда начинается сезон постоянных, лёгких дождей. Арабские маги обращались к ангельским силам и звёздным духам Сад-ал-Сууд с просьбами об укреплении верности между супругами и влюблёнными.

⁴²⁰ Т.е. красивые зубы.

⁴²¹ Известно, что женщины Юго-Восточной Азии окрашивают зубы танином – светло-жёлтым порошком, выделяемым из коры акации.

⁴²² В арабской традиции обезьяна – символ уродства, а газель – символ красоты.

*И я растерялся от этого, когда же я приложил усилия,
Я оплатил коварством за ко- борясь с несправедливостью.
варство,
Великие козни женщин расплавили мои кости и кожу.*

*Клянусь Богом, если бы мне не то я бы не добился желаемого мною.
стало дурно,*

*Слава Богу, Господу моему за моё с [ней] расставание и отдалён-
ность!*

*И если поразила тебя судьба и ты уже покрылся [словно ржавчиной]
отчуждением*

*То не принесёт тебе победу у мо- бессилие в каждом ответе,
лодой девушки,*

*Так оттягивай же [момент] от- насмехаясь над клеветником и соперни-
вета хитростью, ком.*

Сказал равий:

Я сказал ему:

– Как же широка твоя мысль и как непомерно коварство твоё сильное, при-
ми же следующее:

– «И хитрили они, и хитрил Аллах, а Аллах – лучший из хитрецов»⁴²⁴.

⁴²³ Гог и Магог – в иудейской, христианской и мусульманской мифологиях два диких народа, нашествие которых должно предшествовать «Страшному суду». В Коране Гог и Магог упоминаются как два отдельных, не связанных друг с другом диких племен, обитающих в «крайних пределах земли» [18:94; 21: 96].

⁴²⁴ Коран [3:54].

«Басрийская» макама, № 11

المَقَامَةُ البَصْرِيَّةُ

(л. 41b) رَوَى أَبُو الْخَيْرِ بْنُ الْحَارِثِ ⁴²⁵ * عَنْ أَبِي الْفَضْلِ بْنِ الْوَارِثِ * قَالَ :

- دَخَلْتُ مَدِينَةَ الْبَصْرَةِ * فَلَمْ أَلْقَ مِنْ أَهْلِهَا نُصْرَةً * فَعَلَبْتَنِي الْقَسَاوَةُ وَ الْحَسْرَةُ *

فَعَمَلْتُ بِالْخَبَرِ الْمَأْثُورِ : «إِذَا اشْتَدَّتِ الْأُمُورُ * عَلَيْكُمْ بِأَصْحَابِ الْقُبُورِ» ⁴²⁶ * فَذَهَبْتُ إِلَى قَوْمِ

يُودُونِي وَلَا يُؤْدُونِي * يَسْمَعُونِي وَلَا يُسْمِعُونِي * (л. 42a) وَقُلْتُ :

- سَلَامٌ عَلَيْكُمْ دَارُ قَوْمٍ مُؤْمِنِينَ * «إِنَّ هَذَا لَهُوَ الْحَقُّ الْيَقِينُ» ⁴²⁷ * وَإِلَيْهِ مَالُ جَمِيعِ

الْعَالَمِينَ .

وَجَلَسْتُ بَيْنَهُمْ مُعْتَبِرَ الْأَمْرِ تَعَبًا * وَ مُتَقَرِّبًا مِنْ ⁴²⁸ الْحَقِّ مُرْتَقِبًا * وَ أَعْمَلْتُ الْفِكْرَ فِي

حَدِيثِ سَيِّدٍ وَلَدِ عَدْنَانَ * «الْقَبْرِ رَوْضَةٌ مِنْ رِيَاضِ الْجَنَّةِ أَوْ حُفْرَةٌ مِنْ حُفْرِ النَّيِّرَانِ» ⁴²⁹ * وَ

تَصَاعَدْتُ أَنْفَاسِي بِأَنَّهُ بَعْدَ أَنَّهُ * عَلِمًا بِأَنَّ الْقَبْرَ غَالٍ بِأَلْفِ جَنَّةٍ * فَبَيْنَمَا أَنَا سَاكِبُ الْعَبْرَةِ * فِي

مَقَامِ الْحَيَرَةِ وَ الْعَبْرَةِ * وَإِذَا بِقَبْرِ يَحْفِرُ * لِمَيِّتٍ يَقْبُرُ * وَ جِنَازَةً مُقْبِلَةً * وَ جَمَاعَةً مُهَلَّلَةً *

⁴²⁵ В обеих рукописях в этом месте опущены слова «فيما حكاها» («среди того, что он поведал мне»), составляющие традиционное начало всех макама ал-‘Аббаса (P – л. 41b: 13; V – л. 39a: 9).

⁴²⁶ См. прим. № 454.

⁴²⁷ Коран [56:95].

⁴²⁸ В P неразборчиво написано нечто вроде «ي» (л. 42a: 3).

⁴²⁹ См. прим. № 455.

فَدَفَنُوا ذَلِكَ الْمَيِّتَ * وَ أَخَذُوا فِي الرُّجُوعِ إِلَى الْبَيْتِ * فَتَلَقَّاهُمْ شَيْخٌ قَدْ انْحَدَرَ مِنَ الْجَبَلِ * وَ هُوَ مُتَلَفِعٌ بِرِدَائِهِ الْمَكْرَ وَ الْحَيْلَ * فَقَالَ :

- أَيُّهَا الْمُعْرِضُونَ عَنِ الْإِعْتِبَارِ * الْمُتَعَرِّضُونَ لِلِإِغْتِرَارِ ! قَدْ دَفَنْتُمُ الْمَيِّتَ * وَ رَجَعْتُمْ إِلَى الْبَيْتِ⁴³⁰ * وَ تَعَلَّلْتُمْ بِعَسَى وَ لَيْتَ * وَ قُلْتُمْ : نَفْعُلْ كَيْتَ وَ كَيْتَ . وَ أَنْتُمْ تَضْحَكُونَ بَيْنَ الْأَرْمَاسِ * كَضَحَّكُمْ عِنْدَ الْأَعْرَاسِ * كَأَنَّكُمْ مِنَ الْمَنِيَّةِ آمِنُونَ * أَمْ قَدَمْتُمْ الْأُمْنِيَّةَ عَلَى الْمُنُونِ * فَاسْرَعْتُمْ الْخَطَى إِلَى الْخَطَاءِ⁴³¹ * أَمْ مَا كَشَفَ لَكُمْ⁴³² الْغِطَاءَ⁴³³ ؟ أَيْنَ مَنْ كَانَ قَلْبُكُمْ مِنَ الشُّبَّانِ ؟ وَ الْأَثْرَابُ أَمَا سَكَنُوا التُّرَابَ⁴³⁴ * وَ جَاوَرُوا⁴³⁵ الْبَلْقَعَ الْخَرَابَ * وَ أَخَذُوا مِنَ الْقُصُورِ إِلَى الْقُبُورِ * وَ مِنَ الْفَرَحِ إِلَى الْحُفْرِ * وَ مِنَ الْحَجَرِ إِلَى (л.42b) تَحْتَ الْحَجَرِ ؟ أَمْ مَا «كُلَّ نَفْسٍ دَائِقَةُ الْمَوْتِ»⁴³⁶ ؟ فَأَيْنَ الْمَهْرَبُ وَ الْفَوْتُ ؟ لَا بُدَّ لَكُمْ مِنْ هَذِهِ الصِّفَةِ الْمُقَيَّدَةِ * وَ هِيَ عَلَيْكُمْ مُشَدَّدَةٌ * وَ لَوْ كُنْتُمْ فِي بُرُوجٍ مُشَيَّدَةٍ * وَ مَصِيرُكُمْ إِلَى بَيْتِ الظُّلْمَةِ وَ الْوَحْشَةِ * وَ الدِّيدَانِ وَ النَّهْشَةِ⁴³⁷ * فَكُمْ طُمَسَ وَجْهًا وَ مَحَاسِنَ * وَ غَيْرُ مَعَانِيًا وَ مَحَاسِنَ ! تَجْعَلُونَ غَرَامَكُمْ فِي الْحُطَامِ * وَ عَلَى

⁴³⁰ В V пропущены слова «إلى البيت» (л. 39a: 5).

⁴³¹ В P красными чернилами закрашено замкнутое пространство в букве «ط» (л. 42a: 14).

⁴³² В P (л. 42a: 14) сокращение «م» как на л. 3b: 12. Возможный вариант его употребления см. [Gacek 2009, с. 250-251].

⁴³³ См. прим. № 456.

⁴³⁴ В P дана ошибочная форма «لتراب» (л. 42a: 16). Пропущена буква.

⁴³⁵ В V дана ошибочная форма «جاور» (л. 39b: 10).

⁴³⁶ См. прим. № 457.

⁴³⁷ См. прим. № 458.

رَغْمِ الْأَنْفِ يَأْخُذُكُمْ الرِّغَامُ * وَالْقُطْنُ مَعَكُمْ رَاحِلٌ وَقَاطِنٌ * وَالْكَفْنُ كُفُوٌّ لَكُمْ وَحَاضِنٌ *
 وَ سَتُخَلَّعُكُمْ⁴³⁸ الْجَنَادِلُ * وَ لَوْ أَفْلَحْتُمْ فِي الْمَحَافِلِ * وَالْحُلُلُ تُحَلُّ عَنْ الْأَعْطَافِ * وَ الدِّيَابِجُ
 يُجَذَّبُ⁴³⁹ مِنَ الْأَكْتَفِ * فَبَادِرُوا إِلَى تَوْبَةٍ * وَ اتَّخَذُوا الْعَهْدَ قَبْلَ الْحُلُولِ فِي اللَّحْدِ * فَفِي الْحَدِيثِ
 الْوَارِدِ * «إِنَّ اللَّهَ أَفْرَحُ بِتَوْبَةِ عَبْدِهِ الْمُؤْمِنِ مِنَ الْعَقِيمِ الْوَالِدِ , وَ مِنْ الظَّمَانِ الْوَارِدِ , وَ مِنْ
 الضَّلَالِ الْوَاحِدِ»⁴⁴⁰ * وَ أَنْشَدَ وَ هُوَ مُتَوَاجِدٌ :

أَ مَا شَيْبُكَ قَدْ لَاحَ * فَحَتَّامَ تُرَى صَاحِ⁴⁴¹
 تَعَاطَى شُرْبُكَ الرَّاحَ * وَ تَغْدُو⁴⁴² كُلَّ أَصْبَاحَ
 أَ مَا تَخْشَى مِنَ الْحَيْنِ * وَ مَا حَاوَلَهُ الْبَيْنِ
 وَ كَمْ شَاهَدْتُ بِالْعَيْنِ * فَتَى فَاتَ وَ قَدْ رَاحَ
 فَعُدَّ عَنْ خَبَرِ الْأَمْسِ * وَ خُذْ فِي خَبَرِ الرَّمْسِ
 وَ أَصْلِحْ عَمَلَ النَّفْسِ * فَإِنَّ الْبَعْثَ فَضَّاحَ

⁴³⁸ В Р и V дана ошибочная форма «ستلخعكم», в V над этим словом поставлены три точки, также указывающие на ошибочную запись (Р: л. 42b: 7; V: л. 39b: 18).

⁴³⁹ В Р и V дана ошибочная форма «يجذب», в V над этим словом поставлены три точки, также указывающие на ошибочную запись (Р: л. 42b: 8; V: л. 39b: 19).

⁴⁴⁰ См. прим. № 459.

⁴⁴¹ Стихотворный размер *хазадж*.

⁴⁴² В V дана ошибочная форма «تغدوا» (л. 40a: 5). Дописана лишняя буква.

443 (л. 43a) فَكَمْ مِلْتَ إِلَى الْمَالِ * وَفِيهِ الْحَالُ قَدْ حَالَ
 أَمْ مَا كَالرَّمْلِ يَنْهَالُ * وَكَمْ مِنْ جَامِعٍ طَاحَ
 تَهَوَّى زُخْرُفَ النَّقْشِ * وَلَمْ تَنْتَظِرِ النَّعْشِ
 سَتَلْقَى ظُلْمَةَ الْفَرْشِ * وَمَا فِي الْقَبْرِ مِصْبَاحُ
 خِيفَ الرَّحْمَنِ وَاعْبُدْهُ * وَغَيْرُ الْحَقِّ أَبْعَدُ
 عَنِ الْأَبْوَابِ وَاطْرُدْهُ * فَسَيْفُ الْحَقِّ سَفَّاحُ
 أَمْ مَا أَنْ تَصَافِيكَ * فَقَدْ طَالَ تَجَافِيكَ
 وَسَاعِي الْمَوْتِ دَاعِيكَ * وَأَقْدَاحُكَ أَتْرَاحُ
 فَحَاوِلْ غَايَةَ الْخَيْرِ * وَحَوْلْ مَرْكَبِ السَّيْرِ
 عَنِ الْحَانَةِ وَالْدَّيْرِ * فَإِنَّ الطَّرْفَ طَمَّاحُ
 فَمَنْ خَافَ مِنَ اللَّحْدِ * يِرَاعَى ذِمَّةَ الْعَهْدِ
 وَمَنْ كَانَ عَلَى الزُّهْدِ * إِلَى الْجَنَّةِ يَرْتَاحُ

⁴⁴³ В Р на этом листе, а также на л. 43b текст занимает восемнадцать строк вместо семнадцати. Вероятно, такое отклонение произошло вследствие желания автора сэкономить место на бумаге при записи стихов: запись состоит из чередования строк с тремя полустишиями и одним, однако такое деление бейтов по строкам не дало никакой экономии. В V этот стих дан по три полустишия на строке, что в отличие от формы записи в Р действительно сэкономилло место.

- وَمَنْ قَدْ جَدَّ مَا خَابَ * إِذَا مَا طَرَقَ الْبَابُ
- فَسَعَى الْعَبْدُ إِنَّ تَابَ * لِبَابِ الْخَيْرِ مِفْتَاحَ
- وَمَنْ هَامَ إِلَى اللَّهِو * وَقَدْ حَامَ عَلَى الزَّهْوِ
- يُوفِّي عَمَلِ السَّهْوِ * وَلِلْأَسْوَاءِ يَجْتَحِ
- وَيَلْقَى غَضَبَ الْجَمِّ * سَفِيهِه مَجَّ بِالدَّمِّ
- وَيَنْمُو خِزْيٌ مِنْ نَمٍ * وَمَنْ بِالسَّرِّ قَدْ بَاحَ
- (л. 43b) إِنَّ صُمْتَ وَصَلَيْتَ * وَلِلْأَرْحَامِ بَلَيْتَ
- وَلِلْأَيْتَامِ أَوْلَيْتَ * فَقَدْ أَحْيَيْتَ أَشْبَاحَ
- وَبَعْدَ النَّفْخِ فِي الصُّورِ * سَتَنْسَاقُ إِلَى الْحُورِ
- وَتَرْقَى أَرْفَعَ الدُّورِ * إِلَى رَحْمَةِ مَنَاحِ
- غَدَاً فِي أَفْسَحِ⁴⁴⁴ الدَّارِ * تُحْيِي بِرَضِيِّ الْجَارِ
- وَكَشَفِ الْغَمِّ وَالْعَارِ * فَهَذِي دَارُ أَفْرَاحِ
- وَتَنْقَادُ إِلَى الْعَرَضِ * وَتُلْقَى النَّفْلَ وَالْفَرَضِ
- وَيَبْدُو الدِّينَ وَالْقَرَضِ * أَبْعَدَ الْكَشْفِ إِضْوَاحِ

⁴⁴⁴ В Р дана ошибочная форма «أفصح» (л. 43b: 5).

- فَلَا يَنْفَعُكَ الْأَمْرُ * وَ قَدْ آلَ بِكَ الْحَمْرُ
- إِلَى النَّارِ إِلَى الْجَمْرِ * إِلَى نَقْمَةٍ فَتَّاحِ
- وَ إِنْ نُوْدِي فِي الْجَمْعِ * تَصَامَمْتَ فَلَا سَمْعَ
- وَ قَدْ فَاضَ لَكَ الدَّمْعُ * عَلَى الْخَدِّ وَ قَدْ سَاحَ
- فَعَالِجُ مَرَضِ الْقَلْبِ * بِمَاءِ الدَّمْعِ السَّكْبِ
- هَذَا أَنْفَعُ الطَّبِّ * فَإِنَّ الْجَرْحَ قَدْ قَاحَ
- وَ صَالِحٌ مِنْ بَغْيِ الْحَرْبِ * وَ لَا تَبْغِ عَلَى الدَّنْبِ
- وَ لَا تُغْضِبْ بِهِ الرَّبَّ * فَإِنَّ الصُّلْحَ إِصْلَاحَ
- وَ مِلْ بِالطَّبْعِ لِلْحَقِّ * بِمَا فِي النَّفْسِ قَدْ شَقَّ
- فَإِنَّ الْخُلُقَ فِي الْخُلُقِ * بِمَا قَدْ حَازَ نَضَّاحَ
- (ل. 44a) وَ بَادِرْ فِي دُجَى اللَّيْلِ * إِذَا أَرْخَى لَكَ الدَّيْلَ
- وَ ارْخِ الدَّمْعَ كَالسَّيْلِ * أَلَيْسَ الدِّيكَ قَدْ صَاحَ
- وَ مَنْ نَاحَ عَلَى الْمَيِّتِ * عَلَى الدَّرْبِ وَ فِي الْبَيْتِ
- فَفِي عَلٍّ وَ فِي لَيْتٍ * لَهُ الْفِكْرُ وَ إِنْ نَاحَ

فَلَمَّا أَخَذَ بِمَجَامِعِ الْقُلُوبِ * وَ نَبَذَ عَنْهَا الْكُرُوبَ * حَبَاهُ كُلُّ بِمَا سَمَحَتْ بِهِ نَفْسُهُ * وَ
 اسْتَكَانَتْ بِهِ مُهْجَتُهُ وَ سَكَنَ أَنْسُهُ * وَ فَازَ بِالْعَدَدِ وَ كَمَّهُ * وَ وَضَعَ الْمَعْدُودَ مَلْءَ كَمِّهِ * وَ صَعَدَ
 إِلَى الْجَبَلِ * وَ قَدْ حَصَلَ لَهُ مَا حَصَلَ * فَقَفَوْتُ⁴⁴⁵ بِهِ⁴⁴⁶ الْخَبْرَ * وَ بَلَوْتُ الْأَثَرَ * فَإِذَا هُوَ فِي الْحَانِ
 * بَيْنَ الْوَرْدِ وَ الرِّيحَانِ * وَ الْعَيْنِ وَ الْغِزْلَانِ * وَ يُدِيرُ الطَّاسَ وَ الْكَاسَ⁴⁴⁷ * وَ يُسَامِرُ الْقَسِيسَ
 وَ الشَّمَّاسَ * وَ هُوَ يَنْشُدُ بِصَوْتِ جَهْوَرِيٍّ * وَ نَظَّمَ⁴⁴⁸ جَوْهَرِيٍّ :

فَرَّغَ الْكِيسَ وَ أَمَلَأَ الْكَاسَاتِ * وَ أَدْرَهَا فِي الدَّيْرِ بِالطَّاسَاتِ⁴⁴⁹
 بِنْتُ دَنْ زُفْتُ إِلَى ابْنِ غَمَامَ * وَ لَهُ الْمَهْرُ كَانَ عَقْلَ الصَّحَّاتِ⁴⁵⁰
 وَ عَلَى صُحْبَتِهِ الصَّبَّاحُ صَبَاحًا * عَاطِينَهَا وَ دَعِ مَلَامَ الْوُشَاتِ⁴⁵¹
 وَ اجْعَلِ الرَّاحَ وَ الْمَلَّاحَ ضَحِيعِينَ * يَضُمُّ الْأَعْطَافَ وَ الرَّشَفَاتِ
 لَا تَكُنْ جَالِبَ الْهُمُومِ إِلَى النَّفْسِ * وَ كُنْ صَافِيَّ الْحَشَا وَ الصِّفَاتِ

⁴⁴⁵ В Р дана форма «قفوت» (л. 44a: 8). Пропущена буква.

⁴⁴⁶ В V это слово пропущено (л. 40b: 19).

⁴⁴⁷ В V дан обратный порядок этих слов – «الكأس و الطاس» (л. 41a: 2). В Р – л. 44a: 9.

⁴⁴⁸ В V дана форма «لَقَطَ» (л. 41a: 3), в Р – «نَظَّمَ» (л. 44a: 10).

⁴⁴⁹ Стихотворный размер *мудāри* ‘.

⁴⁵⁰ Производная форма мн. ч. от слова «صحوة». Поэтическая вольность. См. также прим. № 450.

⁴⁵¹ Правильная словарная форма этого слова «وشاة». Скорее всего, tā’ марбūта заменена на tā’ мамдūда только ради сохранения графического рисунка стиха, т.к. на стихотворный размер такая замена не влияет.

وَتُشَكَّلُ فِي كُلِّ زِيٍّ وَحَصِّلُ * طَبِيبَاتِ الْأَقْوَاتِ فِي الْأَوْقَاتِ
 وَاسْعِ وَ اكْسِبْ مَا يَجِدُ رِزْقًا وَ انْفِقْ⁴⁵² * جُمِعَهُ فِي الْمُدَامِ وَاللَّدَاتِ
 (Л. 44b) لَا تَكُنْ عَاجِزًا قَلِيلَ الْمَسَاعِي * حَائِرَ الْفِكْرِ دَائِمَ الْحَسَرَاتِ
 لَا تُؤَخِّرْ عَيْشًا إِلَى بَعْضِ يَوْمٍ * رَبِّ مَهْلٍ يَأْتِيكَ بِالْآفَاتِ
 وَإِلَى اللَّهِ تُبْ وَ بَادِرْ تَجِدْهُ * قَابِلَ التَّوْبِ غَافِرَ الزَّلَّاتِ
 فَلَمَّا عَرَفْتُ أَنَّهُ أَبُو الْفَضْلِ * وَقَدْ زَلَّ بِهِ الْعَقْلُ * قُلْتُ لَهُ :

- أَيْنَ وَعَظُّكَ بَيْنَ الْمَقَابِرِ * مَنْ جُلُوسُكَ بَيْنَ الْأَزَاهِرِ * وَ مُعَاذَلَتُكَ⁴⁵³ مَعَ الْغِزْلَانِ * وَ
 دُنُوكَ مِنَ الدُّنَانِ ؟!
 فَقَالَ :

- صَهْ ! لَا تُتَنَازِعْ فِي رَحْمَةٍ سَبَقَتْ عَلَى الْغَضَبِ * فَإِنَّ اللَّهَ يَغْفِرُ الذَّنْبَ سَبَبٍ وَ يَلَا
 سَبَبَ * وَ لَوْ لَا الْإِسَاءَةُ لَمَا حَسَنَ الْإِحْسَانُ * وَ لَوْ لَا الْجِنَايَةُ مَا عَرَفَ الْغُفْرَانُ * فَأَقْصِرْ فَقَدْ
 أَطَلَّتْ عَلَى لَوْمًا شَنِيعًا * وَ لَوْمًا دَرِيْعًا * «إِنَّ اللَّهَ يَغْفِرُ الذُّنُوبَ جَمِيعًا»⁴⁵⁴.

⁴⁵² Слова «ما يجد رزقا و انفق» похожи на позднюю приписку. В Р звёздочка следует за словом «انفق», а не «رزقا».

⁴⁵³ В V дана ошибочная форма «مغازلتك» (Л. 41a: 15). Описка.

⁴⁵⁴ Коран [39:53].

Перевод

Басрийская макама.

(л. 41b) Рассказывал Абӯ-л-Ҳайр ибн ал-Ҳāрис о Абӯ-л-Фадле ибн ал-Вāрисе. Он сказал:

– Прибыл я в город Басру, и не нашёл я у его жителей помощи, тогда одолели меня жестокосердие и [душевное] сокрушение, и я поступил согласно преданию [о Пророке] передаваемому: «Если затруднительны стали дела, то следует вам [обратиться] к спутникам могил»⁴⁵⁵. И я направился к народу, который меня огорчает, но не приносит мне вреда, и слушает меня, но мне не рассказывает.

(л. 42a) И я сказал:

– Мир тебе, пристанище народа правоверного! Это всё – несомненная истина, ей принадлежат все миры.

И я сел среди них, извлекая назидание из [своего] состояния, [будучи в] затруднении, подбираясь к истине, выжидая, и я стал размышлять над хадисом господина сынов Аднана: «[Аллах сделай наши] могилы садом из садов райских и [не сделай] ямой из ям огненных»⁴⁵⁶ и вознеслись мои вздохи и стенания от знания того, что могила стоит тысячи [райских] садов. Между тем как я изливал слёзы на стоянке изумления и назидания, вырыли могилу, чтобы похоронить усопшего и показалась похоронная процессия. Собравшиеся, произнося слова «нет божества кроме Аллаха», погребли усопшего и [уже] собрались расходиться по домам, как их повстречал старец, спустившийся с гор, покрытый плащом коварства и хитрости, он сказал:

⁴⁵⁵ Перефразированный хадис, якобы восходящий к самому пророку Мухаммаду, в котором рекомендуется в случае жизненных затруднений посетить могилы умерших, чтобы попросить помощи у их душ («إذا أعيتكم الأمور فعليكم بأهل القبور» или «إذا تحيرتم في الأمور فاستعينوا بأهل القبور»). Этот хадис не признается большинством хадисоведов, так как считается грехом молить кого-либо о помощи кроме Аллаха [Ибн Таймийа 2004, с. 356]. Примечательно, что на этот же хадис, не цитируя сам текст, ссылается ал-Ҳарйр в Савской макаме (№ 11) [ал-Ҳарйр 1981, с. 83].

⁴⁵⁶ Хадис [ат-Тармизй, с. 918].

– О, избегающие почёта и противящиеся заблуждению! Вы погребли усопшего и разошлись по домам, и вы утешились словами «может быть» и «ах, если бы», и вы сказали: Мы будем поступать так-то и так-то. И вы смеётесь среди могильных плит, словно вас рассмешили на свадьбе, как если бы вы [пребывали] от судьбы в безопасности или поставили желание [предводителем] над смертью, и вы ускоряете шаги [в сторону] заблуждения. Разве не сняли вам покров [с глаз ваших]?⁴⁵⁷ Где тот, кто был для вас душой из юношей? А сверстники [ваши], разве не обрели они покой в земле и не поселились по соседству с развалинами пустынной местности? [Разве] не были они отправлены из дворцов в могилы, от веселья в ямы, из комнат [прямо] (л. 42а) под [могильный] камень? Разве не «всякая душа вкушает смерть»?⁴⁵⁸ Где же выход и избежание [от этого]? Вам не избежать этой особенности сковывающей, она связывает вас крепко, и даже если бы вы были в крепостях возведённых, удел ваш – в доме мрака и одиночества, червей и змей⁴⁵⁹. И сколько же было стёрто [красивых] лиц и прелестей бессмысленно и недоброжелательно! Вы обращаете вашу любовь к благам [мирским], но вас покроет прах даже против вашей воли. И слуги вместе с вами живут и умирают, и вас саван равный покрывает, и разъединит вас великая сила, даже если вы блаженствовали на собраниях, и исподнее одеяние освободится от верхнего платья, и шёлк будет стянут с плеч. Так спешите же к покаянию, ведь принятие обета [должно] предшествовать погребению в могилу. [Как сказано] в хадисе приводимом: «Для Бога раскаяние его раба радостней, чем рождение ребёнка у бесплод-

⁴⁵⁷ Реминисценция из Корана «فكشفنا عنك غطاءك فبصرك اليوم حديد» [50:22].

⁴⁵⁸ Цитата из Корана [3:185], часто используемая в качестве эпитафии: «Всякая душа вкушает смерть, и вам сполна будут даны ваши награды в День воскресения».

⁴⁵⁹ Перефразированное изречение пророка Мухаммада («إنَّ هذا القبر هو بيت الوحشة بيت الغربة... بيت الدود» («نعوذ بالله من ظلمة القبر و وحشة القبر و ظلمة القبر و ضيق القبر» и «بيت اللحود»).

ной, испытание воды жаждущим, нахождение утерянного [владельцем]»⁴⁶⁰, и он продекламировал, изливая печаль:

<i>Разве не стала видна твоя седина?</i>	<i>Когда же ты пробудишься?</i>
<i>Ты употребляешь вино</i>	<i>и уходишь рано каждое утро</i>
<i>Разве ты не боишься смерти</i>	<i>и того, что лишает разлука?</i>
<i>И сколько я видел [своими] глазами</i>	<i>юношей ушедших [ранее] и уже ми-</i>
	<i>нувших</i>
<i>Отвратись от деяний прошлых</i>	<i>и прими знание о могиле</i>
<i>Поправь дела [своей] души,</i>	<i>поистине День воскресения [вер-</i>
	<i>ный] разоблачитель</i>
(л. 43а) <i>Как же ты пристрастился к</i>	<i>и [сколько тобой] из-за этого было</i>
<i>имуществу</i>	<i>упущено времени</i>
<i>Разве [оно] не как песок уходит?</i>	<i>Сколько же из собрания [оно] унес-</i>
	<i>ло?!</i>
<i>Ты любишь блеск украшений</i>	<i>и не ожидаешь погребальных носи-</i>
	<i>лок</i>
<i>Ты столкнёшься с темнотой ложа,</i>	<i>а в могиле нет светильника</i>
<i>Бойся Всемилостивого и поклоняйся</i>	<i>И [всё] кроме истины удали</i>
<i>ему</i>	
<i>От дверей и то прогони</i>	<i>Меч истины – кровь проливающий</i>
<i>Разве не настало время вашего прими-</i>	<i>и долго длилось ваше отчуждение</i>
<i>рения</i>	
<i>И посланник смерти вас призвал</i>	<i>и кубки твои [полны] скорби</i>
<i>Возжелай устремления к добру</i>	<i>и отверни [свое] судно странствий</i>
<i>От винной лавки и монастыря</i>	<i>поистине благородный [муж] че-</i>

⁴⁶⁰ Перефразированное изречение, возводимое напрямую к пророку Мухаммаду, считающееся достоверным (марфӯ'): «الله أفرح بتوبة عبده من العقيم الوالد، و من الضال الواعد، و من الظمان الوارد». [ар-Райшахрӣ 1996, с. 338].

<i>И тот, кто боится могилы,</i>	<i>столюбив</i>
<i>А тот, кто был благочестивым</i>	<i>соблюдает обязательность догово-</i>
<i>Тот же, кто усерден, не потерпит не-</i>	<i>ра</i>
<i>удачу</i>	<i>в раю обретёт отдохновение</i>
<i>Так стремись раб к раскаянию – оно</i>	<i>даже если не постучит в дверь,</i>
<i>А тот, кто пристрастен к развлече-</i>	<i>ключ к вратам блага</i>
<i>нию</i>	<i>и окружён великолепием</i>
<i>Заплатит за поступок опрометчивый</i>	<i>и за зло будет погублен</i>
<i>И он столкнётся с гневом сильным</i>	<i><...> с порицанием</i>
<i>Произрастает бесчестье из клеветы</i>	<i>и тот, кто [поступает] тайно –</i>
<i>(л. 43b) Если ты постился и молился</i>	<i>раскрывается</i>
<i>И сиротам оказывал благодеяние,</i>	<i>и нутро изнурял</i>
<i>И после того как протрубят в рог</i>	<i>[то когда] будут воскрешены души</i>
<i>И ты взойдёшь на высшее местопре-</i>	<i>ты будешь отведён к чернооким</i>
<i>бывание</i>	<i>к милосердию благородного</i>
<i>Завтра в самом просторном жилище</i>	<i>ты будешь приветствовать же-</i>
<i>Развей печаль и [забудь] о стыде,</i>	<i>ланного соседа</i>
<i>И ты будешь направлен в День страш-</i>	<i>ведь это жилище радости</i>
<i>ного суда</i>	<i>и получишь награду и определённую</i>
<i>И обнаружится долг и заём</i>	<i>долю</i>
<i>И тебе не принесут пользы обстоя-</i>	<i>самый далёкий словно ясное объяс-</i>
<i>тельства</i>	<i>нение</i>
<i>И тебе не принесут пользы обстоя-</i>	<i>коли ты пристрастился к вину</i>
<i>В огонь, в горящие угли</i>	<i>к каре подателя благ</i>

<i>И если <...> в пятничный день</i>	<i>ты останешься глухим и не услы- шишь</i>
<i>И у тебя уже потекли слёзы</i>	<i>по щёкам и разлились</i>
<i>Вылечи болезнь сердца</i>	<i>влагой слёз пролитых</i>
<i>Это самое полезное снадобье</i>	<i>ведь поистине рана уже загноилась</i>
<i>Примиришься с несправедливостью горя</i>	<i>и не замыслишь греха</i>
<i>И не гневи им Господа</i>	<i>Поистине примирение – исправле- ние</i>
<i>Стремись [своей] сущностью к истине</i>	<i>тем, что разрывает душу</i>
<i>Поистине гнев в людях</i>	<i>это то, чем уже овладел проливший влагу</i>
(л. 44а) <i>Спеши во мраке ночи</i>	<i>даже если она опустила для тебя [свой] подол</i>
<i>Отвори слезы словно поток</i>	<i>Разве петух ещё не пропел?</i>
<i>Тот, кто оплакивает мёртвого</i>	<i>на улице или в доме</i>
<i>Среди знатных и бедных</i>	<i>у него раздумья, даже если он и плачет</i>

И сказал равий:

– Когда же он пленил все сердца и отбросил от них печаль, каждый одарил его, чем позволила его душа, и успокоился этим его дух, и утихла его общительность, и он приобрёл [блага обильные] числом и количеством, и он сложил посчитанное, наполнив [тем] свой рукав, и поднялся в горы, и [тут] случилось с ним то, чего не случилось – я пошёл за ним следом, и вот он в винной лавке среди роз и мирта, денег и газелей, обносит [всех] кубком и чашей, и разговаривает со священником и дьяконом, и декламирует стихи громким голосом, нанизывая драгоценные камни:

Опорожните кошельки и наполните кубки

подайте их множество в монастырь вместе с чашами

Дочь кувшина была обручена с сыном туч⁴⁶¹,
 а махром⁴⁶² за неё послужила ясность рассудка
 И в его сообществе прелестники поутру
 подай нам их и оставь осуждение клеветника
 Подготовь вино и прелестных товарищей, лежащих вместе
 прижиманием боков и глотками.
 И не будь приносящим беспокойства душе,
 а будь чист нутром и характером
 И будь неузнанным в любом одеянии и добывай
 блага из пищи насыщенной своевременно
 Трудись и зарабатывай [чем можно] хлеб насыщенный,
 а трать его весь на вино и наслаждения
 (л. 44b) Не будь бессильным, старающимся мало,
 нерешительным в мыслях, вечно скорбящим
 Не откладывай пропитание на другой день,
 [или же] частое промедление достигнет тебя бедами
 К Аллаху обратись с раскаянием и [к нему одному] поспедай,
 [и] найдёшь его
 принимающим раскаяние, прощающим ошибки.

И когда же я узнал, что это Абӯ-л-Фадл и что совершил над ним [шутку его] разум, я сказал ему:

– Где же твоя проповедь среди могил? Кто сидит с тобой среди цветов? [А] твои заигрывания с газелями, и твоя близость к кувшинам с [вином]?!

И он сказал:

⁴⁶¹ Т.е. с дождём, водой.

⁴⁶² Махр – условленное количество денег, или драгоценного металла, или другого ценного имущества, которое должен будет отдать жених своей будущей жене в качестве подарка.

– Молчи! Не оспаривай милосердие, опередившее гнев, поистине Аллах по причине и без причины прощает грех. И если бы не зла причинение, то не украсилось бы благодеяние, и если бы не преступление, то не познать [грехов] прощения, так ограничя же в скупости позорной и поспешном осуждении, [ведь] «поистине, Аллах прощает грехи полностью»⁴⁶³.

⁴⁶³ Коран [39:53].

**Таблица № 1: Важнейшие даты, связанные с историей
рукописей В 66 и N.F.66**

1074–1143	аз-Замāхшарӣ (его макамы в одном конволюте с рукописью N.F.66)	Султаны, правители и периоды их правления	
1193	ум. Абӯ-л-’Аббāс Ибн Мāрӣ		
1054–1122	ал-Ҳарӣрӣ		
1203–1286	ал-Байдāвӣ		
1248–1310	ал-Мауҗилӣ		
1445–1505	ас-Суйӯтӣ		
1536	ум. ал-Исфарāййнӣ		
1463–1556	ал-’Аббāсӣ	1501-1516	Қансӯх ал-Ғӯрӣ
		1512-1520	Селим I
		1520-1566	Сулейман I
1591	ум. ал-Қаввāс	1574-1595	Мурад III
1678	Муҳаммад ’Алӣ ат-Ғабйб (владельческая надпись в В 66, л. 1а), <u>позднейшая возможная дата написания рукописи В 66</u>	1648-1687	Мехмед IV
1763	Оглавление рукописи N.F.65 (дата на л. 4а), написанное той же рукой, что и для N.F.66, <u>позднейшая возможная дата написания N.F.66</u>	1757-1774	Мустафа III
1774	Муҗтафа Ғарāбулусӣ (дата в комментариях на полях л. 34а в N.F.66)		
1808	Й. Хаммер-Пургшталь привёз в Австрию рукопись N.F.66 (дата в печати на л. 86б)	1789-1807	султан Селим III
1817	В 66 описана в каталоге Ж.Л. Руссо перед продажей всей коллекции		
1819	В 66 куплена у Ж.Л. Руссо Азиатским Музеем		
1840	N.F.66 описана в каталоге Й. Хаммер-Пургштала		
1865	N.F.66 описана в каталоге Г.Флюгеля		
1924	Л. Шейхо объявил о полном расхождении текста рукописи N.F.66 с багдадским списком макам Ибн Мāрӣ		
1986	В 66 описана в «Кратком каталоге» А.Б. Халидова		
2002	Я. Хямен-Аттила отметил ошибку при атрибуции N.F.66 в каталоге Г.Флюгеля		
2011	Обнаружено совпадение текстов рукописей В 66 и N.F.66		

Таблица № 2: Оглавление рукописей В 66 и N.F.66

№	Название	Перевод	№ лл. в В 66	№ лл. в N.F.66
	Предисловие к сочинению	المقدمة	1b-2b	1b-2b
1	Законоведная макама	المقامة الفقهية	2b-6a	2b-5b
	Предисловие к макаме № 2	مقدمة المقامة الرومية	7b-8a	5b-6b
2	Румийская макама	المقامة الرومية	8a-16a	6b-16a
3	Поэтическая макама ⁴⁶⁴	المقامة الشعرية	16b-20a	16a-19b
4	Халебская макама	المقامة الحلبية	20a-24a	19b-23b
5	Куфийская макама ⁴⁶⁵	المقامة الكوفية	24a-27a	23b-26a
6	Египетская макама	المقامة المصرية	27a-30a	26a-29a
7	Сайдавидская макама	المقامة الصيداوية	30a-33a	29a-32a
8	Румийская макама	المقامة الرومية	33a-36a	32a-34a
9	Вавилонская макама ⁴⁶⁶	المقامة البابلية	36b-39a	34b-37a
10	Хамаданская макама	المقامة الهمدانية	39a-41b	37a-39a
11	Басрийская макама	المقامة البصرية	41b-44b	39a-41b
12	Танухийская макама	المقامة التنوخية	44b, 79a-80b	41b-43a
13	Пятнистая макама, называемая Хамавийской	المقامة الرقطاء و تُسمى بالحموية	80b-82b, 45a-45b	43a-46a
14	Праздничная макама	المقامة العيدية	45b-49a	46a-49b

⁴⁶⁴ Не упоминается в каталоге А.Б. Халидова.

⁴⁶⁵ Пропущена в оглавлении P.

⁴⁶⁶ Пропущена в оглавлении V.

15	Туркменская макама	المقامة التركمانية	49a-51b	49b-51b
16	Макама о неукрашенном и украшенном	مقامة الحالي و العاقل	51b-55a	51b-54b
17	Дирхамская макама	المقامة الدرهمية	55a-57a	54b-56b
18	Кахкарийская макама	المقامة القهقرية	57b-60a	57a-59a
19	Оборотная макама и то, что может отражаться	مقامة العكس و ما لا يستحيل بالانعكاس	60a-63a	59a-62a
20	Макама о жадности и довольстве малым	مقامة الطمع و القناعة	63b-67b	62a-66a
21	Макама о законоведческих загадках	مقامة الالغاز الفقهية و المسائل الأصولية	67b-72a	66a-70a
22	Макама о щеке и родинке	مقامة العذار و الخال	72a-75b	70a-73b
23	Грамматическая макама	المقامة النحوية	75b-77b, 84a-86a	73b-77b
24	Договорная макама	المقامة العقدية	86a-88b	77b-80a
25	Саруджийская макама	المقامة السروجية	89a-92a	80a-83a
26	Мурджийская макама	المقامة المرجية	92a-95a	83a-85b

**Таблица № 3: Сравнение композиционной структуры
«Законоведной» макамы ал-Ҳарӣрӣ и ал-‘Аббāса**

ал-Ҳарӣрӣ (макама № 15)	ал-‘Аббāс (макама № 1)
I. Вводная фраза II. Экспозиция: а) бессонница главного героя; б) описание ночи (краткое, <i>васф</i>); в) желание рассказчика обрести собеседника; III. Появление ночного гостя: а) рассказчик впускает гостя в дом б) характеристика внешнего вида гостя; в) момент узнавания; г) расспросы; д) отказ от угощения.	Вводная фраза Экспозиция: а) бессонница главного героя; б) описание ночи (подробное, <i>васф</i>); в) желание рассказчика обрести собеседника; Появление ночного гостя: а) рассказчик приветливо встречает гостя б) характеристика внешнего вида гостя; в) момент узнавания; г) угощение; д) расспросы.
IV. Переход (<i>рассказ гостя о причине ночного визита</i>) Ночное хождение по дорогам до первой зари; V. Переход (<i>место действия рынок</i>): а) обнаружение грозди фиников и сливок в лавке торговца и их описание (<i>васф</i>); б) поиски в течение целого дня средств для утоления голода. VI. Переход (<i>встреча со стариком</i>): а) герой расспрашивает старика; б) жалобы старика на упадок наук; в) повторное расспрашивание старика; г) ответ старика; д) герой предлагает свою помощь; е) старик сомневается в способностях героя, но вручает ему записку с законоведной загадкой; ж) текст законоведной загадки; з) герой заявляет о своей способности решить загадку. VII. Герой просит старика накормить его в обмен на решение загадки: а) Описание еды, которой бы хотелось от-	Переход (<i>рассказ гостя о причине ночного визита</i>) Ночное восхождение по горной дороге без отдыха до зари; а) — б) — Переход (<i>встреча с пировавшим собранием</i>): а) жалобы собрания на упадок наук; б) герой расспрашивает собрание; в) — г) ответ собрания; д) герой предлагает свою помощь; е) собрание сомневается в способностях героя, но вручает ему записку с законоведной загадкой; ж) текст законоведной загадки; з) герой заявляет о своей способности решить загадку. а) —

ведать герою (<i>ваѣф-описание</i>); б) Старик предостерегает героя против обмана (<i>нравоучение</i>); в) Описание убогости жилья старика (<i>мотив скупости</i>).	б) — → в) —
VIII. Герой декламирует ответ на загадку. IX. Отрицательная реакция на красноречивый ответ героя (получив ответ, старик прогоняет героя из своего дома, отказываясь предоставить ему ночлег) (<i>мотив скупости</i>).	Герой декламирует ответ на загадку. Отрицательная реакция на красноречивый ответ героя (качество ответа возбудило зависть у собрания, герой бежит в лес, спасаясь от расправы) (<i>мотив зависти</i>).
X. Действие повествования замыкается (<i>герой набредает на жилище рассказчика</i>). XI. — ←	Действие повествования замыкается (<i>герой набредает на жилище рассказчика</i>). Рассказчик просит героя дать комментарий на цитату из Корана о многоженстве (продолжительное филологическое рассуждение о вариантах огласовки коранической фразы);
XII. Герой развлекает рассказчика беседой в течение оставшейся ночи. XIII. Прощальные стихи героя и расставание.	Герой развлекает рассказчика беседой в течение оставшейся ночи. →

ал-Харйрй

ал-‘Аббас

I. Экспозиция (Э)	<	Экспозиция (Э)
II. Явление главного героя и его узнавание рассказчиком (Я-У)	=	Явление главного героя и его узнавание рассказчиком (Я-У)
III. Диалог рассказчика с героем (Д)	=	Диалог рассказчика с героем (Д)
IV. Рассказ героя, вторая рамка (Р):		Речь героя, вторая рамка (Р):
а) Экспозиция (Э ₂)	=	Экспозиция (Э ₂)
б) Промежуточная тема (Т)	—	—
в) Диалог с доп. персонажем (Д ₁)	=	Диалог с доп. персонажем (Д ₁)
г) Промежуточная тема (Т)	—	—
д) Проявление красноречия героем (К)	=	Проявление красноречия героем (К)
е) Диалог с доп. персонажем (Д ₂)	—	—
ж) Уход героя, замыкание рамки (Ух)	=	Уход героя, замыкание рамки (Ух)
V. Диалог рассказчика с героем (Д)	<	Диалог рассказчика с героем (Д)
VI. Уход героя (Ух ₂)	>	Уход героя (Ух ₂)

— элемент отсутствует у одного из авторов

= у авторов имеются одинаковые по объёму и содержанию композиционные элементы.

> у одного из авторов элемент больше по объёму